

И. Л. МИНИНЗОН

ЗАПИСКИ НАТУРАЛИСТА

НИЖНИЙ НОВГОРОД

2008

СОДЕРЖАНИЕ

	Случай на границе (вместо предисловия)	3
I.	Тайны Ботанического сада.....	7
	Заколдованное место.....	7
	Альпийская горка	9
	Трясина	11
	Исчезнувший браконьер	14
	Зверолов.....	17
	Мониторинг	20
	Лозоходцы	24
	Черный лес.....	27
	Смотритель оранжереи.....	30
II.	По весям Нижегородского края	33
	Веточка восковника.....	33
	Лес рубят.....	37
	Убрать конкурента	40
	Голубок и голубка	44
	Деревенский Мастер	47
III.	На городских перекрестках.....	50
	Трагедия лесного озера	51
	Бермудский треугольник.....	54
	Зона отчуждения.....	57
	Чудо-дерево	60
	Зуб мудрости	63
IV.	На конференциях и совещаниях	68
	Мутант	68
	Случай на биостанции.....	71
	Леший	74
	Общественная экспертиза	79
	Волна численности.....	83
V.	В школе, в университете, в ресторане.....	86
	Таракан	86
	Экзамен по математике	90
	Кот и лиса	93
	Случай в гербарии	97
	Виварий.....	101
VI.	Загадки прошлого.....	104
	Дело купца Маслова.....	104
	Дорога никуда.....	108
	Гибель парка	112
	Происшествие в Арзамасе.....	116
	Пропавшая экспедиция	120
	Вместо заключения: История одного браконьера.....	125

СЛУЧАЙ НА ГРАНИЦЕ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Насколько я себя помню, уже лет с двенадцати я любил, – чаще всего в одиночку, ибо со сверстниками сходил плохо, – бродить по окрестным полям и лугам. Позднее я совершенно естественно перешел к собиранию гербария, чтению биологической и географической литературы и это увлечение природой привело меня на биофак университета, который я благополучно закончил, мысля себя профессиональным натуралистом. Еще в студенческие годы я исходил вдоль и поперек все ближние окрестности Горького, набираясь впечатлений о растительном мире, гидрографии, рельефе и геологии, и если бы обращал внимание только на природу, то предлагаемые вашему вниманию «Записки натуралиста» имели бы классический вид, представляя собой рассказы о встреченных интересных природных объектах и явлениях (повторяю, что, будучи с детства человеком необщительным, я людей избегал, предпочитая быть наедине с природой). Однако когда я после окончания университета вступил в военную службу, не только жизнь и судьба, но и мое мирозерцание коренным образом изменились, особенно после одного случая на юго-восточной границе.

Направлен я был в Краснознаменный Дальневосточный военный округ и, после окончания ускоренного курса в Дальневосточном высшем общевойсковом командном училище, был назначен командиром пулеметного взвода в укрепрайон, недалеко от устья Сунгари. Немного освоившись, я принялся изучать местную флору, совершая экскурсии в долине Амура, чаще всего в сопровождении своих солдат и сержантов.

Командир пулеметной роты старший лейтенант Кулинич был этим очень доволен. «Чем по городу шляться и сомнительные знакомства заводить, пусть они лучше с вами в выходные дни на природе побудут. Я попрошу, чтобы продуктов вам подбросили: костерок разложите, картошку испечете, чаю с травками попьете. Заодно и о природе вы с ними беседу проведете», – сказал он мне. Определителя растений, у меня, правда, не было и это сильно затрудняло дело.

В ту пору обстановка на китайской границе была очень напряженной и пулеметные батальоны укрепрайонов постоянно высылали к границе дежурные взводы в полной боевой готовности, а однажды был выслан усиленный отряд под командованием Кулинича. Я был начальником патрульной службы, контролируя пешие патрули; с некоторыми из них я отправлялся к границе сам.

И вот однажды, в сопровождении трех солдат, я обходил участок границы и, уже возвращаясь в казарму дежурного подразделения, заметил в кустах у дороги средних лет

мужчину, гербаризировавшего местную флору. Я подошел к нему и попросил предъявить документы. Мужчина тотчас же вынул из кармана куртки паспорт и в нем вложенное разрешение старшему преподавателю кафедры ботаники Хабаровского пединститута на посещение пограничной зоны в районе села ...ое. Для нахождения на территории укрепрайона этого было недостаточно и я попросил ботаника прибыть вместе с нами в казарму. По пути я разговорился с ним и посетовал, что мне, прибывшему в эти края из европейской России, и не имевшему определителя, трудно заниматься флористикой и старший преподаватель заверил меня, что в определении растений мне поможет.

Кулинич встретил задержанного вежливо, сказал, что нарушение небольшое и формальности быстро уладятся и попросил только выложить на стол для досмотра содержимое его карманов и полевой сумки, а также гербарной папки. Паспорт ботаника он отдал старшине Зяхору и попросил его как можно быстрее созвониться с райотделом милиции, чтобы удостовериться, что наш визитер у них зарегистрирован.

Меж тем старший преподаватель выложил на стол записную книжку, полевой дневник, аптечку, перочинный нож, компас, два карандаша, шариковую ручку, схему местности, пачку печенья, ключи, кошелек, лупу и краткий определитель растений Приамурья. В ботанической папке у него оказались ветки древесных и кустарниковых пород.

Кулинич внимательно все осмотрел, вернул ботанику и попросил его помочь мне в определении растений, которые я собрал на боевом дежурстве. Пока старший преподаватель писал на полевых этикетках названия растений, вернулся старшина Зяхор и громко объявил, что все в порядке, нужно только съездить в ближайшую деревню, поставить на погранзаставе штамп на разрешение.

– В благодарность за труды и в награду за причиненное беспокойство, прошу выпить чаю с солдатскими галетами, а тем временем прибудет машина и отвезет вас с комфортом, – объявил он старшему преподавателю.

Через полчаса за окном раздался гудок, старший преподаватель попрощался с нами, извинился за причиненные хлопоты, обещал более не нарушать режим пограничной зоны и пожелал мне успехов в ботанике.

– Ну вот, дня через два будет ясно, кто он таков на самом деле. Я приказал старшине сдать его в погранотряд. Он явно не тот, за которого себя выдает! – сказал старший лейтенант.

– А что вы обнаружили подозрительного? – изумился я. – Документы у него в порядке, разве что по недоразумению в зону укрепрайона по оплошности забрел без

специального разрешения. Вещи тоже подозрения не вызывают. Типичный ботаник, одним словом. Да к тому же достаточно высокой квалификации.

– Я и не сомневаюсь, что флору он знает хорошо, а все же это не профессиональный ботаник! Вам ничего в его снаряжении не показалось подозрительным?

Я лихорадочно перебирал в памяти впечатления от его вещей, но ничего подозрительного для себя не обнаружил.

– Не думал я, что вы, профессиональный натуралист, окажетесь таким не наблюдательным! А все оттого, что не привыкли присматриваться к людям. Я мог бы сразу вам объяснить, в чем дело, но давайте подождем два дня. Может быть, за это время вы и сами догадаетесь.

Через два дня, когда я вернулся из очередного патрулирования границе, ко мне подошел сияющий Кулинич и выпалил:

– Полный порядок! Он оказался китайским шпионом и им занимается КГБ. Нас с вами ждет благодарность от командира части, поздравляю! А, кстати, вы не догадались, в чем дело?

– Никак нет, товарищ старший лейтенант! Сдаюсь! Объясните мне, пожалуйста!

Кулинич со снисходительной усмешкой посмотрел на меня и нарочито медленно проговаривая, сказал:

– Вы, когда гербаризируете, закладываете в папку вместе с растением листочек бумажки, где пишете, когда нашли, а еще указываете, где и в каких экологических условиях произрастает это растение. Вы сами мне еще говорили, что без такого листка бумажки, полевой этикетки, сборы имеют сомнительную научную ценность. Так вот у него полевых этикеток не было вовсе, даже запаса их не было! И еще: я просмотрел полевой его дневник, так там указана погода и ничего больше! Разве это полевой дневник ботаника!?

...История эта имела продолжение. Месяца через три Кулинич уехал в Хабаровск на сборы командиров рот укрепрайонов, а когда вернулся оттуда, привез мне в подарок купленный в букинистическом магазине определитель древесно-кустарниковых пород Дальнего Востока. На книге он написал следующее.

«Моему боевому другу на память о совместной службе». А ниже: «Дорогой Илья Львович! Интересуюсь растительным миром, обращай внимание и на людей! Уверяю, что это не менее увлекательное занятие!»

С тех пор, excursionируя по лесам, лугам, паркам, я пользовался каждым удобным случаем, чтобы побеседовать с местными жителями, с местными работниками. Я понял, что в природе много интересного, но еще интереснее бывают судьбы людские. Более того,

многое в тайнах природы связано с тайнами людских судеб. Особенно это оказалось справедливым в отношении территории и ближних окрестностей учреждения, где я работаю уже свыше пятнадцати лет – Ботанического сада Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Таинственные истории, случившиеся здесь и составляют первую часть моих записок. Само собой разумеется, что в этих, как и в последующих очерках, я изменил некоторые имена людей, а, отчасти, даже наименования учреждений, чтобы не смущать живущих и не тревожить память умерших героев моих очерков. В ряде случаев пришлось даже несколько изменить географические названия и само содержание событий. Впрочем, я надеюсь, что внимательный читатель сможет разобраться, где – художественное переосмысление действительности, а где – гипотетические предположения автора, в ряде случаев совершенно необходимые при анализе ситуаций, где достоверные данные весьма немногочисленны.

* * *

Эти очерки под общим названием «Судьба», «Экологический детектив», «Записки натуралиста» печатались в девяностых годах в ряде местных газет под псевдонимами. Готовя их для сборника, я многие из них переработал. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Г.И.Мартынову, Ю.И.Мининзона, В.И.Мининзона за помощь в компьютерном наборе текста.

I. ТАЙНЫ БОТАНИЧЕСКОГО САДА

Ботанический сад Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского, где служит автор этих строк, расположен в идиллическом и тихом месте – на городской окраине, за тишайшим поселком Дубенки, на опушке и в глубине дубравы. Миром и спокойствием дышит здесь все. Но это спокойствие – только кажущееся. Никуда не уйдешь, нигде не спрячешься от нашего жестокого мира. Много таинственных, а подчас и откровенно криминальных историй связано с Ботаническим садом и его окрестностями. Отчасти свидетелем этих историй был автор этих строк, о других ему рассказали ветераны сада и старожилы поселка Дубенки. Эти рассказы с успехом используются автором на экскурсиях по саду со школьниками и студентами.

ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО

Когда основателем Ботанического сада профессором Нижегородского университета Сергеем Сергеевичем Станковым было выбрано подходящее для сада место, оно оказалось в пользовании колхоза деревни Дубенки. По действующим в те времена правилам для отвода земли нужно было получить разрешение его владельцев и тут ожидали больших затруднений, ибо земля эта интенсивно использовалась под выгон, пастбища, поля и огороды. А лесок, где позднее организовали эталонную дубраву, служил дубенковцам источником кольев, жердей, древесины и орехов. Тем не менее, к удивлению Сергея Сергеевича, дубенковцы с легкостью и даже как будто с облегчением расстались со своими угодьями; разумеется, одна из причин бала та, что их наделили такими же угодьями неподалеку. Но не это была главная причина.

Лет двадцать тому назад историю отвода земли под будущий Ботанический сад рассказал автору ветеран Ботанического сада, ныне покойный Н.П.Зернов, в свою очередь слышавший ее от другого ветерана сада и жителя Дубенок также покойного Б.П.Рудометова.

Корни этой истории уходят в 1918 год, когда из германского плена возвратился к себе на родину, в Дубенки местный житель Иван Яковлевич У. Приехал он не с пустыми руками и головой: в плену он работал в имении померанского помещика и автора многочисленных работ по агрономии и агрохимии К.Ф.В. фон Ягецова. Образованный помещик, имевший ученую степень доктора философии за работы по агрономической химии и читавший лекции по сельскому хозяйству в университете расположенного поблизости города, не мог нарадоваться на своего русского батрака, человека грамотного,

сметливого, на удивление быстро освоившего немецкий язык и к тому же работающего. Он не раз предлагал остаться у него в поместье навсегда, обещал дать ему образование, послав учиться за свой счет в местный университет и даже был согласен выдать за него свою племянницу, но Иван очень тосковал по оставшемуся на родине семейству. При расставании помещик – профессор снабдил Ивана новейшими химическими средствами, агрономической литературой и даже семенами, щедро расплатился с ним царскими червонцами и взял с него слово писать ему. С тем и расстались.

По приезде домой Иван Яковлевич на скопленные в плену средства купил лошадь, двух коров и рьяно взялся за хозяйство. Скоро земля ему стала тесна и он взял в аренду наделы безлошадных жителей этой деревни. Лозунг нэпа «Обогащайся» как нельзя лучше подошел немецкому бауэру на русской почве. Вскоре он фактически стал владельцем большей части тех пашен и огородов, что впоследствии составили территорию Ботанического сада. Работал он от зари до зари...

На этом месте я прервал рассказ Николая Павловича Зернова. «Так он сам всю землю обрабатывал?», спросил я его. «Ну что вы! – ответил мне Николай Павлович, – Он, когда нужно, голытьбу звал на помощь. Люди ему и вспашут, и посеют. Он в последнее время, как говорил мне Борис Порфирьевич Рудометов, только управлением занимался, следил за работой, за соблюдением агротехники, закупал удобрения и тому подобное. И такого хозяина под корень извели!».

Да, пришла пора коллективизации и искоренения кулачества как класса. Ивана Яковлевича У. выселили куда-то в Урень и след его пропал. Оставшиеся представители его семейства отправились вместе с ним.

Обрадованные дубенковцы принялись распахивать надел экс-кулака и ждать больших урожаев, тем более что земли эти были как следует удобрены, да не тут-то было! Что ни посеют, ничего не вырастает. И тут только вспомнили последние слова Ивана Яковлевича, сказанные им, когда он садился в таратайку в сопровождении милиции: «Попомните мои слова: после меня земля будет пуста!». При расставании эти слова истолковали так, что других таких рачительных хозяев больше в Дубенках нет, и не будет. Ему еще крикнули вдогонку, что получают урожаи во много раз большие, чем у него, раз земля теперь общая, народная.

Теперь же жители дубенковского колхоза переполошились и отправили ходоков в краевой земельный комитет. Приехали агрономы, поковыряли землю, взяли пробы на анализ – и ничего подозрительного не обнаружили! Дубенковцы не сдались и пригласили профессора из сельхозинститута. Тот приехал в сопровождении ассистентов, лаборантов, студентов и юных натуралистов, взял землю на анализ – и тоже ничего не обнаружил!

Форменное заколдованное место! Ужас объял руководство колхоза. Ведь земля эта у них числилась как особо плодородная, с нее и обязательные поставки были увеличенные, а тут – ни колоса, ни корнеплода! К счастью, профессору Станкову эта земля понравилась, и измученные дубенковцы с радостью подписали согласие на изъятие у них заколдованной земли.

«Так в чем же дело, Николай Павлович?» – спросил я Зернова. «Сейчас по прошествии четырех десятков лет трудно узнать причину, – ответил мне он. – Я лично думаю, не привез ли этот У. из Германии каких-нибудь химикатов и не посыпал ли ими землю при расставании. Немцы, они ведь в химии мастаки. Мне Борис Порфирьевич еще говорил, что за месяц до изгнания кулака, ему из Германии объемистая посылка пришла, с какими-то вроде-бы, удобрениями... а впрочем, дело темное...».

«Позвольте, Николай Павлович, – удивился я. – А как же посадки Ботанического сада на этой территории?!». «А никаких посадок там мы и не делали, – ответил он мне. – Земли этого кулака – тот самый эталонный луг от новой конторы до северной окраины. В первое время земля эта заросла бурьяном. Потом начался процесс олуговения, появились сеянцы берез и осин. Только относительно недавно мы посадили здесь липовую, ольховую и березовую аллеи, да отдельные деревья разных пород. И то приживались они с трудом, каждый почти год приходилось подсаживать новые взамен отмерших...».

Ветеран Ботанического сада умолк, смотря вдаль, где солнце садилось за кроны черной ольхи. Молчал и я, раздумывая о том, как, казалось бы, совершенно невероятные, фантастические события привели к организации сада.

АЛЬПИЙСКАЯ ГОРКА

Проводя экскурсантов по Ботаническому саду, я обязательно останавливаюсь возле альпийской горки, что к западу от конторы. Восхищенные пестрым колером цветущих растений, экскурсанты допытываются, трудно ли было подобрать подходящую землю и привести ее сюда, и бывают удивлены, когда узнают, что горка эта образовалась естественным путем и что раньше на месте холма была впадина. А все началось лет тридцать назад, когда директором сада был некто N, личность от ботаники далекая, но хваткий администратор. Зачем же его взяли на работу директором, спросите вы? Скажу честно: не знаю! Могу только высказать предположение, что человеком, некомпетентным в ботанике, руководству биологического факультета, которому подчинен сад, управлять легче, чем авторитетным специалистом. Вот ведь и после ухода с поста директора

А.К.Ибрагимова, крупного ботаника, эколога и географа, его место заняли последовательно один за другим два дилетанта в ботанике...но ближе к делу!

Однажды директору сада донесли, что чересчур расплодились вредители и нужно принимать меры, нужно закупить в большом количестве различные ядохимикаты, средства защиты растений. Удрученный этим известием, директор принялся жаловаться всем своим знакомым, в какую трудную ситуацию он попал. Не помню уж почему, но тогдашний декан биофака отказался подписать заявку на приобретение ядохимикатов в потребных количествах. В числе знакомых N был и тогдашний завхоз медучилища, которого также одолевала проблема – куда девать отходы от лабораторных занятий по химии и фармакологии. Сначала эти отходы собирали в алюминиевую флягу, того типа, который используется под молоко. Потом заполненными до отказа оказались две фляги, потом четыре... стояли они в подвале медучилища, и избавиться от них не было никакой возможности: ни одна организация не принимала их на переработку, слить же в канализацию, а тем более вылить куда-нибудь в укромное место завхоз не смел. Тогда он придумал ловкий ход: зная, что директора Ботанического сада одолевают вредители, предложил ему использовать отходы медучилища в качестве средств защиты растений. «Если уж для людей они вредны, то для насекомых и подавно!» – заявил он директору Ботанического сада и тот, будучи совершенно не компетентным в биологии, согласился. Четыре фляги привезли и поставили неподалеку от конторы в небольшой впадинке. Узнав о том, чем собирается травить вредителей директор, сотрудники пришли в ужас и попытались доказать директору смехотворность его попытки, но потерпели неудачу. «Я директор и будьте добры выполнять все мои распоряжения!» – рявкнул N. Для начала он велел инженеру по защите растений вооружиться опрыскивателем и обработать обширную полосу земли около конторы, на что ушел целый бидон.

Был конец рабочего дня, когда появился сторож. Директор показал ему бидоны, стоявшие в западинке и попросил обратить на них особое внимание. «Не бойтесь, шеф! – бодро отрапортовал ему уже успевший приложиться сторож. – Все будет в порядке!». Сотрудники один за другим разошлись по домам. Сторож покормил собак, выкурил папироску, погулял по территории и подошел к бидонам. Он открыл крышку одного из них и учуял запах спирта, что и не удивительно, ибо лекарства как раз и делаются на спирту. Долго крепился сторож, но, наконец, не выдержал, сбегал за кружкой, нацедил из бидона и попробовал...что было дальше, покрыто мраком. По одной из версий, сторож от этого пошла помрачился рассудком и, откупорив бидоны, вылил их содержимое на землю, по другой версии напиток сторожу не понравился и в бешенстве он сделал то же самое. Как бы то ни было, пришедшие утром на работу сотрудники, увидели сторожа вдребезги

пьяного, лежащего около опрокинутых бидонов. Это было еще пол беды, ужаснее было другое: участок, обработанный накануне, был весь покрыт телами мертвых птиц, насекомых, кротов и полевых мышей, а на месте западинки, куда поставили бидоны, возвышался бугор. Отчего это произошло, спросите вы, и я отвечу: дело в том, что в бидонах помимо прочих химикатов, находилась смесь различных кислот, употреблявшихся на лабораторных занятиях, а под почвой на глубине около четырех метров находится пласт карбонатных пород. Под действием кислот карбонаты начали разлагаться с выделением углекислого газа, напор которого и поднял землю.

На месте N любой другой директор по меньшей мере смутился бы, но наш герой извлек из этого двойную выгоду: во-первых, решил использовать бугор как основание новой альпийской горки, во-вторых, припугнув завхоза медучилища, добился, что во искупление вины (интересно, кто же виноват?!) медучилище ежегодно присылало студенток производить в саду различные работы. Оформлялось же все это как производственная практика. Инженер по защите растений попыталась было поднять шум по поводу погибших птиц, зверей и насекомых, но директор напомнил ей, что опрыскивала она сама лично, а от факта приказа ей отперся. «То, что вы опрыскивали участок этой гадостью, видели все, а моего вам приказа не слышал никто!» – заявил он.

С тех пор прошло много лет. Отравленное поле постепенно оживало, на ней сначала начала расти трава, потом сотрудники выращивали там картошку и наконец, убедившись, что никто из них не умер и даже не заболел, здесь начали производить посадки различных декоративных культур. Альпийская же горка (студентки медучилища ежегодно пропальывают ее, как и другие посева) неизменно радует глаз многочисленным экскурсантам и не подозревающим о тех невероятных событиях, которые и привели к ее появлению.

ТРЯСИНА

В 1990 году руководство кафедры ботаники нашего пединститута попросило меня провести полевую практику с их студентами и я с радостью согласился. Каждое утро студенты приезжали в сад, я проводил с ними занятия, а после обеденного перерыва они под моим же руководством задерживались на час помочь сотрудникам на плантациях. Им это засчитывалось как агрономическая практика. Я же в это время дремал в холодке в конторе.

Однажды, я по обыкновению подремывал в своей комнате, склонившись над гербарным листом (это называлось «Илья Львович размышляет над проблемами

систематики высших!») и вдруг был разбужен криками почти что в самое ухо: «Проснитесь, у нас несчастье!». Я открыл глаза. Надо мной стояли и немилосердно трясли меня Оля Гришатова и Ира Легошина. Сначала я подумал, что с кем-нибудь из девушек солнечный удар, но вскоре выяснилось, что с моими студентками ничего страшного не случилось и я, успокоившись, зашагал к плантации малины. По дороге Оля с Иррой, перебивая друг друга, рассказали следующее. Едва я, расставив девушек и объяснив им, что нужно делать, ушел в контору, раздались звуки музыки и на дорогу, что между плантацией и оградой сада, выехала «Волга». Оттуда вышли трое парней и, соблазненные видом минимально одетых девушек, стали шумно их приветствовать. И тут черт попутал одну из студенток, Фиру Измайлову, крикнуть им: «Присоединяйтесь к нам, парни!». Троица двинулась было через бурьян, но он был страшно колюч, парни же были в шортах. Только один решился продираться через заросли бодяка и чертополоха, который и пропалывали студентки. И тут случилось невероятное и странное. «Понимаете, Илья Львович, – взхлеб рассказывала Оля, – он вдруг начал в землю уходить!». «А музыка орет, а он кричит «Тону!» – рассказала Ира. – Все сначала смеялись, а потом испугались, когда он провалился совсем! Парни крикнули, что поехали вызывать скорую помощь и укатили».

Мы подошли к плантации. Девушки, испуганные, столпились на краю поля. «Ну и где же ваш утопленник?» – спросил я их. «Он тут» – прошептала Фира, указывая пальчиком на середину поля. Пожав плечами я дошел до указанного мне пункта (девушки в ужасе, уцепившись друг за друга, стояли на краю поля и не двигались с места) и, разумеется, ничего подозрительного не обнаружил.

«Вот что, милые барышни, – вымолвил я, – будем считать, что вы переработали. Отправляйтесь-ка по домам, на сегодня все. Завтра опять приходите к 9 часам, я проведу вас на ближайшее болото». Спровадив девушек, я опять осмотрел поле и ничего, ровно ничего подозрительного не обнаружил! «А, Илья Львович, что интересного вы здесь обнаружили?», – услышал я знакомый голос, и, обернувшись на него, увидел ветерана Ботанического сада почтенного Ария Анатольевича Янсена. Не успел я рассказать ему о происшествии с моими студентками, как раздались гудки автомобилей, и на дорогу выехала «Волга» а за ней «Скорая помощь». Выскочившие из «Волги» парни, оживленно жестикулируя, стали что-то объяснять вышедшему из «санитарки» врачу. Внезапно они увидели нас. «Лопаты, скорее лопаты!» – крикнули они чуть не хором. Арий Анатольевич пожал плечами и вытащил из кустов туи две лопаты. Не обращая на нас внимание, парни принялись ожесточенно ковырять землю в разных местах. «Нашел!» – внезапно крикнул один из них. Я подошел к нему и увидел нечто потрясающее: из расчищенной почвы

торчала вздетая вверх рука! Тут мы все, кто руками, кто ножами принялись расчищать землю, пока не показалась голова. Я еще обратил внимание тогда, что почвенные слои совершенно не потревожены. Впечатление было, что земля здесь внезапно разжижела, стала как трясина, а потом опять затвердела. Врач приподнял веко утонувшего и к всеобщей радости убедился, что бедолага жив, только находится в глубоком обмороке. Утопленника быстро откопали, уложили на носилки и увезли. Арий Анатольевич в задумчивости заровнял землю и опять спрятал лопаты в кусты туи.

Через два дня я был вызван в деканат естественно-географического факультета пединститута и допрошен с пристрастием. «Мы не знаем, кто там у вас утонул на твердом месте, – заявили мне, – но то, что к нашим девочкам пристают на занятиях посторонние мужчины, совершенно недопустимо! Мы запрещаем вам проводить занятия на базе вашего Ботанического сада. Есть у нас волжский откос, Стригинский бор, Копосовская роща, вот там и гуляйте на здоровье!». «А как же агрономическая практика?» – пролепетал я. «У родителей на садовых участках пусть проходят!» – заявили мне.

Вне всякого ожидания история эта не произвела на моих коллег по Ботаническому саду никакого впечатления, а все потому, что почтенный Арий Анатольевич категорически отрицал подобный факт, говоря всем, что это мне привидилось от жары. Наедине же он объяснил мне, что не желает на старости лет попасть в психушку с подозрением на старческий маразм: «Если вы такой отчаянный, то и рассказывайте сами эту историю, а меня увольте и в нее не впутывайте! Дайте мне спокойно доработать!». Тем не менее какие-то подозрения относительно этого участка у работников плодового отдела остались. Когда в июле в нашем саду обосновался лагерь детского экологического клуба «Зеленый парус» и его активисты предложили продолжить расчистку плантации, им было отказано. Плантация эта окончательно заросла сорняками и появляться там с тех пор никто не смеет...

Трудно теперь по прошествии полутора десятков лет сказать с уверенностью, что там произошло на самом деле, тем более, что случай этот никто не исследовал. Сам же я склоняюсь к той версии, которую обнародовал на страницах газеты «Нижегородский рабочий» некто Э. Баренбаум. Он считает, что дело в том, что излучатель музыки на автомобиле имел полусферическую форму и звуковые волны, сфокусировавшись в одной точке участка, своими колебаниями разжижили грунт. Подобное явление хорошо известно в физике, писал он в своей нашумевшей в свое время статье.

ИСЧЕЗНУВШИЙ БРАКОНЬЕР

Наши нижегородские браконьеры, особенно орудующие в черте города, люди большей частью смирные и лично безобидные. При задержании они обычно сопротивления не оказывают. Более того: они готовы отдать все и на месте уплатить какой угодно штраф (предвидя ситуацию, они обычно берут с собой крупные суммы), лишь бы не заводили дело. Но на этот раз случай был совершенно иной. Едва браконьер, сваливший лося на участке хвойных Ботанического сада (дело было в конце XX века, когда лоси часто заходили к нам в сад), увидел выскочивших студентов с нарукавными повязками Дружины охраны природы университета, опекавшей наш сад, как он с матерной руганью поднял ружье и стал перезаряжать его, угрожая убийством. К его несчастью, студенты наши были прошедшие военную службу в морской пехоте, поэтому браконьер был в мгновение ока обезоружен, скручен, связан, а через полчаса подъехавшая милицейская машина доставила его в РОВД. Там его до вытрезвления поместили в камеру для административно задержанных.

Назавтра утром, когда начальник райотдела пришел на службу, он, ознакомившись с протоколом, решил вызвать задержанного к себе и объявить о наложении на него административного ареста сроком на 15 суток. По селектору он приказал доставить к нему задержанного.

Меж тем кабинет его начал заполняться людьми – началось обычное оперативное совещание. Внезапно в кабинет вбежал лейтенант, ответственный за содержание задержанных и арестованных. «Товарищ полковник, ЧП! – крикнул он с порога, – Ночью из камеры сбежал задержанный Фадеев. Обнаружено только что при приеме-сдаче дежурства!». Случай был неслыханный. Но отменять оперативку было не в обычае полковника. «Илья Александрович! – обратился он к своему заместителю. – Сходите и выясните, в чем дело!».

– Случай совершенно невероятный! – докладывал тот спустя полчаса. – Вообразите: пустая камера, на полу куча пыли а в ней одежда, белье и кроссовки задержанного Фадеева. Но куда он мог деться? Решетка на окне цела, а дежурный клянется и божится, что никто из посторонних здание райотдела не покидал. Что будем делать?

– Для начала распорядитесь прибраться в камере, вещи Фадеева отправьте на экспертизу, а сами выясните, что делал браконьер в предшествующие сутки. Ввиду экстраординарности происшествия заняться этим придется вам лично.

Назавтра подполковник приехал в институт, где работал лабораторным механиком исчезнувший Фадеев. Проникнуть туда было непросто даже для него, одетого в форму и предъявившего удостоверение: институт был режимным. От сотрудников института

подполковник узнал, что в день, предшествующий исчезновению, этот «мастер – золотые руки», в последние полгода чинивший сложные приборы лишь в уплату за спирт, провел в спецлаборатории на четвертом этаже. Проникнуть в лабораторию оказалось не просто: дверь в нее запиралась кодовым замком. В ответ на нажатие кнопки, приоткрылось окошечко, в которое подполковник предъявил свое удостоверение и направление из райотдела. Дверь открылась и на пороге показался мужчина в белом халате и докторской шапочке. «Я начальник лаборатории. В чем дело?» – спросил он.

– Дело в том, что пропал механик вашего института Фадеев, а последний прибор, который он чинил, был из вашей лаборатории.

– Да, Фадеев был у нас перед окончанием рабочего дня, он еще говорил, что сразу после работы поедет на охоту.

– Кто ему давал спирт? – спросил подполковник.

– Я давал, – ответил завлаб. – А что мне было делать? Надо же как-то выкручиваться.

– Что же, спасибо за откровенность! – сказал Илья Александрович.

– Рады помочь милиции! Если найдете тело Фадеева, сообщите. Эх, какого механика потеряли, жаль мужика! – вздохнул начальник лаборатории.

...Прошла неделя, дело все не прояснялось. Однажды к Илье Александровичу подошел старший сержант Зайцев и попросил помочь ему, студенту-заочнику юрфака университета с прохождением следственной практики.

– Знаешь что, Миша, – оживился подполковник, – дам я тебе дело исчезнувшего Фадеева. Понимаешь, я ведь только сейчас вспомнил, как начальник лаборатории, узнав об исчезновении Фадеева, попросил сообщить, когда найдут тело. Почему он так был уверен в гибели Фадеева? Ведь мы даже теперь в этом сомневаемся. Что-то он недоговаривает...

Через день, изучив немногочисленные материалы этого дела, Михаил приехал в этот институт, расположенный на одном из проездов Московского района. Поднявшись на четвертый этаж, он нажал кнопку на двери спецлаборатории. Через минуту на пороге появился ее начальник и Зайцев подал ему свое удостоверение и направление из РОВД.

– Но я уже все сказал, что знал вашему подполковнику! – удивился завлаб. – Больше ничего добавить не могу!

– Мне хотелось бы ознакомиться с лабораторией, поговорить с сотрудниками... – начал Михаил.

– Извините, но лаборатория наша секретная, да и институт весьма режимный, пустить вас я не могу.

– В таком случае, вручаю вам повестку. Вы приглашаетесь в наш РОВД в качестве свидетеля по делу об исчезновении Фадеева. Распишитесь.

– Вы, надеюсь, отдаете себе отчет, – продолжал Михаил, – что в качестве свидетеля будете обязаны рассказать подробно, что делал в вашей лаборатории Фадеев, с какими сотрудниками общался? И вы понимаете, что эти лица также будут вызваны к нам и также допрошены? И они расскажут нам все! А какие сведения секретные, а какие нет, решать будем мы! – жестко сказал старший сержант.

– Вы правы, – сказал начальник лаборатории, – идемте к нам, я вам все расскажу и покажу.

– Вот прибор, который чинил этот бедолага, – сказал завлаб, показывая шкафчик, от которого шли разноцветные провода и трубочки.

– Так, значит, починив этот прибор, он и хватил разбавленного спирта? – спросил Михаил. – И, кстати, почему, разговаривая с нашим подполковником, вы были уверены, что Фадеев погиб?

Начальник лаборатории побагровел, судорожным движением развязал галстук и плюхнулся в кресло. – Явлюсь по повестке и все объясню, – прохрипел он. – А теперь прошу вас оставить меня...

На другой день он явился в РОВД вместе с двумя сотрудниками, объяснив, что Фадеев имел дело со всеми тремя. В данных ими показаниях не содержалось ни противоречий (их допрашивали отдельно друг от друга одновременно в разных комнатах), ни новых подробностей дела. Что касается уверенности в том, что Фадеев погиб, то у них не было на этот счет ни малейших сомнений, ибо охота в пьяном виде всегда заканчивается трагически. По их мнению, злополучный Фадеев лежал где-нибудь в лесу убитым, или утонул в каком-нибудь водоеме (о том, что он исчез в здании милиции, им, разумеется, не сообщили).

... – Дело выглядит совершенно безнадежным. Понимаете, я совершенно уверен, что сотрудники этой лаборатории, занятые радиационной безопасностью и исследующие влияние малых доз на различные вирусы, пусть невольно, но виновны в исчезновении Фадеева! Но сам я в вирусологии и вообще в биологии ничего не смыслю, не можете ли вы мне помочь? – обратился ко мне Зайцев.

Михаила я знал хорошо: на установочной сессии заочников я консультировал их по юридическим аспектам охраны природы. Я согласился помочь, но предупредил, что буду действовать на грани закона и, возможно, мне понадобится помощь, если меня задержат в этом весьма режимном НИИ. Михаил дал мне телефон и заверил меня, что по моему

звонку немедленно приедет взвод ОМОН, которым командует его старший брат, и, если понадобится, силой выведет меня из института, преодолев сопротивление стрелков ВОХР.

Подготовка к моему проникновению в этот институт длилась ровно неделю. За это время я выписал по межбиблиотечному абонементу журнал, который в нашем городе получала только библиотека этого института. Предупредив командира взвода ОМОН о начале операции, я уже через полчаса был в проходной этого НИИ. Стрелок ВОХР сначала не хотел меня пускать, но я предъявил журнал со штампом института и членский билет общества, где в качестве подписи председателя красовалась подпись директора этого института. Я прямо прошел в институтскую библиотеку и уже через час имел полную библиографию работ сотрудников этой лаборатории, включая опубликованные в журнале с соответствующим грифом. Еще через неделю, проанализировав добытые данные, я встретился со старшим сержантом и объяснил Михаилу, что дело, которое ему поручили, весьма щекотливое.

Судя по работам сотрудников этой лаборатории, они исследовали вирус, который, будучи стимулирован слабым облучением, способен разрушать не только обычные, но и костные клетки человека, превращая их в порошок – кристаллы вируса, на воздухе, впрочем, медленно теряющим свою активность...

Выслушав это, Михаил задумался.

– Теперь мне понятно, что это была за пыль в камере, куда поместили Фадеева. Понятно также, почему от него остались только одежда, белье и кроссовки. Догадываюсь я и о том, как в него попал этот вирус: хватанул, наверное, из мензурки разбавленную и ослабленную спиртом культуру этого вируса. Но только уже ничего нельзя сделать: камеру неоднократно мыли, а доказать, что сотрудники лаборатории из-за преступной халатности оставили без присмотра культуру опаснейшего вируса мы не сможем.

– А нужно ли вообще что-нибудь делать? – сказал я. – Браконьер-алкоголик погиб и черт с ним! Порок наказан, а кем, это уже не наше дело!

– И в самом деле! – повеселел Михаил. – Как говаривали римские юристы, пусть свершится правосудие, даже если мир погибнет, а тут всего лишь один алкаш!

ЗВЕРОЛОВ

В начале шестидесятых годов XX века, когда я учился на биофаке университета, факультет наш был не тот, что теперь и студенты не те. В те поры студенты биофака на военной кафедре не обучались и отсрочки от призыва не имели, поэтому мало кто из юношей поступал на биофак сразу после окончания школы. В основном парни наши все

были отслужившие срочную службу и намерения их были просты: без особых затруднений закончить университет и поступить на хлебное место сотрудника заповедника, работника рыбоохраны, рыбоводника, охотхозяйства и т.п. Одним словом – поближе к рыбе, дичи и пушнине и подальше от начальства и науки, к которой большинство из них не питало ровно никакой склонности.

Таков был и мой сосед по комнате в общежитии Слава Р., будущий зоолог. Когда я поселился в общежитие, он учился уже на третьем курсе. Впрочем, учебой это назвать было трудно, ибо он посещал одни только лабораторные занятия, да и то не все. Большую же часть учебного времени он спал, поскольку ночами подрабатывал разгрузкой вагонов: стипендию он не получал, т.к. учился плохо, а плохо учился оттого, что по ночам работал, ибо не получал стипендии. Это был какой-то заколдованный круг, причем, такая ситуация была типичной в те времена ...

И как же он удивил меня, когда однажды в апреле, ввалившись в комнату, он заорал с порога: «Все! Кончаю беспутную жизнь! Буду заниматься наукой!». «А на что же ты будешь жить? – полюбопытствовал я. – Ты же сессию завалил и стипендию не получаешь». «А я теперь деньги наукой добываю, так сказать, не отходя от объекта исследования. Полдня наблюдаю своих зверушек – и пятерка в кармане!».

Тут-то я догадался, в чем дело. В качестве темы для курсовой Слава получил задание исследовать популяции кротов на территории Ботанического сада с одной стороны, и в его ближних окрестностях с другой. Наловив зверьков и проведя их морфометрические исследования, он сдирал с них шкурки и сдавал скорняку. Действительно, образ жизни моего соседа по комнате резко изменился. Теперь днем он не спал, а аккуратно посещал все лекции и лабораторные занятия, а вечером отправлялся в Ботанический сад.

В июне, по окончании сессии, я отправился на каникулы в деревню к престарелым родственникам своей будущей жены и провел у них все лето, помогая по хозяйству и изучая богатый растительный мир окрестностей этого известного своей лесохимической промышленностью заволжского поселка.

В конце августа я вернулся в Горький, прошел санпропускник, получил у кастаньяши постельное белье, постирал и вывесил свои вещи и в самом радужном настроении, держа под мышкой гербарную сетку, набитую растениями, пошел на факультет. Однако, войдя в вестибюль биофака, я остановился, как пораженный громом: прямо на меня, обрамленный траурной рамкой, смотрел фотопортрет Славы. Под ним был текст следующего содержания:

«Деканат, бюро ВЛКСМ и профбюро студентов биологического факультета с прискорбием извещают, что 27 августа 196...года на полевой поездке, при исполнении

научного долга трагически погиб студент 1У курса Р...в Вячеслав Михайлович. Похороны состоятся 29.08.196... в 13 часов. Гроб с телом покойного установлен в ауд. 307 на кафедре зоологии.»

Я помчался на кафедру зоологии. Небольшая комната была битком набита народом. Рыдали девушки – однокурсницы Славы, хмурились парни. В сторонке декан и заведующий кафедрой зоологии совещались о похоронной процедуре. Очень скоро я узнал обстоятельства гибели Славы. Утром он ушел из общежития проверить поставленные с вечера ловушки на кротов и не вернулся. Обнаружили его случайно сотрудники Ботанического сада, привлеченные воем собак. Слава, весь посиневший, лежал на поляне у ограды сада, свесив голову в яму, на дне которой была ловушка сдохлым кротом.

Судмедэксперт следов насилия не обнаружил, но в крови нашел алкоголь. В заключении было указано, что «...смерть произошла от удушья, вызванного перемещением рвотных масс в ротовую полость и закупоркой дыхательных путей вследствие алкогольного опьянения». Я, однако, в это поверить отказывался наотрез. Живя в одной с ним комнате, я, разумеется, видел его навеселе, но чтобы он напился до помрачения рассудка?!..

Коротко говоря, я решил лично съездить на место происшествия.

Осень в том году стояла теплая и я без помех добрался до поляны в дубраве у Ботанического сада. Там мне сразу попались на глаза следы деятельности Славы: ямы – ловушки; на дне некоторых из них валялись дохлые кроты. «Эдак они так и будут погибать зря!» – забеспокоился я. Поэтому я пошел в Ботанический сад и под залог студенческого билета получил у заведующей плодовым отделом Татьяны Павловны Бодровой лопату и принялся заваливать ямы. Ям было полтора десятка и когда черед дошел до последней, я порядком притомился и решил передохнуть.

Я прилег на траву и с наслаждением вытянулся, подложив под голову руки. Дул легкий ветерок, приятно шуршала уже начавшая желтеть листва, а в воздухе чувствовался аромат ранней осени – смесь запахов свежей прели с ароматом поздних цветов. И вдруг я почувствовал волну нового, ранее неслышимого запаха. Он был рядом, неприятен и вместе с тем чем-то привлекателен. Оказалось, что он шел как раз из последней, не заваленной мной ямы.

Я, не вставая, подполз к ней и опустил в нее голову. Тут же в меня буквально ударила одуряющая, тошнотворная струя. Как я отпрянул от ямы и отполз в кусты – не помню...

Отдышавшись, я побрел в Ботанический сад, сдал лопату и помчался к автобусной остановке. Через час я был в бюро судебно-медицинской экспертизы и подробно

рассказывал о своих наблюдениях. Случай обещал быть интересным и судмедэксперт тот час же на служебном УАЗе поехал со мной в Ботанический сад. Подойдя к яме и принявшись, эксперт огляделся вокруг и изрек: «Утечка газа из газопровода!». И в самом деле, газопровод был неподалеку – у ограды Ботанического сада, о чем предупреждали покрашенные в синий цвет железобетонные столбики. По-видимому, под землей была утечка газа и он по подземным пустотам просачивался на поляну и скапливался в ямах для ловли кротов.

Теперь все становилось ясным. Слава пошел проведать кротов, будучи навеселе, а, как сообщил мне судмедэксперт, на лиц, находящихся в состоянии легкого опьянения, запах бытового газа в небольшой концентрации действует привлекающее. И когда мой приятель сунул голову в яму, запах газа одурманил его, он потерял сознание и в конце-концов умер от удушья, вызванного рвотной реакцией на газ...

...История эта имела продолжение. Было сделано частное определение в адрес газовой службы и она установила на поляне трубу для отвода скапливавшегося под землей газа.

И теперь, проводя со студентами и юными натуралистами – школьниками экскурсию по Ботаническому саду и окрестностям, я обязательно привожу их на поляну и рассказываю эту давнюю историю. И молодые люди притихают, становятся печальны и сумрачны и начинают всерьез задумываться о том, что жизнь и судьба натуралиста не такие уж и безоблачные...

МОНИТОРИНГ

Принято считать, что идея мониторинга, т.е. системы слежения за состоянием окружающей среды, нашла свое реальное воплощение лишь в последние годы, когда стало возможным организовать компьютерную сеть. На самом же деле в нашей области такая идея чуть было не осуществилась более четверти века назад, когда компьютеры представляли собой нечто вроде больших шкафов, данные вводились через перфокарты, а результат расчетов печатался на выползавшей из машины бумажной ленте. Тем не менее уже и тогда все было готово к созданию системы мониторинга, по крайней мере в масштабах Горького и если она и не осуществилась, то по чисто случайной причине, которая теперь кажется чистой фантастикой. Об этой истории предпочитают помалкивать, поскольку она вскрывает некоторые негативные стороны жизни нашей науки, а также потому, что ряд ее героев занимает ныне достаточно высокие административные посты и

боится гласности, как летучая мышь солнечного света. Тем не менее, выполняя свой моральный долг перед научной общественностью, расскажу все без утайки...

...Однажды меня вызвал шеф и попросил проконсультировать инженера-исследователя Семенова с факультета вычислительной математики и кибернетики нашего университета. Семенов оказался точь-в-точь таким, каким я представлял себе молодого кибернетика: самоуверенный, снисходительный, к тому же от него постоянно пахло вином. Сам он по заданию доцента Васькина занимался внедрением вычислительной техники в систему сбора метеорологических и экологических данных и дальнейшего их совместного анализа. Центр этой работы располагался, естественно, в известном всем здании на улице Бекетова, увенчанном радиолокатором. Все это и сообщил мне Семенов, добавив со злобой, что Васькин с компанией заключил хоздоговор, гребет деньги лопатой, а ему, основному исполнителю, от которого зависит все, платит лишь зарплату инженера-исследователя и лишь обещает в перспективе помочь с защитой диссертации...

Мои консультации оказались для него, по-видимому, полезными, поскольку через месяц он позвонил мне и пригласил полюбоваться на плоды своих трудов. Приехав в учреждение, где стояла ЭВМ, я нашел его ликующим. Он стоял у шкафа ЭВМ, положив руку на кожух, как на плечо друга:

– Сюда со всего города по радиорелейной сети стекается информация, обрабатывается и анализируется, – сообщил он. – Это дело надо отметить! И он открыл одну из боковых дверей, где рядом с перематывающейся магнитной лентой стояла уже початая бутылка вина.

Как он не упрашивал меня, я выпил только небольшую рюмочку и расправляться с бутылкой пришлось ему одному.

– А теперь я прошу тебя поехать со мной к моему шефу, этому эксплуататору. Там я поставлю перед ним ультиматум!

И он поволок меня за собой. К счастью, дорога до университета заняла свыше получаса, Семенов начал постепенно трезветь и я надеялся, что все сойдет благополучно. Не тут-то было!

Войдя в кабинет Васькина и доложив о результатах, Семенов ультимативно потребовал у доцента немедленно уплатить ему за работу, хоть из собственного кошелька. Когда же Васькин заявил, что Семенов все равно занимается этим в свое рабочее время, последний разразился таким потоком угроз, что Васькин побледнел и выбежал из кабинета.

Буквально через минуту он явился снова, на сей раз в сопровождении декана, его заместителя и диспетчера факультета. Без лишних слов эта троица тут же составила акт о появлении на работе в нетрезвом состоянии инженера-исследователя Семенова Г.С.

– Ах ты, гад ползучий! – заорал Семенов. – Ловушку мне решил подстроить! Раз так, запомни – вся эта система мониторинга, за которую тебе заплатили, полетит к черту! – И он выбежал из кабинета.

Васькин, однако ж, не растерялся и тут же позвонил в учреждение на улице Бекетова, где стояла ЭВМ, чтобы Семенова ни под каким видом туда больше не пускали.

На следующий день все мы, кто прямо, кто косвенно причастные к системе мониторинга, собрались у ЭВМ и Васькин лично ввел туда перфокарты; через две минуты на бумажной ленте должны были появиться данные корреляционного анализа воздушных выбросов, температурного режима и влажности атмосферы. Вот привычное гудение машины изменилось, из нее начала выползать бумажная лента. К изумлению присутствующих, вместо значения коэффициентов взаимной корреляции на ленте сплошняком отпечатывались строчки: «Мониторинга не будет. Семенов. Мониторинга не будет. Семенов. Мониторинга не будет. Семенов...»

О том, что случилось потом, догадаться нетрудно: звонки на вахту в университетское общежитие для сотрудников, где обитал Семенов, в прокуратуру, включение и выключение машины, смена перфокарт, смена магнитной ленты и т.д. и т. п.

Ничего не помогало! Как только машину включали, из нее выползала бумажная лента все с тем же текстом!

Стало ясно, что неполадка где-то внутри машины. Инженер-электроник, обслуживавший ЭВМ, отсоединил машину от сети, но только стал поворачивать рукоятки запора на кожухе, чтобы снять его, почувствовал сильный удар током. Тогда инженер надел диэлектрические перчатки, позволяющие работать в сетях до 1000 вольт и снова взялся за рукоять. Всем нам на мгновение показалось, что в комнате пронеслась гроза: столь силен был грохот электрического разряда и столь явственно запахло озоном.

Инженер-электроник лежал на полу без сознания. К счастью, его удалось быстро привести в чувство.

...В последующие три дня, до прибытия специальной бригады, к компьютеру никто не смел даже приближаться.

Бригада специалистов с завода-изготовителя, предупрежденная телефонограммой, привезла с собой специальное оборудование, позволявшее работать даже во многокиловольтных сетях, и, несмотря на сильные электрические разряды, компьютер удалось вскрыть. Но когда заглянули внутрь, только махнули рукой: покореженные

панели, оплавленное стекло, металлические нити... По обоюдному согласию, составили акт, что ЭВМ вышла из строя в результате попадания в нее шаровой молнии. На идее мониторинга пришлось временно поставить крест.

Злополучная машина еще долго стояла в здании, дотрагиваться до нее не смели. Но как-то раз, месяца через три, случайно обнаружили, что разряды тока значительно ослабли и шкаф, по моему совету, вывезли на окраину Ботанического сада: я все надеялся, размышляя в виду этой ЭВМ, все же раскрыть тайну. Так бы и стояла там злополучная ЭВМ, похоронив в себе тайну Семенова, исчезнувшего после этой истории неизвестно куда (даже всесоюзный розыск не дал никаких результатов!), если бы, как на грех, меня не попросили провести экскурсию по саду с аспирантами факультета прикладной физики и микроэлектроники нашего университета. Едва они увидели шкаф ЭВМ и выслушали мой рассказ о связанной с ним истории, как забыли обо всем на свете и принялись буквально раздирать его на части; любопытство их еще более усилилось, когда они обнаружили, что при прикосновении к шкафу ощущаются слабые удары электричеством. Между прочим один из аспирантов отодрал большую кремниевую пластину – и отнюдь не в качестве сувенира!

Дело в том, что на их кафедру как раз поступил новейший японский электронный микроскоп, который вкупе с разработанной на кафедре приставкой, должен был дать увеличение по меньшей мере в 10 миллионов раз. Кремниевую пластину промыли спиртом (неплохо!), протравили, еще раз промыли спиртом (ух, хорошо!), отшлифовали, порезали алмазным резцом, облучили потоком нейтронов, еще раз промыли спиртом (замечательно!) и т.д. и т.п. Инженер, обслуживавший электронный микроскоп, долго регулировал фокусировку, у него даже дрожали руки (честное слово, от волнения, а не оттого, что он органолептически исследовал пригодность спирта для работы!). Но, наконец, он добился четкого изображения и взглянул в окуляр. Дикий вопль прокатился по кафедре: инженер, хватаясь за сердце, рухнул со стула и забился в судорогах, выкрикивая нечто непонятное.

Заведующий кафедрой, который тоже исследовал пригодность спирта, подбежал и сам глянул в окуляр. В ту же минуту он почувствовал, как волосы его встают дыбом, а в мозг как будто входит раскаленная игла...

И было от чего!

Под чудовищным увеличением отчетливо виднелись атомы кремния. На каждом из них сидело по совершенно одинаковому человечку. Время от времени человечки как по команде, хватили пробегавшие мимо них электроны проводимости и отправляли их в рот. Наевшись, они опять, как по команде, достали из карманов брюк ключи и отперли почти

незаметные дверцы на атомах. Человечки все как один повернулись, посмотрели на профессора, погрозили ему пальцами и скрылись в глубине атомов. Дверцы за ними захлопнулись и совершенно слились с фоном...

Что это было? Известный феномен сходной галлюцинации, вызванный особым, связанным со спиртом состоянием, как считают врачи городской клинической психиатрической больницы № 1, где неделю находились на обследовании профессор и инженер? Или же это и в самом деле был Семенов, проникший в ЭВМ и распавшийся на микроскопические копии, а излишек массы по знаменитой формуле Эйнштейна $E = mc^2$, превративший в энергию (электрическую), которой и отбивался от любопытствующих? На этой версии настаивали известный наш специалист по аномальным явлениям кандидат технических наук Ермолкин и нетрадиционный исследователь природы Шорыгин.

Но не проще ли предположить, что Семенов как-то прокрался к ЭВМ, остался около нее на ночь, подвел потайной электрический кабель, установил мощнейшие конденсаторы, произвел замену в панелях, а потом скрылся?

Как бы то ни было, этот нелепый случай, кажущийся теперь чистой фантастикой, и привел к тому, что систему мониторинга начали внедрять в нашей области много лет спустя. Для меня же эта история имела те последствия, что я стал регулярно посещать свалки на окраинах Ботанического сада и с тщанием их исследовать.

ЛОЗОХОДЦЫ

В последние несколько лет поездки наших молодых ученых за рубеж стали обычным делом. Хорошо, что научная молодежь, приглашенная на стажировку, обеспечивается полным пансионом, да вдобавок получает хоть небольшую, но достаточную стипендию. Но особенно хорошо то, что восходящие светила науки тратят стипендии не на всякий вздор, как-то: одежда, белье, колготки и т.п., а на вещи совершенно необходимые: ноутбуки, научные приборы, книги... Вот и Петр Валентинович К., ассистент кафедры зоологии биофака нашего университета, орнитолог, привез из ФРГ портативный, но необыкновенно чувствительный магнитофон, прекрасный цейсовский бинокль, видеокамеру с инфракрасной приставкой – словом все то, что необходимо для изучения птиц в природе.

Когда я увидел его в полном снаряжении на лесной дороге у южной ограды Ботанического сада, то не мог скрыть своего восхищения своим бывшим учеником. Тем не менее, по старой привычке педагога, я счел нужным предупредить Петю, а теперь Петра Валентиновича, о грозящей ему опасности:

– Я уже второй десяток лет работаю в Ботаническом саду и должен вас предупредить, любезный друг, что место для экскурсий вы выбрали не совсем хорошее. Здесь постоянно собираются не только алкоголики и наркоманы, но и совершенно темные личности. Меж тем вы увешаны аппаратурой, которая миллионов на двадцать потянет. Мой вам совет: в одиночку не ходите! Подберите себе компанию студентов и экскурсируйте с ними, как я экскурсировал с вами и вашими одноклассниками, когда преподавал у вас в школе географию!

Но молодость самоуверенна и беспечна. Ничего не было удивительного в том, что через три месяца, развернув номер одной из городских газет, я прочел следующее:

«...а вот попытка разбойного нападения в духе допотопных грабителей с большой дороги не удалась! 5 августа, атакованный двумя грабителями, вооруженными пистолетами, молодой ученый П.К. издал такой дикий вопль, что не только привел в замешательство грабителей, но и привлек внимание прогуливавшейся со своей афганской овчаркой неподалеку молодой сотрудницы Ботанического сада Татьяны Родионовны Х. Собака кинулась на грабителей и те поспешно ретировались»

Я сразу догадался, кто таков «П.К.», позвонил ему и поздравил со спасением.

...Прошла еще неделя и, однажды, возвращаясь в Ботанический сад с экскурсии и подходя к южным воротам, я увидел сидящих в кустах рябинника двух людей. Один из них показался мне знакомым и действительно, это оказался Михаил Зайцев, известный уже читателям по рассказу «Исчезнувший браконьер». Мне стало ясно, что они сидят здесь в засаде. Но на кого? Увидев меня, разглядывавшего их обоих, Михаил сначала скорчил недовольную мину, но потом улыбнулся, вышел из-за кустов, поздоровался и сказал: «Ну, ладно, все равно необходимо перекурить, раз уж вы нас обнаружили!»

– А не находитесь ли вы здесь, дорогой лейтенант, в связи с ограблением Петра Валентиновича? – спросил я его.

– Все-то вы знаете, Илья Львович, – вздохнул он, – небось заметку в газете прочитали, или потерпевший сболтнул... да, это так. Тут такой случай вышел: один из грабителей при бегстве уронил в лужу пистолет, и мы надеемся, что за ним придут. Да только ничего подозрительного пока не обнаруживаем, правда, лозоходцы только что здесь проходили.

– Какие такие лозоходцы? – изумился я.

– Обычные, которые с прутиками ходят. Да вот, опять появились!

Я взглянул на дорогу через переплетение стеблей амурского винограда и, увидев бредущих по дороге юношу и девушку с рогульками, вышел за ограду:

– Позвольте отрекомендоваться: сотрудник Ботанического сада такой-то! С кем имею честь?

Молодые люди сначала смутились, а потом объяснили мне, что они – студенты естественно-географического факультета нашего пединститута и занимаются биолокацией.

– Здесь мы исследуем биомагнитные и биогеографические аномалии. Ведь эта лесная дорога у ограды вашего Ботанического сада проходит в широтном направлении, да вдобавок разделяет совершенно различные биоэнергетические комплексы. Здесь можно обнаружить много интересного!

И вы с помощью этого прутика исследуете аномалии?! – изумился я.

– А это не простой прутик, он срезан с аномальной лещины! Вот смотрите, обычно лещина растет кустом, а здесь – деревом, потому что выросла в аномальной энергетической точке!

Я внимательно присмотрелся к указанному дереву и увидел, что это никакая не «аномальная лещина» а шершавый вяз, листья которого действительно, несколько напоминают лещину. Сначала я хотел высмеять молодых людей, но подавил в себе этот порыв и, извинившись, что к старости стал слаб глазами, поблагодарил их за интереснейшую информацию.

Студенты скрылись за поворотом дороги, а я опять пролез к Михаилу и его напарнику. «Для меня совершенно ясно, что они не те, за кого себя выдают! – прошептал я. – Будущие учителя биологии, а не могут отличить лещину от вяза! Не связаны ли они с ограблением?»

– А это мы сейчас проверим! – сказал Михаил. – Для этих целей у нас есть учебный пистолет! – С этими словами он выбрался на дорогу и сунул пистолет в лужу, так, чтобы была видна часть его рукоятки.

И вовремя! Лозоходцы возвращались обратно. Вот они подошли к луже, увидели пистолет, огляделись вокруг, и юноша сунул пистолет себе в сумку через плечо. Они быстрыми шагами пошли по дороге, а Михаил со словами: «Теперь наша очередь действовать, а вы, Илья Львович, идите-ка к себе» – пошел с напарником за студентами.

.... Через неделю от Михаила, который горячо благодарил меня за помощь следствию, я узнал всю эту историю. Молодые люди действительно оказались студентами естественно-географического факультета пединститута, которых через третьих лиц наняли для поисков пистолета. Наблюдение за ними позволило выйти на человека, которого Петр Валентинович опознал, как одного из грабителей. Через него вышли и на второго грабителя. Злодеи получили по заслугам, а что касается студентов, то эта история так

подействовала на них, что после окончания института учителями в школу они не поступили. По слухам, они устроились продавцами книг и в этой профессии вполне себя нашли.

ЧЕРНЫЙ ЛЕС

Жизнь – штука такая сложная, что сплошь и рядом обнаруживаются самые невероятные связи. Ну, например, мог бы я раньше думать, что существует какая-то связь между большим циклом широколиственных лесов умеренного пояса и «цеховиками» мебельного производства?!

С одной стороны – дубрава. Со временем деревья стареют, поражаются микробами, грибами и насекомыми, гибнут и заражают более молодые особи. Многие дубы отмирают, но остаются стоять на корню, другие падают и лес захламляется сушняком. В одно из сухих лет, что случаются хотя бы раз в двадцатилетие, возникает пожар, причем и по естественным причинам! Сухой лес сгорает, а на пожарище появляются березы и осины, под пологом которых опять восстанавливается дубрава. Лет через двести все опять повторяется сначала. Причем, заметьте себе, все это происходило и ранее, до массового заселения Нижегородского края!

С другой стороны – «цеховики». Умелые «организаторы производства» часть продукции не отражают в отчетности, а по договоренности с предприимчивыми представителями торговли пускают в продажу. Выручку делят между собой. Так накапливались капиталы и создавались подпольные миллионеры, стараниями которых и двинулась пресловутая «перестройка».

Столь невероятная на первый взгляд связь между экологией и жуликами, которые теперь называются «деловые люди» начала для меня проясняться вскоре после того, как я поступил на работу в Ботанический сад.

Помнится, года через два одной недоброй весной все деревья начали покрываться молодой зеленью и дуб в их числе, но вскоре листья его начали свертываться, буреть и падать. Через два месяца все дубы в округе стояли безлистными – произошло нападение вредного насекомого – листовертки (к счастью, на территории самого Ботанического сада практически не пострадала его эталонная дубрава). На следующий год наступило то же самое, а вслед за тем, на ослабленных дубах появились трутовики; могучие дубы стали отмирать один за другим. Вскоре под их корой завелись насекомые-короеды и во всех дубравах у Ботанического сада целые дни стоял неумолчный стук дятлов, слетевшихся на обильно угощение, как казалось, со всей нагорной части области. Особенно тяжелое

положение сложилось в расположенной неподалеку дубраве под названием Грабиловская дача, где не только старовозрастные, но уже и большинство дубов среднего возраста были поражены.

Для меня, как для ботаника, все было ясно – урочище это нуждалось в усиленных санитарных рубках, т.е. вырубке больных деревьев; это было единственное средство чтобы спасти лес. Об этом я написал статью в «Нижегородский рабочий», а сверх того на заседании секции охраняемых природных территорий при областном совете ВООП сделал доклад, материал которого тоже попал в прессу. Ответа на мои статью и выступление не последовало.

Между тем Грабиловская дача продолжала гибнуть. Теперь уже все дубы в возрасте сорок лет и старше отмерли и стояли, воздев к небу черные сучья. Наконец, года через два, когда я в очередной раз наведялся в эту дубраву, увидел отрадную картину: падающие под бензопилами отмершие деревья, вывозившие их на окраину трелевочные трактора и спаренный кран, грузивший хлысты на лесовоз.

Время перевалило за полдень, шум работ умолк и я подсел к рабочим, устроившим перекур.

– Поздновато вы, братцы, взялись за санитарную рубку, – начал я. – Приди вы сюда годика два назад, можно было бы спасти этот лес...

– Ты что, отец? – в изумлении ответил мне бригадир. – Какие там санитарные рубки?! Нас мебельный кооператив нанял здесь лес вырубать! Лес отменный, на корню просох! В лесничестве все оформлено чин по чину!

Объясняться с лесорубами долго я не стал, посидел немного, услышал уважительные отзывы о кооперативе и пошел к себе в Ботанический сад.

На следующий день я зашел в одну из появившихся в последние годы самостоятельную экологическую организацию, где работала хорошо мне знакомая молодая особа, с которой нас связывали совместные журналистские акции. От меня не потребовалось особых ухищрений, чтобы получить некоторые сведения о хозяйничавшем в дубраве таинственном кооперативе. С добытыми сведениями я пошел в конкурирующую экологическую организацию. Там сидел пожилой мужчина и, посочувствовав полковнику в отставке, что нахрапистая молодежь, только что закончившая университет, воображает из себя бог знает что, сумел получить недостающие сведения уже совершенно доверительного характера. После знакомства с этими материалами история погибшей дубравы стала для меня проясняться окончательно.

...Принятый на заре «перестройки» закон о кооперативах упал на благодатную почву. В стране уже давно тайно накапливались капиталы и ждали только случая пустить

их в ход. Особенно обрадовались новому закону «цеховики», о которых я упоминал в начале своего повествования. Ведь у них под рукой были не только капиталы, но и налаженное производство. Оставалось только отпochковаться от родного предприятия и организовать собственное дело.

Так и решило поступить руководство мебельного цеха одного из машиностроительных предприятий. Под крышей цеха был основан мебельный кооператив (забегая вперед скажу, что через пять лет после описываемых событий он переехал в новое здание за пределами заводской территории), причем отнюдь не для производства заурядных шифоньеров, книжных шкафов и тумбочек! Отцы – основатели кооператива правильно уловили тенденцию общественного развития, в частности, появление весьма обеспеченных людей, желавших вести современный образ жизни, одним из атрибутов которого являлся интерьер квартиры. Учли отцы-основатели и начавшееся «возрождение духовности», в том числе старинных атрибутов быта. В моду вошла сработанная еще крепостными умельцами утварь: енды, подсвечники, скатерти, ну, и конечно, мебель.

Итак, было решено производить мебель «в лучших традициях отечественных краснодеревщиков». Но для такой мебели требовалась не береза и не сосна, а дуб, причем дуб выдержанный! Достать его за приемлемую для производителей цену было невозможно. Парадоксальнейшая сложилась ситуация: расположенный в зоне дубовых лесов кооператив остро нуждался в мебельном дубе!

Делу помог случай по пословице «На ловца и зверь бежит». Согласно новому положению, одно из экологических ведомств получило право самостоятельно расходовать на некоторые нужды часть денег, собранных с предприятий в виде штрафов. Было решено употребить деньги на усиление технического оснащения экологической конторы. Были закуплены четыре радиотелефона, три цифровых фотоаппарата, два магнитофона и персональный компьютер с видеоприставкой. Но когда все это богатство оказалось в кабинете шефа, тот сразу увидел вопиющую дисгармонию между новой техникой и старой ободранной мебелью. Между тем статья расхода на новую мебель положением не предусматривалась!

Нужно было найти спонсора, а он был тут как тут! Реклама нового мебельного кооператива красовалась на первой странице экономического еженедельника. Не доверяя телефону, глава экологов лично встретился с главой кооператоров. Через пять минут собеседники настолько хорошо поняли друг друга, что разговор принял совершенно дипломатический характер, по Талейрану, который говаривал, что язык человеку дан для того, чтобы ловчее скрывать свои истинные намерения.

Эколог много распространялся о необходимости для частного капитала поддержать охрану природы в целом и экологических организаций в частности, ставя в пример Запад. Кстати сказать, заметил он, на Западе считают такое спонсирование весьма выгодным.

Представитель частного капитала обнаружил похвальную обеспокоенность состоянием родной российской природы вообще и пригородных дубовых лесов Нижнего Новгорода в частности, подчеркнув, что все зло – во вмешательстве человека. Вместе с тем он выразил готовность в случае чего, лично финансировать санитарные рубки. На том и расстались.

Под заклинания о необходимости беречь природу, о недопустимости вмешиваться в жизнь охраняемых природных территорий, о некомпетентности местных лесничеств в деле содержания пригородных лесов и т.д. и т.п., дубрава продолжала гибнуть, а дубы – высыхать на корню. Затем, когда древесина дошла до кондиций, были проведены санитарные рубки, бревна отсортировали и увезли на трейлерах. Затем их распилили на доски и брусья, продержали еще полгода в сушилке и три месяца на стропилах под кровлей цеха. Руководитель экологической организации предвкушал, как он обставит новой стильной мебелью свой кабинет, а заодно свою квартиру, но надежды его на отечественный капитал не оправдались. Мебельный кооператив предпочел продать дубовую древесину за валюту, а на вырученные деньги закупить мебель итальянского производства, изготовленную из ДВП и ДСП, пластмассы и винилискожи. У нас она была продана с большой выгодой.

Впрочем, экологу было не до мебели. При изменении структур власти его контора была расформирована. С трудом, по протекции главы мебельного кооператива, экологу удалось устроиться по своей полученной в вузе специальности – экономистом в один из небольших банков.

Теперь он, вооружившись статистическими справочниками, обложившись экономическими еженедельниками, составляет прогнозы конъюнктуры.

Экологию он выкинул из головы напрочь.

В охрану природы вообще не верит.

СМОТРИТЕЛЬ ОРАНЖЕРЕИ

Из чтения очерков этой серии вы убедились, как много таинственного случалось и случается на территории и в ближних окрестностях нашего Ботанического сада. Но не менее таинственными оказываются судьбы сотрудников нашего достославного учреждения. О многих из них легенды ходили еще при их жизни. К числу подобных лиц

принадлежал старший лаборант отдела тропической флоры, ныне покойный Борис Петрович У.

Впервые я познакомился с ним еще летом 196...года, когда студентом-второкурсником после окончания пустынской практики проходил обязательные отработки в оранжерее Ботанического сада. Тогда-то я впервые разговорился с Борисом Петровичем. В разговоре со мной он посетовал, что нынешняя ботаническая молодежь не желает заниматься оранжереями.

– Уже полвека работаю здесь, опыт накопил немалый, а передать его некому! – жаловался он. – Я такие бы темы мог предложить для курсовой!

Вернувшись на кафедру, я доложил очень хорошо ко мне относившейся известному горьковскому ботанику Екатерине Васильевне Л. о встрече с Борисом Петровичем, но она только скептически усмехнулась:

– Вы ходить к нему ходите – это лучший знаток тропической флоры у нас, но только помните, что никем и ничем он руководить не может. Он числится психически больным, он ведь даже пединститут окончить не смог, его даже на войну по болезни не взяли!

С тех пор я зачастил в оранжерею к Борису Петровичу. Не скрою – отнюдь не интерес к тропической флоре владел мною! Я все старался подметить у него хоть одну сумасшедшинку в его словах, поступках, на худой конец – в глазах, но все было напрасно! Передо мной был совершенно нормальный человек и я подумал даже, что его просто оклеветали. Единственно что я стал замечать – что его закуток в оранжерее становился все более обжитым.

Под предлогом того, что ему нужно сделать наблюдения, да и с семьей он не в ладах, смотритель оранжереи все чаще оставался в ней ночевать.

Как-то раз, когда я задержался в оранжерее дольше обычного, Борис Петрович предложил мне с ним пообедать. Я согласился, тем более что со мною была буханка хлеба. Но увидев ее, Борис Петрович испуганно замахал руками: «Что вы, что вы! Как я могу, ботаник, есть хлеб! Ведь при размоле и выпечке гибнут зародыши растений! Что вы! Как же я, ботаник, буду губить растения!».

Если вы думаете, что я был испуган, удивлен, то ошибаетесь! На самом деле я обрадовался. Наконец-то я мог убедиться, что мой собеседник – сумасшедший! Я с жадностью вглядывался в его лицо, но чем дольше глядел, тем больше поражался контрасту между бессвязной, бессмысленной речью Бориса Петровича и совершенно нормальным выражением его лица. Помнится, я подумал тогда, уж не играет ли смотритель оранжереи роль сумасшедшего. Но зачем?..

По окончании университета я не терял из виду престарелого ботаника. Борис Петрович все седел, горбился. В свою оранжерею он перебрался окончательно на жительство и года через четыре умер.

Личность Бориса Петровича настолько заинтриговала меня, что я приставал с расспросами к Екатерине Васильевне и та, сдавшись, направила меня к своей знакомой Лидии Анатольевне С., прибавив, что она и откроет мне тайну.

Лидия Анатольевна оказалась бодрой старушкой, обладавшей, несмотря на девятый десяток лет, отменной памятью.

– Как же, помню Бореньку, помню. Такого знатока тропической флоры больше уже и не будет...

– Но ведь он, кажется, числился сумасшедшим... – осторожно заметил я.

– Ха-ха-ха! – засмеялась она. – Он такой же сумасшедший, как вы и я. Он просто сбежал в свое сумасшествие!

– То есть как сбежал?! – в изумлении спросил я.

– А вот так! Эту его тайну знали всего три человека: С-в (и она назвала имя известного горьковского ботаника, ставшего впоследствии профессором МГУ), я и отчасти Катенька. Вы будете четвертым и дайте мне слово, что раскроете эту тайну только после моей смерти! Вы ведь, я знаю, любитель бумагу марать разными рассказами. – Так вот, – продолжала она, – в тридцать восьмом году, как вы наверное знаете, репрессии захватили наш пединститут. В науке, знаете ли, много бездарностей, которые желают свести счеты с талантами, а тогдашняя обстановка очень этому способствовала. Я думаю, что в тот год наша так называемая интеллигенция и студенчество завалили Воробьевку доносами на пять лет вперед, а те и рады стараться: заводили одно дело за другим! А Боренька был тогда секретарем комитета комсомола курса. Как-то пришел ко мне домой сам не свой и говорит: «Сил моих больше нет терпеть это! Или пойду в Оке утоплюсь, пока самого не взяли, или с ума сойду!»

А я возьми и скажи:

– Может тебе и в самом деле пойти к невропатологу, подлечиться. Сейчас все равно ведь каникулы!

Он и пошел. А я к С-ву кинулась. Он смекнул, в чем дело, нажал на какие-то пружины и пробыл Боренька в Ляхове до осени. А когда вернулся в институт, его вызвал к себе С-в, о чем-то долго с ним говорил, а после этого разговора Боря забрал документы из института и С-в устроил его к себе лаборантом в Ботанический сад, он тогда одновременно его директором был. Так остался Борис на свободе единственным из всех тогдашних комсомольских активистов.

– Но почему же он потом оставался в звании сумасшедшего?! – изумился я.

– Тут история непростая, – вздохнула Лидия Анатольевна. – До пятьдесят шестого года он, естественно, боялся себя выдать, а потом стал стесняться случившегося, вину перед товарищами очень переживал. Ведь на фронт по болезни его не взяли, однокурсники его все на войне погибли а он уцелел. Легко ли после этого раскрыться?!

...Недели через две после этого разговора я забрел в Ботанический сад (тогда я еще не работал в нем) и увидел в конторе среди прочих портрет Бориса Петровича. И чем больше всматривался я в него, тем сильнее казалось, что вот-вот лицо на портрете встрепенется, глаза вспыхнут и я увижу истинный облик человека, полвека прятанного под маской...

II. ПО ВЕСЯМ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ

В 1972 г. я демобилизовался с военной службы и, вернувшись на родину, принялся в летнее время экскурсировать по районам области. Чего только я не собирал в то время: фольклор и ономастику, гербарий, образцы горных пород и т.д. и т.п. Увлеченному краеведением, мне хотелось стать краеведом широкого профиля. Естественно, что в первую очередь я экскурсировал по родному мне Богородскому району (я родился в Богородске и закончил там среднюю школу). Интерес к моей малой родине, ее истории и природе не иссяк даже тогда, когда я окончательно укоренился в Горьком и стал с рвением исследовать сей древний город, где когда-то, еще в середине XIX века поселились мои далекие предки по матери; одна из ветвей их переселилась в Богородск в середине прошлого века. Географические и ботанические экскурсии по Богородскому району не только обогатили меня знаниями в этих науках, но и познакомили с интереснейшими людьми, многое мне поведавшими. Именно поэтому большая часть очерков этого раздела и навеяна моими богородскими экскурсиями.

ВЕТОЧКА ВОСКОВНИКА

Году в 1992 прихотливая судьба натуралиста привела меня на самый юг Богородского района, где я исследовал флору карстовых провалов. Остановиться на ночь я планировал в доме сельского учителя Федора Федоровича Н., чьи превосходные очерки о природе регулярно публиковались на страницах районной газеты «Ленинская победа». Я списался с ним и вот таким-то манером оказался августовским вечером в его небольшой бревенчатой избе. Федор Федорович был уже на пенсии, но еще работал в своей школе, ведя уроки биологии и географии. Кабинет его был типичным кабинетом сельского

учителя – естественника: карта на стене, письменный стол, этажерка с книгами. Книги эти были все вузовские курсы ботаники, зоологии, географии, методические руководства, а среди них я узрел толстенный томик «Определителя высших растений европейской части СССР» В.И.Талиева издания 1940 года – вещь вообще-то достаточно редкую. Представьте мое изумление, когда раскрыв, с разрешения хозяина книгу, я увидел на титульном листе надпись: «Моему любимому ученику Константину С...кому с пожеланием успехов в ботанике». Далее стояла дата – апрель 1941 года и подпись одного из известных горьковских ботаников, впоследствии ставшем профессором МГУ и дважды переработавшим определитель Талиева. Еще более я изумился, обнаружив в книге выцветшую уже этикетку Кабинета морфологии и систематики растений биофака нашего университета, где химическим карандашом было написано следующее:

Myrica gale L.

(Восковник болотный)

Болото верхового типа к югу от села Никольский Мох Калининской области.

Собрал С...кий К. 28.10.1941.

Рядом с этикеткой в книге лежала сама веточка восковника, редкого кустарника северо-запада европейской части России.

– Как к вам попала эта книга, этикетка и гербарный экземпляр? – спросил я Федора Федоровича. – И кто таков этот С...кий?

Константин был ботаником, вроде вас, – ответил мне учитель, – только моложе. Перед самой войной он окончил биофак и стал работать лаборантом на кафедре ботаники, одновременно поступив в аспирантуру. А с книгой этой связана целая история...

Как война началась, я, секретарь комсомола в МТС, был призван в армию, был сначала младшим политруком, а потом и политруком. Воевал я на северо-западном направлении. Три раза из окружения выходили. Потом нашу часть в резерв фронта отвели, пополнение стали получать. Я, как политрук роты, знакомлюсь, спрашиваю, есть ли горьковчане. Один откликнулся.

Называет фамилию и говорит, что как университет закончил, работал лаборантом кафедры ботаники. Это и был тот самый С...кий.

Я подивился: ведь в те поры всех образованных людей через офицерские курсы пропускали, а он-то каким образом рядовым пришел?

Вечером стал документы просматривать и ахнул: у этого С...кого, оказывается, была запись, что в сентябре был под следствием за уклонение от мобилизации. Вызвал я его к себе, а он и рассказывает, что в начале июня уехал на заброшенный лесной кордон в междуречье Керженца и Лапшанги исследовать местную флору и растительность.

Продукты туда завез, ружье взял, удочки. Кордон этот, по его словам лежал в двадцати километрах от ближайшей деревушки и до августа Константин никого не видел. А в августе, когда он вернулся в Горький и сдал на кафедру все материалы, его тут же арестовали за дезертирство. Не миновать бы С...кому суровой кары по законам военного времени, но за него вступились и профессор, и декан, и ректор. Молодого ботаника освободили и послали рядовым на фронт.

– Так вы что же, и в самом деле не знали, что война началась?! – спросил я его.

– Не знал... то есть узнал, но не придавал этому значения. В начале июля на кордон пожилой охотник забрел, он и сообщил, что Германия напала, – нехотя признался Константин.

– Так почему же вы все не бросили и не приехали сразу же в Горький?!

– Видите-ли, я думал, что будет как на той войне, на империалистической. Мой папа в четырнадцатом году закончил университет, и, как и я, был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию, но его же не забрали в армию!

– А кто ваш отец? – спросил я его.

– Мой папа – доцент педагогического института, преподает математику, – ответил С...кий.

Я внимательно смотрел на него и не мог понять: то ли он притворяется человеком не от мира сего, то ли в самом деле такой...

Держался он со всеми вежливо, со всеми на «вы», а только не любили его бойцы. В разговоре сгоряча пошлют его подальше и матушку помянут, так он вспыхнет, замолчит и больше с этим человеком не разговаривает, хоть ножом его режь!.. В землянке, – мы жили в землянках, – запашок, сами понимаете, не того: накурено, да и вообще... так он с товарищами ругаться взялся: идите, говорит, курить наружу, от вас вонь, говорит... ну они его самого наружу и вытурили. Так поверите: он веток натаскал и шалашик рядом соорудил, так и спал в нем. А еще через неделю такое случилось, что не миновать бы ботанику трибунала.

Вызвали раз меня в штаб полка, а там особист дожидается. В вашей, спрашивает, роте, боец С...кий служит? И письмо его подает, а в нем вся наша дислокация указана. То есть он рядом на болоте редкое растение нашел и отцу подробно пишет где, чтобы профессору тот передал и маленькая веточка, вроде этой в треугольнике.

– Я, – говорит особист, – сейчас его прямо в трибунал! У него раньше было дезертирство, а теперь он – шпион! И представление начал писать, а потом приказал ботаника доставить.

Заводят в землянку С...кого: без ремня, а за ним боец с винтовкой.

Начинаем мы с ним разговор, объясняем, что он выдает военную тайну – расположение части. А ботаник твердит, что открытие сделал и что положено точное местонахождение растения указывать.

Особист совсем осатанел, велел его увести и говорит: «Вечером мы его расстреляем перед строем, для примера другим». Я попытался за него заступиться – куда там!

– Ты, политрук, смотри, сам не загреми за укрывательство шпиона! Я и тебя на карандаш беру!

Кинулся я тогда к комиссару. Он у нас очень образованный был – из Института Красной профессуры. Выслушал он меня и согласился:

– Ученые все такие, не от мира сего! Их не наказывать за это нужно, а воспитывать!

В общем, ботаника мы отстояли, а через два дня подняли нас по тревоге и на фронт, дыру затыкать. Только мы позиции заняли, окопы отрыли – немец на нас пошел.

Отбили мы их наступление, стали траншеи отрывать – новая атака. Так три дня и жили – то копали, то стреляли. А потом на нашем участке затишье наступило: немец на Москву пошел, а у нас только оборону держал. Мы стали обживать, целую паутину траншей отрыли, блиндажи надежные. На ботаника я в то время обращал внимание не больше, чем на других бойцов: воюет человек – и молодец! А тут с ним опять история случилась!

Константин в свободное время все свою книгу, определитель этот читал. Один из бойцов и говорит ему в шутку, что мол, определитель твой не нужен здесь, ты бы его на сигарки раздал. А ботаник шуток не понимает, возмущается. Тут его зачем-то к взводному вызвали. Сунул он своего Талиева в сидор и ушел, а когда вернулся, достал книгу, смотрит – одна страница вырвана. Так поверите, на того бойца с винтовкой кинулся, чуть штыком не запорол! Пришлось мне это дело разбирать.

Вызвал я его, объясняю, что если он с образованием, то должен к товарищам снисхождение иметь!

– Чем бойцов за некультурность корить, вы бы лучше беседу с ними провели, рассказали о своей науке, – говорю я ему.

А он стоит передо мной навтыжку и смотрит, как на пустое место. Я, помнится, тогда очень его взгляда испугался. Не жилец, думаю, он на свете... и что же! На следующее утро, как немцы опять нас начали беглым минометным огнем тревожить, одна мина прямо в окоп к ботанику угодила! Страшно сказать – и похоронить-то не было чего... и что же вы думаете, бойцы больше его и не вспоминали, а если и поминали, так недобрым словом. А ведь он вместе со всеми тогда ад прошел! Всех, кто после этого боя в живых остался, медалями «За отвагу» наградили.

А книга и вот эти закладки мне достались. Я вскоре после этого случая тяжело ранен был, и как в госпитале лежал, книгу его перелистывал, картинки разглядывал. Очень мне хотелось понять, что это за наука такая, ботаника, которая людей от жизни уводит...

В сорок шестом году демобилизовался я замполитом полка, приехал в Богородск, стал в райисполкоме работать. Вечернюю школу закончил, потом на биолого-географический факультет пединститута поступил, на заочное отделение. Уехал я сюда, на свою родину, стал директором школы, потом по старости в рядовые учителя перешел. В Горьком я бывал неоднократно, мог бы зайти к отцу С...кого, он все в нашем пединституте профессорствовал, да что бы я стал ему говорить? Что сына он воспитал и образованным, и науке преданным, и вежливым, да только человеком недружным и к народу презрительным?! А ведь пришло ему извещение, что погиб геройски его сын при защите Родины, и что медалью награжден...

....Федор Федорович тяжело вздохнул и продолжал:

– История эта мне самому долгие годы каким-то исключением казалась; я все считал, что интеллигенция наша всегда заодно с народом была, каким бы он не был. А теперь смотрю, что вокруг делается и вижу – таких С...ких полным-полно! Заводы разрушаются, колхозы бедствуют, люди нищают, цены растут, в газетах – один блуд и разврат, преступность вокруг – как в Америке на телевизоре, а вы, ученые, все твердите о «возрождении духовности» о наступлении «эпохи гласности»! Да в науку свою поглубже забираетесь, чтобы, значит, бедствий народных не слышать и не видеть! Да еще на народ клеветите: быдло мол, они все, люмпены, шариковы!

– Помяните мое слово! – вещал он, как библейский пророк. – Всех вас в свое время, как этого С...кого помянут и проклянут!

Потом он опомнился и замолк.

– Что это я, в самом деле, на вас накинуся...Идемте, я сенник вам приготовил. Вам ведь завтра рано вставать...

Но уснуть в ту ночь я так и смог.

ЛЕС РУБЯТ...

Обычно считают, что чем старше лес, чем он глуше, тем больше в нем редких растений. А вот автор этих строк, да и другие ботаники неоднократно находили массы орхидей как раз в мелколесье, на зарастающих вырубках, по опушкам лесов и даже в городских парках. Вот и на этот раз, попав в молодой сосново-березовый лес в

окрестностях села Ягодное Богородского района, я обнаружил там и ятрышники, и любку, и дремлики и знаменитый венерин башмачок.

О своей находке я доложил на одном из заседаний секции охраняемых природных территорий при областном совете общества охраны природы, а сверх того опубликовал три заметки в различных газетах. Узнав о моих находках, известная в нашем городе ветеран ботаники Екатерина Васильевна Л. очень обрадовалась и попросила меня и на следующий год навеститься в эти места. К несчастью на следующий год на меня нахлынула масса других дел и я отложил обследование на потом. Но не зря говорится, что дорога по улице «Завтра» ведет на площадь «Никогда»! По своей наивности я воображал, что, коль скоро лес молодой, то ближайший лесхоз его не тронет. А удаленность от населенных пунктов и асфальтовых дорог служила, как казалось мне, надежной гарантией от наплыва отдыхающих. Потому-то и с дополнительным обследованием этого леса не торопился. Лишь через два года выбрался я в это урочище. Боже, как я клял себя за свою наивность, за расейскую обломовскую привычку не спешить!

И было от чего прийти в отчаяние! В урочище полным ходом шла расчистка леса под садовые участки. Звенели пилы, кричали топоры, а один умелец уже соорудил из жердняка садовый домик и теперь вместе с двумя сыновьями перекапывал участок, кстати, как раз там, где рос венерин башмачок. Оставалось только одно – найти председателя садоводческого товарищества и попросить его, чтобы садоводы при освоении участком щадили орхидеи.

Председателя я нашел быстро. Это был пожилой мужчина в белом полотняном костюме: китель и брюки полувоенного покроя и в такой же старомодной фуражке, какую носили бюрократы средней руки при Иосифе Виссарионовиче. На лацкане кителя у него красовался трехцветный флажок. К моей просьбе он отнесся без особого энтузиазма, однако же и не отказываясь наотрез. Впрочем, бродя по садовым участкам, я заметил, что многие садоводы огородили орхидеи бордюриками, а некоторые пересадили их в импровизированные клумбы. Вернувшись в город, я встретился с Екатериной Васильевной и сообщил ей все это.

– Как же это так?! – изумилась она. – Мы же поставили в известность о вашей находке все соответствующие ведомства! Все они, в том числе и райсовет, и Богородский лесхоз клятвенно уверяли меня, что не дадут «добро» на хозяйственное освоение этой территории по крайней мере в течение ближайших двадцати лет. Что-то здесь нечисто...

Через неделю я сидел в комнате, которую занимали в здании Богородского райсовета ответственные секретари районных обществ охраны природы и охраны памятников

истории и культуры и беседовал с симпатичной молодой женщиной, которую я знал еще студенткой естественно-географического факультета пединститута.

– Да, я знала, что в этом лесном массиве множество орхидей, – потупив глаза призналась она мне. – Но и мне, и Ивану Семеновичу из лесхоза порекомендовали не препятствовать...Кто? Ну, этого я вам не скажу...

Я понял, что дальнейшая беседа бесполезна и откланялся. В утешение себе я узнал, что и Екатерина Васильевна, обладавшая гораздо большими связями, чем я, преуспела не больше моего.

Еще раза два в том году я навещался в это садоводческое товарищество и убедился, что какая-то часть орхидей уцелела благодаря попечительству садоводов. Самое же удивительное заключалось в том, что рядом пустовало и зарастало травой поле, принадлежащее колхозу «Ударник». Здесь таилась какая-то загадка, разгадать которую в то памятное лето 1991 г. просто не было времени и охоты. Приближалась иная эпоха, иные заботы...

...Через полтора года после описываемых событий я очутился на областной учредительной конференции одной из новых партий левого толка. Здесь я к своему изумлению увидел председателя того садоводческого товарищества. На лацкане его пиджака вместо трехцветного флажка красовался уже значок ветерана партии. В перерыве один из лидеров этой новоиспеченной партии, профессор нашего университета, увидел меня, отозвал в сторону для конфиденциального разговора. Рядом с ним был и председатель садоводческого товарищества.

– Не поможете ли нам в составлении экологической части нашей программы? Скоро выборы в новые органы власти. Наша партия будет выдвигать своих кандидатов и мы формируем предвыборную программу. Вот, знакомьтесь, наш специалист по экологии. В его товариществе много наших людей.

И он представил мне уже известного председателя садоводческого товарищества.

Ветеран партии взял меня под руку и отвел в уголок. Мы разговорились. Он оказался человеком довольно сведущим в порученном ему деле; в разработанной им экологической части программы я внес лишь небольшие исправления.

По окончании конференции выяснилось, что нам с председателем по пути и мы решили пройтись пешком, благо погода была хорошая, а интересы у нас оказались общими.

– Жаль, – сказал я, – что вашему садоводческому товариществу досталось мелколесье, а не пустующее поле. Глядишь, и затрат на освоение было бы меньше, и природу бы сберегли.

– Наивный вы человек, – ответил он мне. – Вы что же, считаете, что нас обделили? Колхозное поле нам предлагали, но мы отказались наотрез.

– Почему же? – изумился я.

– Да потому, что в отличие от многих мы люди дальновидные. Рано или поздно все возвратится на круги своя. Колхозную землю придется вернуть колхозу, законному владельцу, которому земля передана в вечную собственность. А мы хотим оставить наши сады детям и внукам. Земли же гослесфонда, где мы разбили свои сады – земли государственные, а с государством мы поладим при любой власти – у нас везде свои люди.

– Конечно, жаль ваших орхидей, – продолжал он. – Пришлось нажать на рычаги, чтобы нам не препятствовали, но есть вещи поважнее цветочков. Мы – партия прагматиков. Чтобы изменить политику государства и вернуться к социальной справедливости, мы должны сначала практически освоить нынешнюю ситуацию, научиться работать с существующими органами власти. Приходите к нам через год, посмотрите, как мы живем...

...Приглашением «ветерана партии» я воспользовался весной следующего года, когда, будучи на ботанической экскурсии в верховьях ручья Ункора, заглянул в те края. Пришел я не вовремя: в товариществе было заседание правления, собранного на первом этаже просторного двухэтажного кирпичного дома председателя. Из любопытства я заглянул в раскрытое окно. В торце длинного стола под портретом Бориса Николаевича Ельцина сидел председатель и директивным тоном втолковывал сидящим за столом четырем мужчинам и двум женщинам:

– Мы должны разъяснить, что всем необходимо подать заявления в местную администрацию о закреплении участков в собственность! Только это позволит нам быть хозяевами на своей земле! В случае затруднений участок они смогут продать, покупателей я всегда смогу найти! Предупредите, что кто не захочет быть земельным собственником, будет исключен!..

Я понял, что «ветеран партии» вполне преуспел в «практическом освоении нынешней ситуации» и потихоньку удалился. Больше я с ним не встречался.

УБРАТЬ КОНКУРЕНТА

Много лет ведя полевую практику по ботанике в пединституте и университете, я завязал знакомства с несколькими студентами, которые после окончания вуза уехали работать учителями биологии и географии к себе на родину, в провинцию. Время от времени они пишут мне о своих находках и я обязательно приезжаю к ним. Вот и на этот

раз, получив письмо от Марины С. из деревни Победово о находке ею совместно с учениками неподалеку от деревни карстовых воронок с интересной флорой, я поспешил в дорогу.

До райцентра я добрался быстро, ибо от автовокзала на площади Лядова автобусы отходили через каждые полчаса, а вот когда я приехал в райцентр, то оказалось, что ждать районного автобуса нужно было часа четыре. Впрочем, это меня нисколько не смутило и я побрел по городку, гербаризируя местную флору.

Когда через два часа я вернулся на автостанцию, то к своей радости увидел, что подан нужный мне автобус! Увы – радость оказалась преждевременной. Это был не рейсовый дополнительный автобус, как я предполагал, а автобус открытого акционерного общества «Вольный ветер», который конкурировал с муниципальным автопредприятием. Билеты на него стоили ровно вдвое дороже, но в пассажирах недостатка не было, ибо район этот был густонаселен и дорожная сеть, весьма разветвленная, содержалась в исправности; фактически к каждой деревне вела асфальтовая трасса. К сожалению, денег я с собой взял в обрез и услугами «Ветерка» как звали пассажиры эту компанию, воспользоваться не смог. Поэтому я уселся на скамеечке у автостанции и стал приводить в порядок свои сборы.

В положенное время подъехал автобус нужного мне отправления и я забрался в него и уселся неподалеку от водителя. Контролер проверила билеты всех пассажиров, но ПАЗ с места не тронулся: к водителю подошел какой-то вальяжного вида мужчина и начал с ним разговор:

– Напрасно, Владимир Михайлович, не соглашаешься с моим предложением. Все ваши идут нам навстречу: и Михеев, и Костя, и Сан Саныч и никто в накладе не остается. Что тебе стоит сказать диспетчеру, что карбюратор забарахлил и тебе нужно в гараж вернуться? Тысяча была бы твоя! Смотри, ведь в дороге всякое может случиться, – с угрозой закончил он.

Я подивился выдержке шофера. За все время тирады своего собеседника, как я догадался – из «Вольного ветра», – он оставался совершенно спокоен и только желваки на скулах его ходили ходуном. Он дал сигнал и автобус покатило по маршруту.

Вскоре ПАЗ выехал за пределы городка и за окном замелькали сосновые полсадки, березовые перелески, поля и луга. Через сорок минут автобус остановился у железобетонного навеса с надписью «Победово» и я по полевой дороге пошел в деревню.

Вскорости я сидел в горнице просторной деревенской избы, где вместе с родителями проживала Марина и разбирал ботанические находки ее учеников. Покончив с ботаническими штудиями, мы с Мариной в сопровождении стайки ее учеников

направились к карстовой воронке. Дорога шла неподалеку от шоссе и когда мимо проехал автобус, я вспомнил случай на местной автостанции и рассказал о нем Марине. К моему удивлению, Владимира Михайловича она знала хорошо, ибо он оказался местным уроженцем и, вдобавок, ее дальним родственником.

– Ну, угрозами дядю Володю не возьмешь! Он и не такое слышал, когда командиром ДНД был! – с гордостью сказала Марина.

Я успокоился.

Карстовая воронка оказалась очень интересной сама по себе, тем более, что на ее стенах рос редкий папоротник Цистоптерис судетика. Тут же дети сказали мне, что в лесу неподалеку есть еще две воронки. Но время уже было позднее и я заторопился в Нижний, сказав, что приеду ровно через неделю.

Через неделю я приехал на районную автостанцию пораньше и успел как раз на муниципальный рейсовый автобус отправления 10.00. Водителем был все тот же дядя Володя. На сей раз вальяжный мужчина из конкурирующей организации не появлялся, и автобус без помех выехал за город. Но только мы переехали полотно железной дороги, как автобус остановился и подобрал голосовавшего мужчину, тут же усевшегося рядом с водителем и завязавшего дружеский разговор. Прислушавшись к разговору, я понял, что невзрачный мужичонка в спецовке, хороший знакомый водителя, является механиком «Ветерка» и соблазнял дядю Володю перебраться к ним. Тот все отнекивался.

Внезапно мотор автобуса противно зачавкал и машина остановилась.

– Вот видишь, и автобусы у вас – дрянь! – радостно прокричал механик «Ветерка». – А мы на днях еще один новенький пазик приобрели!

Впрочем, он быстро помог Владимиру Михайловичу устранить неисправность.

Пока автобус чинили, я вышел из машины поразмяться. Картина передо мной расстилалась великолепная. Под жаркими лучами августовского солнца темнели вдали леса, пестрел ковер уже отросшего после косьбы луга, а у самой обочины раскинулось поле фацелии. Она цвела и сиренево-синее ее марево, казалось, врывается в автобус, наполняя его своим ароматом.

Дядя Володя и мужичонка закончили работу, обтерли руки и отпили по глотку из литровой бутылки импортного сока. Автобус покатил дальше. Между прочим, водитель опять попросил своего собеседника, все уговаривавшего бросить муниципальное автопредприятие, еще хлебнуть сока и тот с радостью протянул бутылку.

– Что-то горло перехватило, – прохрипел водитель.

Внезапно он, держа руль одной правой рукой, стал судорожно рвать ворот рубашки и вдруг, раскрыв дверь, вывалился наружу. Автобус резко повернул вправо. К счастью, механик «Ветерка» не растерялся и, перегнувшись через барьер, успел перехватить руль.

Мы выбрались наружу.

Дядя Володя, хрипя, с почерневшим лицом, лежал на боку у канавы. Мне стало совершенно ясно, что с ним случился приступ аллергии, сенной лихорадки, вызванной пылью фацелии. Сам я, старый аллергик, прекрасно знал об опасности фацелии для нашего брата и потому еще при выходе принял таблетку тавегила. Теперь я достал из походной аптечки такую же таблетку и безуспешно пытался засунуть ее в рот бедолаге.

Внезапно раздался гудок автобуса и мы увидели остановившийся рядом ПАЗ «Ветерка», ехавший в райцентр. Механик в двух словах объяснил ситуацию водителю и тот взял дядю Володю к себе. Автобус «Ветерка» рванул с места и на повышенной скорости помчался в город.

Мы уже совсем приготовились ждать попутку, но механик сел за руль автобуса и повел его по маршруту. Через десять минут я уже сходил у Победова.

...Услышав мой рассказ, Марина всплеснула руками и побежала к своей тетке, на двоюродной сестре которой и был женат Владимир Михайлович.

...Экскурсия под впечатлением этого трагического случая прошла кое-как и, набрав гербарий, я поспешил в Нижний.

В самом конце августа, когда я по обыкновению зашел в НИРО, где в вестибюле в это время была книжная ярмарка, я встретился с Мариной. Она была печальна.

– Помер наш дядя Володя, – сообщила она мне. – В больнице сказали, что если бы хоть на пятнадцать минут раньше доставили, то спасли бы. Да только шофер, что его в город вез, сначала к своему шефу заехал, выручку сдавать. Да, доконал-таки «Ветерок» дядю Володю...

...А я слушал ее и вспоминал содержание заметки, опубликованной в мае этого года в «Нижегородской правде». Там говорилось, что в импортных соках содержатся консерванты, обостряющие у аллергиков чувствительность к пыльце.

И не была ли гибель дяди Володи подстроеной заранее и не умышленно ли напоили его этим соком?

Но на эти вопросы мы не получим ответа и лишь на суде господнем откроется эта тайна.

ГОЛУБОК И ГОЛУБКА

В это садоводческое товарищество, расположенное неподалеку от села Ягодное Богородского района, я забрел знойным августом 1993 года. Был я мучим жаждой, а от сельчан узнал, что в товариществе этом пробурена артезианская скважина с превосходной водой. Вода и в самом деле оказалась вкуснейшей, сладкой, как говорили в старину.

Напившись вволю и наполнив фляжку, я пошел бродить по садоводческому товариществу, ибо одно из направлений моей научной деятельности – изучение культурной и сорной флоры. И вот, гуляя по товариществу и гербаризируя культурную и сорную флору, я увидел совершенно необычную картину для этого времени года: молодые мужчина и женщина перекапывали участок. Были они оба коренастые, крепкие и чем-то неуловимо похожие друг на друга, как обыкновенно бывает с супругами.

– Не рановато ли осеннюю перекопку начинаете? – осведомился я.

– А мы только что этот участок взяли и целину поднимаем, – чуть не в унисон ответили супруги. – Препжний хозяин порядком запустил его.

Так я познакомился с этой симпатичной чертой Голубевых.

Были они людьми энергичными, предприимчивыми, но без большого достатка. Капиталов их хватило лишь на покупку земельного участка и фургончика, несколько побольше автобуса ПАЗ.

– Понимаете, Илья Львович, – говорил мне муж, Гоша, – мы деньги на квартиру копили, а теперь видим – того гляди нас из нашего института «Квант» уволят по сокращению штатов, и так все время зарплату задерживают.

– А ведь наша специальность, микроэлектроника, никому теперь не нужна, – продолжала жена, Галя. – Вот мы и решили осесть на землю. Ведь мы живем в институтском общежитии, знаете, гостиничного типа. Уволят нас, – где жить? А так какое-никакое жилье, а имеется!

Над обустройством жилья они работали не покладая рук весь август и сентябрь, после того, как посадили привезенные мной из Ботанического сада саженцы черноплодной рябины, черной смородины, малины и крыжовника.

В начале октября, когда я прибыл в эти края на последнюю в этом году ботаническую экскурсию, я зашел опять к чете Голубевых и опять не с пустыми руками: привез им пакетики семян листовой капусты, посевного латука и кресс-салата, растений, легко дичающих и не нуждающихся, поэтому, в ежегодном посеве. Моим подаркам супруги обрадовались и пригласили отобедать, чем бог послал.

На сей раз господь послал им борщ с мясом, гречневую кашу и на десерт – бутылку вина.

– Пейте, ешьте, не стесняйтесь! – говорили супруги. – Вы у нас единственный гость на новоселье!

Я сидел и с любопытством осматривал оборудованный для жилья фургон. На него была навешена двускатная крыша, ко входу приделано крыльцо, вокруг шла завалинка. Внутри фургона в противоположных углах стояло по одноконфорочной чугунной печке, обложенных кирпичами. Были там супружеская кровать, шифоньер, стол, три табуретки и тумбочка. Вдоль стен шли полки с посудой и книгами. Через свежевывмытые четыре окошка-иллюминатора врвался солнечный свет. Неподалеку стояло уже три жердевых сарая и навес с поленницей дров.

– Сейчас у нас все продукты пока покупные, а приезжайте через год – все свое будет! – убеждали меня супруги.

Я недоверчиво покачивал головой. Не верилось мне, что в наше время двое интеллигентов способны полностью замкнуться на своем участке. Времена доктора Живаго, думалось мне, давным-давно прошли...

...На следующий год мне удалось приехать в эти края лишь в середине июля. Зайдя на участок Голубевых, я был поражен его видом: все вскопано, ни сорняка. Из одного жердевого сарая доносилось бляение коз, в другом угадывались копошащиеся кролики. Кроме сараев на участке стояла хибарка с трубой. Вместо прежнего крыльца ко входу были пристроены обширные сени, на ступеньках которых, свернувшись калачиком, подремывал серый полосатый кот. Топилась печка-прачка, у которой копошилась Галя. На веревке между двух столбов под навесом Гоша развешивал выстиранное и выполосканное белье.

Моему появлению супруги обрадовались, попросили только подождать с полчаса.

Через полчаса я уже сидел за столом рядом с супругами и уписывал тушеную крольчатину, запивая козьим молоком. Рядом на тумбочке примостился кот, деликатно поедавший кусочки мяса.

– Пушок у нас как член семьи, всю зиму с нами провел, – пояснила Галя, подавая своему любимцу очередной кусочек.

– Так вы что, зимовали в этом фургоне?! – изумился я.

– Совершенно верно, – ответил мне Гоша. – В ноябре нас уволили по сокращению штатов, мы свое имущество собрали и сюда перевезли, а заодно и Пушочка, он в нашем общежитии в коридоре как бездомный жил. Мы тут же в нашем товариществе сторожами устроились. Платят правда мало, но на жизнь нам хватает. Весной в деревне коз и кроликов по дешевке у одного алкоголика купили, теперь и мясо и молоко свои. Галя вот учится шерсть прясть и вязать. Заодно и проблема удобрений решена.

– Гоша в одном нашем сарае баню оборудовал, в ней по субботам мылись. Печка-прачка у нас есть, так что и со стиркой все в порядке, – дополнила рассказ мужа Галя. – Вы приезжайте к нам опять на годовщину новоселья в первую субботу октября.

В первую субботу октября я прибыл на годовщину новоселья. В хозяйстве Голубевых появилась еще симпатичная дворняжка, лежавшая на крылечке рядом с Пушком и радостно приветствовавшая меня вилянием хвоста. Праздничный обед был великолепен. Ни до, ни после я не едал такой картофельной запеканки с крольчатинной. На десерт была подана наливка из черной смородины. Кот на тумбочке и собака на табуретке сидели за столом на равных с нами и чинно уписывали вместе со всеми за обе щеки.

– Ешьте, пейте, – угощали меня хозяева. – Ведь теперь все продукты у нас свои. В сельмаге мы только спички, мыло, хлеб, соль и сахар покупаем. Теперь мы за оградой дополнительно участок под картошку расчистили, сделали запасы на зиму. Сена кроликам и козам напасли. А Пушок и Волчок их от мышей и крыс охраняют.

Я сидел, смотрел на супругов, довольных, раскрасневшихся и, все-таки, задал мучивший меня вопрос:

– А признайтесь, молодые люди, все-таки скучно так жить, без общества, без радио, без газет, без телевизора...

– А нам скучать некогда! – ответила Галя. – Мы весь день в работе. А вечером, перед сном читаем друг-другу русскую классику. И знаете, Пушок и Волчок так нас внимательно слушают!

– Если телевизор смотреть, радио слушать и газеты читать, то жить не захочется! – подхватил Гоша. – Кругом война, разборки, забастовки... а мы здесь сами по себе и живем в покое...

Помните, как у Высоцкого:

– *Мы сидим, читаем Пушкина,*

А кругом космическая мгла!

– Голубок, налей мне наливки, – прервала его Галя.

– Сейчас, голубка, – ответил Гоша, наливая ей в стакан.

Я смотрел на эту идиллию и умилялся. В такие минуты обыкновенно вспоминаются поэтические строки про любовь, супружескую верность, про то, что с милым рай и в шалаше и т.д. и т.п.

Но странное дело! Ничего подобного мне на ум не шло!

А вертелось у меня на языке глупейшее четверостишие Козьмы Прутков:

«- *Муж и жена*

как две голубки жили...

– *А есть ли у тебя
с наливкою бутылки?!»*

ДЕРЕВЕНСКИЙ МАСТЕР

У каждого ботаника есть излюбленное место, которое он готов исследовать вновь и вновь. Для меня это окрестности села Сохтань, на высоком берегу реки Кудемы. Само собой разумеется, что среди сельчан у меня есть добрые друзья, и, прежде всего, Пал Петрович У., местный Левша. Познакомился я с ним в свой первый приезд.

На околице села я услышал необычный звук: сочетание негромкого плотного удара и резкого звонкого перехлеста. Через три дома я увидел сидевшего на завалинке старика, отбивавшего косу. Старик, положив лезвие косы на наковаленку, точным ударом плющил ее у самой кромки, а потом косым, скользящим как бы ее проглаживал. Оттого и получались два разных звука. Я глядел на старика и поражался: таков был контраст между старческим его обликом и молодой силой и ловкостью его рук.

Сам я в ту пору работал слесарем на заводе «Орбита» и ботаникой занимался в качестве хобби. Я знал, что рихтовка стали – дело очень непростое и не каждому по зубам. Самые квалифицированные из моих товарищей, отрихтовав стальную полосу молотком, клали ее затем под пресс, чтобы выправить окончательно.

А тут – невероятная точность и где же? – на деревенской завалинке!

Я осведомился, где старик научился так квалифицированно обращаться с металлом. Не городской ли он рабочий, переехавший в деревню, или быть может из МТС?

Но старик сказал мне, что он ни то, ни другое, а просто колхозник и с металлообработкой и вообще с техникой никогда дела не имел.

Я опешил. По моим представлениям все мужики в селе должны быть или трактористами, или шоферами, или работать в реммастерской, одним словом – механизаторы.

– Кем же вы работали в колхозе? – удивился я.

– Как кем? Колхозником! Я работы не боялся: и навоз на ферме убирал, и скотину пас, и силос закладывал, а нужно – с тяпкой в поле. В колхозе работы всегда много...

Разговор наш неожиданно прервала женщина, подошедшая со сломанным ведром:

– Пал Петрович, ведро мне не уделаешь?

Старик поднялся со своего места и пошел в избу.

Я попросил разрешения, как рабочий-металлист, осмотреть его мастерскую и Пал Петрович, усмехнувшись, позволил мне следовать за ним.

Мастерская деревенского умельца размещалась в задних сенях избы. Стоял там обычный верстак деревенского плотника, то есть широченная дубовая плаха, утвержденная на двух чурбаках, с прибитым сбоку упором – зажимом для досок. В углу – небольшая наковальня и рядом с ней переносная жаровня. Ни тисков, ни точила не было. Над верстаком висели три ножовки – одна по металлу и две по дереву, коловорот, два молотка, два топора, шерхебель и рубанок, еще что-то. Инструмент помельче – сверла, зубила, бородки, напильники и прочее выглядывали из двух жестяных консервных банок.

Старик меж тем отрубил кусок старого обруча, пробил три отверстия – два под заклепки, одно большое под дужку, ловко приклепал получившееся ушко к ведру обрубками толстого гвоздя, пошаркал напильником и подал женщине. Та поблагодарила и удалилась.

Я выразил свое восхищение Павлу Петровичу как металлист металлисту, пожал ему руку и пошел бродить по окрестностям.

Флора окрестностей оказалась столь интересной, что я решил приехать сюда еще раз.

Через месяц я вернулся в Сохтань и не с пустыми руками: привез Пал Петровичу ножницы по металлу, две струбцины и три ножовочных полотна (забегая вперед замечу, что впоследствии я перевез по частям тиски, ручной заточной станок и ручную дрель). Подарку моему старый мастер обрадовался, пытался всучить деньги, но я согласился взять лишь полтора десятка больших спелых яблок.

– Надумаешь снова приехать – останавливайся у меня! Поживешь субботу и воскресенье, а в понедельник рано утром на электричке уедешь. Она на Мызу в шесть приходит и ты на свою «Орбиту» в аккурат к началу работы успеешь! – соблазнял он меня.

Его приглашением я смог воспользоваться лишь через год, в конце мая. Пал Петровича на этот раз я застал за работой уже совершенно для меня непонятной! Вообразите огромную осиновую колоду, наполовину стесанную и перевернутую вверх выпуклостью. На выпуклости карандашом были расчерчены линии и вдоль этих линий Пал Петрович коловоротом с насаженной на сверло катушкой сверлил отверстия

Я поздоровался с мастером и осведомился, что он делает.

– А лодку-долбленку улаживаю, – был ответ.

– А отверстия для чего сверлите?

– А я им толщину днища и бортов размечаю. Вот пробуравлю все дырки – катушка мне нужна, чтобы, значит, сверло глубже не лезло, – забью туда колышков, а потом переверну колоду. Как буду изнутри теслом выбирать, дойду до колышка – в этом месте стесывать брошу. Так и выйдут у меня днище и борта нужной толщины. А потом смолы

растоплю и оболюю лодку, нос и борта белой жостью обобью. Лет десять лодка прослужит. К августу приезжай – прокачу по нашим озерам и речке.

– А колоду-то вы где взяли? – спросил я его. – Что-то не видел я в здешних лесах таких здоровенных осин.

– И, милый, такой осины ты больше и не увидишь! Родится она раз в пятьдесят лет! Это дерево я приметил годов двадцать тому назад. Мне ее в прошлом году зимой зять спилил и на своем тракторе привез.

Я присмотрелся к древесине. На диво ровная, чистая, это была, без сомнения, древесина редчайшей, исполинской, тетраплоидной формы осины. То есть хромосом у нее было ровно вчетверо больше, чем у обычной.

...С тех пор я каждый год, обычно в середине лета, приезжал в Сохтань и всякий раз заставлял Пал Петровича за новой для меня работой. То он дубовые обручи для кадушки гнул, распарив жердины в русской печи, то корзины плел, то на самодельном станке дранку для крыши резал, то глиняный раствор для поправки печи готовил. И всякий раз Пал Петрович с горечью говорил мне, что, видимо, последний он мастер на деревне.

– Разучился народ деревенскому мастерству у этих тракторов да комбайнов, рассуждал он. – Конечно, какого мужика не возьми – и электричество наладит, и водопровод и велосипед детям. Многие у нас и радио починят, а Серега-радиот и телевизор может, а только простого дела не справят! Косу сточат – новую покупают: отбить не могут! Корзинки у всех из проволоки цветной – в вашем Горькове на базаре купили! Печь поправить в бане – ко мне бегут!

– Хотя, с другой стороны, – продолжал он, – зачем им это деревенское ремесло? В селе у нас газ, почти во всех избах ванные стоят, только пять бань и осталось... Или сапоги подбить, валенки подшить. Раньше все ко мне бежали, а теперь никто не ходит: сапоги резиновые, валенки опять же на резиновом ходу: протрутся, их выбросят; да многие теперь зимой не в валенках, а в меховых сапогах...

Или женщин наших взять: все до одной и кроят, и шьют, и вяжут, а шерсть настриженную или начесанную уж никто и выпрясть не может! Раньше все ко мне ходили – моя жена умела, я ей и прялку изладил. А как померла в прошлом году – ко мне пришли: помоги, мол! А у меня уж и руки не те. Так не поверишь: в Горькове на базаре мотки шерсти покупают, или меняют в мастерской неподалеку на кудели!

...Я еще раза два приезжал в Сохтань и останавливался у Пал Петровича. Он заметно сдал, еле ходил, но инструмента из рук не выпускал. Жил он один, ходила за ним старушка-соседка, но не только в Нижний к сыну-шоферу, но даже в соседнее большое село к дочери старик переезжать отказывался наотрез...

...А в этом году, явившись в Сохтань, я увидел дом Пал Петровича заколоченным. Соседка, Анфиса Сергеевна, сказала мне, что умер мастер зимой в лютый мороз.

– Сынок его, который у вас в Горькове шоферит, канистру бензину на землю вылил, чтобы, значит, зажечь и землю отеплить...

Я выразил желание поклониться его могиле, и после обеда мы с Анфисой Сергеевной, приодевшейся по этому случаю, отправились на деревенское кладбище. Могила Пал Петровича была устроена не по-деревенски богато: литая чугунная ограда, большая мраморная плита с фотографией и прочувственной эпитафией.

– Всем колхозом деньги собирали и правление еще выделяло. Председатель сам в Горькове в кооперативе все заказал. Сын только привез, – пояснила старушка.

– А на похоронах вся округа была! Пять человек речи говорили! Какого мастера схоронили, как называют – с большой буквы! Ведь как вернулся с войны, весь обиход в селе его был: и посуда, и ложки, и бочата, и обувка, и инструмент огородный! Такого мастера больше и не будет!

Я взгляделся в фотографию. Бравый солдат с густыми усами, в пилотке набекрень, с рядом медалей и гвардейским значком на груди с прищуром, с вызовом глядел на меня.

– Другой в доме не нашли, – пояснила старушка. – Фотку сняли в аккурат как он с войны пришел...

...Я положил на могилу букетик полевых цветов и, осторожно поддерживая под локоток тетку Анфису, повел ее до дому...

III. НА ГОРОДСКИХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

Принято считать, что и природа города Нижнего Новгорода по сравнению с природой области скуднее, и интересных событий, связанных с природой здесь происходит меньше. Но это совершенно не так! Готовя к изданию свою монографию «Флора Нижнего Новгорода», я побывал в самых различных уголках города и познакомился не только с интересными видами растений, но и с интереснейшими людьми. И во многих случаях именно из их рассказов, из событий, с ними случившихся, я и узнал истоки многих, ранее для меня загадочных, случаев в природе. Теперь я предлагаю их вашему вниманию, изменив, разумеется, имена действующих лиц и географические названия.

ТРАГЕДИЯ ЛЕСНОГО ОЗЕРА

«Июнь – на рыбу плюнь!» – такова поговорка наших рыбаков, к счастью, не всегда оправдывающаяся. Но то, что произошло 13 июня 197... года заставило еще раз вспомнить эту поговорку. Глядя на дурно пахнущую воду лесного озера на окраине крупного промышленного района, на рыбок, плававших в нем вверх брюхом, оставалось только плюнуть с досады. Причина же всего этого была рядом – заводик неподалеку, из-под ворот которого тек поток мутной зловонной жидкости напрямиком в озеро. Заводик этот в районе был как бельмо на глазу, он портил все экологические показатели – и своей допотопной котельной, работавшей на угле и нещадно дымившей, и тем, что он сливал жидкие отходы в городскую канализацию, а твердые разбрасывал по окрестным лесам. Вдобавок этот заводик поглощал всех приговоренных к исправительно-трудовым работам, условно осужденных, досрочно освобожденных, уволенных за пьянство, хищения и прогулы а также подростков, исключенных из школ и ПТУ со всей заречной части города. Словом, от этого заводика, чья продукция так не походила на продукцию Автозавода, или, скажем «Красного Сормова» можно было ожидать чего угодно.

И все же, то, что произошло этим недобрым утром, было из ряда вон выходящим. Дело в том, что уже неделю, как на заводике были установлены современные очистные сооружения, до сего дня исправно работавшие! Туда стекались и успешно обезвреживались отходы гальванического цеха.

Я и в те времена был известен, как активист ВООП, а сверх того – постоянный автор областной «молодежки». Поэтому, когда сотрудница редакции, «сидевшая» на экологии позвонила мне и попросила разузнать, в чем дело, я охотно согласился.

Через проходную завода я прошел свободно, буркнув «комиссия!» и сунув под нос вахтеру красную книжечку действительного члена Географического общества СССР, вид которой действовал тогда на многих, как взгляд удава на кролика.

У нового здания очистных сооружений я увидел толпу и, потрясая красной книжечкой, с криком «пропустите члена комиссии!» протискался в середину. Я оказался у смотрового колодца со сдвинутой набок крышкой, изъеденной ржавчиной. Из колодца вытекала струйка мутной зловонной жидкости с характерным запахом окислов азота. Прислушавшись к разговорам, я понял, что причина аварии – закупорка трубы подземного коллектора, по которому стоки из гальванического цеха, содержащие смесь серной и азотной кислот, поступали на очистку. После закупорки коллектора уровень жидкости в колодце поднялся и она самотеком через расположенные рядом ворота потекла в лесное озеро. Присутствующие недоумевали в чем дело, ведь диаметр трубы достигал семидесяти сантиметров и преграждался решеткой из особой нержавеющей стали. Сейчас же

гальванический цех был остановлен и обсуждались способы как осушить коллектор, чтобы посмотреть, в чем дело.

Потолкавшись среди людей, я заглянул на очистные сооружения. Взял пару интервью у работников, а под конец заглянул в санитарно-промышленную лабораторию, руководителем которой оказался мой однокурсник Саша Шехтнер. Он сам недоумевал, в чем дело и высказал только предположение, не была ли нарушена технология.

– На нашем промгиганте, – печально объяснил он мне, – публика такова, что от нее всего можно ожидать! Ведь в гальванике одни бывшие зэки работают – грабители и воры. С ними ухо остро нужно держать! Чуть что не по ним – любую пакость подстроят!

...Часа через три, когда я уже сидел в редакции «Ленинской смены» и набело переписывал разгромную статью, а члены комиссии, заседавшие в кабинете главного инженера и одуревшие от табачного дыма, не пришли ни к какому общему мнению и решили разойтись, прибежала лаборантка с очистных сооружений и крикнула, что проходимость подземного коллектора восстановлена. Члены комиссии поспешили к колодцу и в самом деле увидели, что уровень жидкости в нем стремительно падает. Все вздохнули с облегчением и тут только спохватились, что с самого начала не видели начальника очистных сооружений Мокроусова, в комиссии заседал его заместитель. Позвонили к нему домой, но жена Мокроусова заявила, что со вчерашнего дня муж не появлялся.

– Мне сказали, что у вас на заводе авария и я думала, что он там. Он и раньше по два-три дня на заводе пропадал, все свою очистку налаживал, – сообщила она.

Но о том, куда делся начальник очистных сооружений все тут же забыли, поскольку приехала спецмашина. Из нее вышел осмотрщик подземных коммуникаций и, облачившись в прорезиненный костюм и прикрепив аппарат автономного дыхания, скрылся в колодце. Через пять минут он вылез из колодца и доложил, что коллектор совершенно чист, если не считать клочков какой-то ткани на решетке. Да еще на дне он нашел кусочек какого-то желтого металла. Главный инженер повертел этот кусочек в руках и рассеянно сунул его в карман. Гальванический цех вновь заработал и сточные воды исправно потекли на очистку.

Меж тем жена начальника очистных сооружений забила тревогу и назавтра на заводик прибыл следователь милиции. Он подробно допросил всех, имевших отношение к делу, и выяснил, что последним видел Мокроусова начальник лаборатории Шехтнер. По его словам они задержались на работе, разговаривая о том, о сем. Разговор был самый пустой и часов в семь вечера они вместе ушли домой. Вахтер, дежуривший в ту смену, клялся, правда, что Мокроусов через проходную не проходил, но доверять полностью

этому сообщению было нельзя: как и большинство работников заводика, вахтер был из проштрафившихся, был замечен на работе в нетрезвом виде и допускал хищения и проход на территорию посторонних лиц. Лейтенант еще раз в сопровождении двух понятых осмотрел всю небольшую территорию заводика, все склады, цеха и колодцы. Мокроусов как в воду канул! Тогда он для очистки совести еще раз внимательно осмотрел смотровой колодец и тут увидел на его ободке бурое пятно, ранее не замеченное им из-за изменения солнечного освещения. Через лупу следовательно увидел прилипшие к чугунному ободу волосы, тщательно соскреб их и отправил на экспертизу. Кровь, приставшая к волосам, оказалась как раз той группы, что была у Мокроусова, а на волосах – следы того шампуня, которым он пользовался. Кстати жена вспомнила, что муж недавно посетил парикмахерскую и оказалось, что не только мастер прекрасно запомнила клиента, но что следы ножниц на волосах, подобранных следователем, прекрасно отражали характерные особенности ножниц этого мастера! Это дало повод милиционеру внимательнее присмотреться к Шехтнеру...

...На заводике все удивлялись неожиданно возникшей дружбе между этими совершенно не сходными между собой людьми – Мокроусовым и Шехтнером, а причина оказалась в том, что однажды любознательный начальник лаборатории обнаружил, что электроды для никелирования изготовлены из металла с низкой степенью чистоты. Шехтнер узнал, что такой никель содержит в себе значительную примесь металлов платиновой группы и действительно, достав на химфаке университета, где работал один из его бывших сослуживцев необходимые реактивы и проведя анализы, он обнаружил значительный процент платины.

С помощью Мокроусова, отличного химика, он наладил выделение и сбыт этого металла. У Мокроусова аппетиты были скромными и, купив «Жигули» тот захотел выйти из дела, но не тут-то было!

– Когда я уеду в Израиль, тогда и выйдешь! – заявил ему Шехтнер.

Накануне аварии Мокроусов зашел к Шехтнеру и между ними произошел крупный разговор. Шехтнер понял, что Мокроусов окончательно вышел из игры. В конце-концов, начальник лаборатории мог и сам добывать платину, но опасность была в другом: Мокроусов, склонный к выпивке в компании, мог все разболтать. Поэтому Шехтнер уговорил начальника очистных сооружений потерпеть ровно неделю, а сейчас предложил выпить. Как всегда, разбавленный спирт пил только Мокроусов, а Шехтнер лишь пригубливал. Напоив своего подельника до потери сознания, Шехтнер подтащил его к смотровому колодцу, сдвинул крышку и сбросил вниз. Погода в тот вечер стояла

дождливая, сумрачная, фонари горели вполнакала, на заводе уже никого не было, и сцену эту никто не заметил.

Тело начальника очистных сооружений, подхваченное потоком, понеслось по коллектору, остановилось у решетки и закупорило слив. Сточные воды поднялись на поверхность, потекли к лесному озеру и погубили там все живое. Между тем под влиянием смеси серной и азотной кислот тело Мокроусова начало медленно растворяться, пока не исчезло совсем. Ключья синтетической майки на решетке и выпавший в осадок золотой зуб – это все, что осталось от начальника очистных сооружений.

БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Бермудский треугольник, как всем известно, это область в Атлантическом океане у одноименных островов, где якобы таинственным образом исчезали корабли и самолеты. Само это название сделалось нарицательным для всякого места, где частота несчастных случаев почему-то выше обычного. А несколько лет тому назад и мне довелось побывать в подобном месте, причем оказалось оно чуть не в центре Нижнего!

Началась же эта история еще раньше, когда была жива известный наш ботаник Екатерина Васильевна Л. Как-то сообщила она мне, что, перебирая свой гербарий, обнаружила она редкое растение авран, найденное ею по берегу затона «25 лет октября», что в Ленинском районе. Самой ей передвигаться было затруднительно и она попросила меня съездить туда, попытаться найти авран и вообще обследовать эту местность поосновательней.

...Речной залив, когда-то окаймленный шеренгами ив и тополей, оказался сильно изменен: кустарник вырубил, поставили грибки и кабинки для переодевания. В самом центре песчаного пляжа возвышалось приземистое здание с надписью: «Зона отдыха «Окские берега». На берегу я обнаружил авран и уже закладывал одно растение в ботаническую папку, как услышал за спиной радостное восклицание:

– Илья Львович, как я рад вас здесь видеть!

Я обернулся и увидел статного молодца в полосатых плавках и с вытатуированной русалкой на груди – моего бывшего студента Сашу Б.; когда он учился на первом курсе естественно-географического факультета пединститута, то в его группе я вел полевую практику по ботанике. Посыпались взаимные расспросы. Саша закончил институт, но в качестве учителя себя не нашел и устроился сюда, как он сказал «спасматросом» а по совместительству – медсестрой (пединститут предоставляет студентам дополнительно обучиться и этой профессии).

– А в зимний сезон я здесь же сторожем на две ставки работаю, – пояснил он мне. – Идемте, я покажу свои апартаменты.

«Апартаменты» состояли из обширного склада, медицинской комнаты (она же служила жильем Саше), и дежурной комнаты. Обстановка этой последней была совершенно необычной: там стояла полутораспальная кровать, старый буфет с горкой посуды и обеденный стол с тремя стульями. Над кроватью на старом выцветшем ковре были булавками пришпилены многочисленные похвальные грамоты и дипломы Саши, а среди них – новенькая медаль за спасение утопающих.

– Однако, вы молодец, – только и смог вымолвить я, остолбенев от удивления. – Всего за два года работы – и такой результат!

– На моем месте любой спасматрос заработал бы столько же наград. Ведь наша зона отдыха особенная, здесь больше всего случается несчастий на воде. Недаром ее называют «бермудским треугольником», тем более что и залив треугольной формы.

И тут, как бы в подтверждении его слов, раздался истошный вопль:

– Спасите, тону-у-у!

Саша стремглав бросился к маленькому причалу, вскочил в лодку и сильным взмахом весел погнал ее к барахтающемуся в воде мужчине. Легко, как бы играючи, он перевалил его в лодку и поплыл назад. На берегу он привел его, к моему удивлению, не в медпункт, а в дежурную комнату и, достав из буфета бутылку, отлил в стакан и дал утопленнику отхлебнуть. Снадобье оказалось весьма действенным, мужчина быстро пришел в себя и принялся благодарить спасителя. К моему удивлению, они оказались знакомы.

– Николай Дмитриевич, дорогой, я всегда рад помочь вам, вы только распишитесь.

– Что за разговор, Саша, все сделаю, как положено! И распишусь, и телефончик оставлю!

Изумлению моему не было предела, когда я увидел, как Саша достал из тумбочки стола отпечатанный на ксероксе бланк и протянул его собеседнику. На бланке этом было отпечатано следующее:

В администрацию Ленинского р-на Н.Новгорода

Ходатайствую о поощрении работника зоны отдыха «Окские берега» Б-ва А.Д., спасшего мне жизнь на воде.

Подпись

Дата

Рабочий телефон

Домашний телефон.

Когда мужчина расписался и ушел, Саша, заполнив журнал происшествий и медицинский журнал, сказал:

– В нашем «бермудском треугольнике» подобных случаев так много, что пришлось заказать специальные бланки. Вначале в коммунхозе (я им подчинен) надо мной смеялись, а как проверили, зауважали. Стал я регулярно и грамоты и премии получать, а полгода назад, когда спас троих парней, наградили медалью.

Меня здесь весь соседний микрорайон знает, – кивнул он в сторону 9–12-этажных башен, возвышавшихся над домиками соседнего поселка, – даже осенью и зимой ко мне заходят.

Я выразил восхищение своему бывшему студенту и отправился восвояси, размышляя о тайнах этого залива. Дело мне казалось простым: со дна бьют сильные холодные ключи и контраст между их ледяной водой и прогретыми солнцем водами заливчика и приводит к внезапным судорогам купающихся...

В сентябре судьба странствующего натуралиста снова забросила меня на берега Оки, где я собирал гербарий ив и тополей. Поскольку «бермудский треугольник» был неподалеку, я решил зайти к Саше, благо домик его еще издали манил светом в окошках. Уже подходя к дверям, я решил посмотреть сперва в окно. В дежурной комнате за столом сидели трое: сам Саша, девица и молодой мужчина. На столе стояла початая бутылка, тарелки и стаканы.

– Ладно, вы оставайтесь, а я пойду погуляю, осмотрю территорию. В вашем распоряжении минут пятнадцать, – донесся до меня приглушенный голос Саши.

Едва за ним захлопнулась дверь, как девица протянула руку к выключателю и домик погрузился в темноту.

Минут через десять свет снова зажегся. Обитатели дежурки сидели раскрасневшиеся, довольные и угощались вовсю.

Вошел Саша. К моему изумлению, он достал два известных мне бланка и подал гостям. Те принялись их заполнять.

– Число поставьте вчерашнее. Погода стояла теплая; я сам видел: несколько человек купались.

Я понял истинное происхождение «бермудского треугольника» и, тихонько отойдя от окна, побрел к автобусной остановке.

ЗОНА ОТЧУЖДЕНИЯ

Напрасно многие думают, что редкие растения нужно искать только в нетронутых уголках. В течение многих лет, изучая флору города, я неоднократно находил ботанические редкости в самых людных местах. Это и орхидея, выросшая на газоне на проспекте Гагарина, и папоротник на стене кирпичного дома по улице Минина, и степной шалфей на Похвалинском съезде...И всякий раз почему-то случается, что находка редкого растения оказывается связанной с какой-нибудь криминальной историей. Правда, во всех почти случаях нарушителем закона оказывалось постороннее лицо, я же своей находкой только способствовал выявлению криминала. И только однажды нарушителем закона оказался ваш покорный слуга!

До сих пор не могу понять, как меня, что называется, не вычислили: наследил я порядочно, и в буквальном и переносном смысле!

Между прочим, принцип неотвратимости наказания за преступления и в этом случае восторжествовал, хотя и в оригинальной форме!

Но ближе к делу!

Эта история случилась со мной в те времена, когда я работал слесарем на заводе «Орбита» в 1982 г. От посторонних глаз завод наш укрывался за побеленным кирпичным забором, выходящим к кладбищу «Марьино роща». Для непосвященного глаза кажется, что завод наш сразу за забором и начинался. Между тем за забором лежит еще четырехметровая полоса отчуждения, отгороженная от собственно заводской территории столбами, оплетенными колючей проволокой. Эта зона отчуждения никем практически не посещалась, никто ее не топтал, тем не менее трава там почему-то росла плохо, да и то один бурьян.

Как-то раз, в июле, в обеденный перерыв, возвращаясь из столовой в цех кратчайшим путем мимо «колючки», я обратил внимание на цветок с красными лепестками, росший по ту сторону и, подойдя поближе, увидел, что это – мачок рогатый, редчайшее заносное растение нашей флоры! Росло их там с десятков экземпляров. Я сбегал в цех, принес стальной прут и попытался с его помощью добыть растение, но не тут-то было!

При попытке выкопать растение и подтащить его поближе, я только разодрал стебель, да вдобавок расцарапал руки. Мне стало ясно, что необходимо самому побывать в зоне отчуждения. Но как это сделать? О том, чтобы пойти к начальнику охраны завода Бирюкову и договориться с ним, не могло быть и речи. Этот Бирюков был личностью настолько антипатичной, что вызывал у многих заводчан, в том числе и у меня чувство неприязни, граничившее с омерзением. Недаром и подразделение, которым он руководил

и называлось на заводе не иначе, как «охранка». Оставалось только нелегально проникнуть за колючку и выкопать там растение. С этой операцией следовало поторопиться, поскольку мачок рогатый после отцветания очень быстро увядает и отмирает.

И тогда я придумал гениальный, как мне показалось, способ: остаться во вторую смену, дожидаться, пока стемнеет, проделать кусачками проход в колючке и проникнуть за нее. Прогноз погоды этому благоприятствовал: ожидалась облачность, дожди и, главное, новолуние. Остановка была только за тем, как обеспечить себе алиби.

В ту пору у меня был ученик, некто Фадеев, из числа тех, которых, сжалившись, выпускают из неполной средней школы не со справкой, а с полноценным свидетельством. Обучаясь у меня слесарному делу, он привык ничему не удивляться и слушался меня беспрекословно. Не моргнув глазом он выполнил мое приказание: в пятницу, после окончания рабочего дня, заодно со своим взять и мой пропуск и при выходе с завода сунуть его на ленту транспортера.

Надо вам сказать, что пропуска у нас были кабинного хранения. После окончания рабочего дня мы, выходя с завода, клали его перед стрелком ВОХР на ленту транспортера. При этом в проходной была такая толчея и сумятица, что вохровцы еле успевали сгребать пропуска в ящик. Потом уже они раскладывали пропуска по ячейкам. Входя же на завод, мы нажимали соответствующую кнопку и пропуска падали на транспортер прямо перед нами. Мы забирали их, и, войдя в цех, вставляли их в табельную доску. Такова была эта система, существующая и поныне на всех крупных предприятиях.

Жену я предупредил, что ввиду аврала, останусь с пятницы на субботу на заводе.

...Итак, по окончании смены мой пропуск оказался в кабине на вахте и, следовательно, формально на заводе меня не было! Покинуть же завод без пропуска я надеялся глубокой ночью, через боковую проходную для транспорта, где под полотнищем ворот был вполне достаточный для меня промежуток...

...По окончании смены я сидел в заводской библиотеке и читал журналы, потом пошел в столовую и долго там ужинал, а когда столовая закрылась и наступили сумерки, побрел к ограде. Погода мне благоприятствовала: небо заволкло тучами.

Я подошел к нужному месту ограды, вынул из кармана комбинезона кусачки и перекусил четыре проволоки. Оглядевшись по сторонам, я раздвинул проволоку и пролез в зону отчуждения. Вынув из другого кармана нож, я выкопал три растения мачка и уложил их в сложенную вчетверо газету. Газету я положил в картонную канцелярскую папку с завязками, а папку сунул за пазуху.

Меж тем темнота сгустилась и в двух шагах ничего не было видно. Пора было возвращаться. И тут я вдруг заметил в нескольких шагах от себя в траве огонек. Я подошел поближе, нагнулся и увидел светлячка, редкого гостя в городе. Я положил симпатичное насекомое на ладонь и долго любовался им, а потом вернул в траву и подошел к ограде. Можете представить мое изумление, когда дыры я не обнаружил! По-видимому в темноте я потерял ориентировку!

Около получаса я шараялся вдоль ограждения, обдирая руки и одежду, но дыры так и не нашел. Делать было нечего, надо было проделать новую дыру. Я сунул руку в один карман, потом в другой – кусачек не было! Вероятнее всего, они упали на землю.

Что мне было сделать? Проще всего было пойти к ближайшей будке охранника и, так сказать, сдать властям. Но мысль о позоре, который я на себя навлеку этим поступком, была так ужасна, что такой вариант я отбросил напрочь.

Светящийся циферблат на моих часах показывал полночь, а я все сидел, привалившись спиной к кирпичной стене внешней ограды и под мерную капель дождика лихорадочно думал, как мне выпутаться из этого положения. И придумал!

Я вспомнил, что неподалеку заметил еще днем торчащую из кирпича скобу на высоте около метра. Я пошел вдоль кирпичного забора и скоро эту скобу нащупал. Кое-как я залез на верх забора, где шли рядом пять линий колючей проволоки и ухнул вниз с двухметровой высоты прямо в бурьян, росший с внешней стороны забора. С минуту я лежал, обмирая со страху и ощупывая себя, не сломал ли ногу-руку. Потом медленно поднялся и, ощущая сильные боли в боку, правой руке и ноге, побрел к кладбищу, а под прикрытием его забора – к массивам коллективных садов по улице Юбилейной. Огибая микрорайон Кузнечиху, я вышел к речке Рахме и вдоль нее побрел к себе в поселок. Домой я пришел в четыре утра, принял душ и улегся спать.

Утром, в субботу, я поехал в магазин рабочей одежды и купил там новый комбинезон взамен изодранного.

В понедельник я явился на завод, обмирая от страха и прислушиваясь к разговорам. Тотчас же я побежал к колючке. Дождь смыл все следы и – о, счастье! – рядом с оградой лежали мои кусачки. Я подобрал их и вернулся в цех. Заметили, или нет в «охранке» что в проволочном ограждении дыра, а на заборе – клочки ткани, а если заметили, то что предприняли – для меня осталось тайной.

Я уже совсем было успокоился, но можете себе представить, что через месяц носки новый комбинезон вдруг начал расползаться по швам, как будто был сшит на живую нитку!

Царапина на руке, уже совсем было зажившая, вдруг загноилась и лечить ее пришлось долго.

И в довершение всего, через месяц в моем гербарии появились жучки-вредители и первые растения, которые они съели, были экземпляры мачка рогатого!

...Недаром говорится, что жернова господни мелют медленно, но неотвратимо!

ЧУДО-ДЕРЕВО

Нынче сенсациями никого не удивишь. О чем только не пишут в газетах: об НЛО, «деньгах партии», тайнах «третьего рейха», космических пришельцах. Для меня как натуралиста одно утешение: досужие на выдумки журналисты в массе лишены биологических знаний и о сногшибательных явлениях природы не пишут, ибо для сочинительства правдоподобных небылиц в области, скажем, ботаники, необходимо иметь соответствующий запас знаний. Тем не менее и здесь бывают исключения и вот вам заметка в одной из городских газет, переписанная мной слово в слово:

«Чудо-дерево.

Житель Сормовского района Илья Владимирович Б. превратил свой небольшой приусадебный участок в настоящий ботанический сад. В открытом грунте он выращивает виноград, культурный миндаль, абрикосы и другие экзотические растения. Предмет его особой гордости – большое дерево грецкого ореха, ежегодно дающее обильный урожай.

Н.Хоромин»

В то, что у нас выращивают виноград и абрикос, я готов был поверить: существуют их холодостойкие сорта. А что касается культурного миндаля и грецкого ореха – поверить в это я отказывался решительно. Культурный миндаль – растение субтропическое; изредка разводимый у нас миндаль низкий, иначе бобовник, как плодовое растение ценности не имеет, это декоративный кустарник. Грецкий же орех, если и плодоносит, то изредка, даже на холодостойких подвоях.

Нисколько не сомневаясь, что передо мной «дутая» сенсация, лишь «приправленная» фактами, я позвонил-таки в газету, представился и попросил разрешения встретиться с автором заметки. Мою просьбу передали, и через неделю в моей квартире раздался телефонный звонок. Звонил тот самый Н. Хоромин. Он пригласил меня поехать завтра к почтенному садоводу, назвал его адрес и указал время встречи.

Назавтра утром, сделав две пересадки на автобусах, я оказался в поселке на окраине Сормова. Впрочем, окраиной это место можно было называть лишь с натяжкой, ибо на поселок наступали девятиэтажки.

Дом, где проживал мой тезка, я нашел без труда; на лавочке у дома сидел молодой мужчина с «дипломатом».

– Позвольте рекомендоваться: Николай Владимирович Хоромин, – сказал он вставая.

– Хозяина я предупредил, он нас ждет.

И он нажал на кнопку звонка.

Дверь открылась, и на пороге показался пожилой мужчина в полувоенной одежде.

– А, это вы, – буркнул он, не поздоровавшись. – Ну, что же, проходите!

Вслед за хозяином мы прошли через холодные сени в сад. Вид он имел совершенно необычный! Прежде всего, огородных грядок там не было вовсе – одни деревья, кусты и плантация земляники. Во-вторых, все растения были снабжены бирками из тефлона, на которых были написаны по-русски и по-латыни название вида, семейства, родина и возраст. Даже на гряде с земляникой была укреплена табличка такого содержания:

Земляника садовая, или ананасная

Fragaria ananassa Duch.

Сем. Розоцветные

(Rosaceae)

Родина – Северная Америка

Возраст – четыре года.

В первую очередь я попросил хозяина показать мне грецкий орех и культурный миндаль. Илья Владимирович подвел меня к растущим рядом кустарнику и деревцу.

– Позвольте, но ведь это миндаль низкий и орех манчжурский! – возопил я, всмотревшись в растения.

– Совершенно верно, Илья Львович, это подвои, на которые я и привил культурный миндаль и культурный орех! – заявил хозяин.

Я еще раз внимательно осмотрел растения и не увидел ни побега, ни даже привитой почки. Или они были единичными, или...

Но от размышлений меня отвлек хозяин, потащивший осматривать виноград и абрикос, а потом пригласивший в дом.

Дом хозяина напоминал музей: на стенах висели цветные фоторепродукции различных плодовых растений, фотографии самого хозяина с огромными тыквами и арбузами в руках; на одном фотоснимке он был весь обвит побегами винограда с огромными гроздьями. На стеллажах демонстрировались книги и брошюры по садоводству с дарственными надписями авторов.

– Да, большое у вас хозяйство! – сказал я, выслушав речь хозяина о своих опытах. – Вы один справляетесь, или вам помогают?

– Конечно, помогают! Вот завод, где я сорок лет в охране проработал, помог отпечатать бланки для ответов на письма садоводов.

И он подал мне листок бумаги с таким текстом:

«Дорогой друг!

Для получения морозостойких семян грецкого ореха и миндаля Вы должны выслать в мой адрес тару и деньги из расчета 50 рублей за каждое семя.

С приветом, Б-ов!»

– И часто к вам приходят такие письма? – осведомился я.

– С тех пор, как Николай Владимирович опубликовал в трех центральных газетах статьи о моем саде, мне пришло свыше сотни писем.

Я призадумался. По самым скромным подсчетам выходило, что мой почтенный тезка получил несколько десятков тысяч рублей и несколько кубометров тары...

– А не боитесь, что ваш сад снесут? – забеспокоился я.

– Нет, не боюсь! Если они это задумают, то мне за сад такую компенсацию дадут...то

есть я хочу сказать, – поправился он, – что они будут вынуждены мне такую компенсацию выплатить, что снос будет попросту невыгоден.

...Кажется, я начал догадываться, в чем дело...

– А не дадите ли мне, как ботаник, заключение в плодах моего грецкого ореха? – спросил он меня.

– Простите, Илья Владимирович, но, не видя плодов на дереве, я такого заключения сделать не смогу! – ответил я.

– А я и не прошу вас об этом! Вы просто напишите, каковы они на вкус.

И он подал мне на блюде очищенные семена грецкого ореха.

Я пожал плечами, попробовал орехи и написал, что орехи, поданные мне гражданином таким-то, проживающим там-то – превосходны на вкус.

Он тут же отпечатал мое заключение на машинке и подал мне на подпись. Я вторично пожал плечами и подписался.

Хозяин горячо благодарил меня и даже пытался всучить мне пятьсот рублей, но тут уж я решительно отказался, согласившись принять от него лишь четыре грецких ореха...

Прощаясь с гостеприимным садоводом, я бросил взгляд на его письменный стол и тут увидел штемпельную подушку, а в ней круглую печать.

– Если он работал в охране, то, уходя с завода, мог прихватить с собой какую-нибудь стершуюся круглую печать, а потом пустить ее в ход, черт бы его побрал! – забеспокоился я...

Но дело уже было сделано.

...В сентябре того же года я вторично побывал в этих краях. Усадьбы садовода уже не было; на ее месте трудились траншейные машины. Я зашел к соседу и осведомился о судьбе Б-ва.

– А он уже в новой квартире где-то на автозаводе живет! – ответил мне сосед. – Тут к нему в начале лета какой-то специалист приезжал, выдал справку с печатью, что орех у него какой-то особенный. Так он мне потом похвалялся, что компенсация за орех все его расходы по переезду окупил. Вот жук! Умеют же люди жить...

Я покраснел от стыда и побрел на автобусную остановку. Вернувшись домой, я достал из ящика письменного стола орехи и аккуратно вскрыл их скальпелем.

Все четыре ореха оказались пустыми.

ЗУБ МУДРОСТИ

Собирая материалы для моей книжки о флоре города, решил я посетить места, доселе вниманием ботаников не пользующиеся – самый центр исторической части города.

Свернув с Покровки в Холодный переулок, с него – на Звездинку, а оттуда еще на боковые улочки и переулки, набрел я на чудом сохранившуюся усадьбу. За штaketником стоял аккуратный кирпичный домик с мезонином, рядом – добротный сарай – и все это – в окружении цветущего сада!

Я нажал кнопку рядом с калиткой и стал ждать. Первой откликнулась собака: громадный белый сенбернар вылез из будки и, повернув в мою сторону голову, строго посмотрел на меня. Вторым обратил на меня внимание большой рыжий кот, спрыгнувший с крыши сарая. Он подошел к калитке, встал на задние лапы и раскрыл пасть, демонстрируя острые клыки. Вслед за тем из домика вышел пожилой мужчина в полувоенном костюме и строго спросил:

– Вам кого?

– Вас! – ответил я, просовывая через калитку свою книжечку действительного члена Географического общества СССР.

Хозяин дома надел очки, посмотрел книжечку, потом на меня и отворил калитку.

– Милости прошу! Позвольте рекомендоваться: Зубов, Платон Григорьевич! Чем могу?

Тут я тоже принял соответствующую позу и отрапортовал:

– Честь имею представиться: действительный член Русского Географического общества такой-то! Находясь на ботанико-географической экскурсии в старой части

города и узрев вашу замечательную усадьбу, полную ботанических редкостей, счел долгом засвидетельствовать свое уважение!

Платон Григорьевич улыбнулся и пригласил меня пройти посмотреть его сад. Когда мы проходили мимо собачьей будки, сенбернар протянул мне лапу.

Я осторожно пожал лапу.

Потом ко мне подошел кот и, встав на задние лапы, вцепился когтями мне в голень.

Я погладил кота по спинке.

Платон Григорьевич, с умилением наблюдавший эту сцену, промолвил:

– Ну, вот вы и познакомились с Сеней и Рыськой, моими приятелями и сожителями. Кроме них, у меня никого в Горьком нет!

Сад Зубова оказался и вправду богат редкостями. Здесь росло три вида слив, пять видов яблонь, виноград, абрикос, актинидия, лимонник, плодоносящая мускусная земляника и шелковица. У калитки же росли разнообразнейшие декоративные кустарники, одних спирей было шесть видов!

– Ну что же, Платон Григорьевич, – заявил я под конец экскурсии, – сад у вас действительно уникальный, тем более, как вы говорите, он был заложен еще дедом до революции. Но скажите, ради бога, как вам удалось сохранить все это богатство?

– Видите ли, это наша наследственная усадьба, вернее – ее часть. Моему деду, инспектору гимназии с девятьсот первого года принадлежал вот этот соседний деревянный двухэтажный дом, а тот дом, где я теперь живу, – это его флигель, то есть дом в глубине двора. Во флигеле мы и жили, а в двухэтажный дом квартирантов пускали. А в начале восемнадцатого дедушка красивый жест сделал: двухэтажный дом и при нем сад в ведение местного Совета передал, об этом еще «Нижегородская коммуна» писала. Нас и не тронули, тем более что и при новой власти дедушка продолжал учительствовать. Родители мои умерли, дочь с сыном со своими семьями в Москве живут, а я здесь свой век с двумя приятелями коротаю.

Весной следующего года я опять оказался в этой части города и забрел на знакомую усадьбу. Перемены оказались поразительными. Старый Зубовский деревянный дом был сломан, а на месте окружавшего его садика зиял котлован. Сам переулочек, в глубине которого располагался кирпичный домик Зубова, был перекопан траншеей, на дне которой уже лежали трубы.

Кое-как перебравшись через траншею, я постучал в знакомую мне калитку. Именно постучал, ибо звонок с проводом был вырван с корнем. Встретили меня все трое приветливо: Платон Григорьевич горячо пожал руку, Сеня подал лапу, а Рыська в порыве энтузиазма вцепился когтями мне в брюки.

– Вас, кажется, скоро снесут? – осведомился я. – А как же вы будете без сада? А как же вы и ваши приятели в однокомнатной квартире, – ведь больше вам не дадут, – втроем уживетесь?!

Платон Григорьевич усмехнулся.

– Меня уже пять лет сносят, а я и не горюю, потому как ничего они со мной не сделают! Домик этот до самой моей смерти стоять будет, а после в него моя дочь переберется, она сюда из Москвы воротиться собирается.

– Власть, Илья Львович, у нас, конечно, твердая, – продолжал он, – да только и мы не лыком шиты! Я вот уже сколько лет районную администрацию за нос вожу, тысячи причин нахожу, чтобы отсюда не переезжать – и все вполне легально! Приходит ко мне участковый, предупреждает, что котлован рядом копать начнут и траншеей переулочек мой перероют, а я говорю «Пожалуйста!»

Предупреждают, что электричество, водопровод, газ и телефон отключат, а я говорю «Ради бога! Меньше платить придется! Теперь только за одну земельную ренту и налог за строение вносить деньги нужно будет!». Электричеством я не пользуюсь, радио не слушаю, а по телефону ни с кем не говорю. Еду же я готовлю на керосинке, да еще керосиновая лампа у меня есть и к ним целая бочка керосина в сарае, да на печи, а для дров я с развалин каждый день бревнышки и доски притаскиваю, не успеваю распиливать. – И он показал мне новую поленницу. – А колодец у меня свой, потайной, его еще мой отец в девятьсот тридцатом году выкопал, сруб у него из лиственничных плах, сто лет простоит.

– А на прошлой неделе умора была, – продолжал он, – подъезжают среди бела дня к траншее милицейский УАЗ и большой грузовик, вылезают оттуда участковый, жилищный инспектор и четверо бугаев.

– Собирай вещи, мы их тебе, как ветерану войны сейчас бесплатно погрузим, на новую квартиру неподалеку перевезем и там все расставим.

Смотрю, они у траншеи засуетились, доски со стройки тащат. Да только траншея широкая, доски тонкие, прогибаются, никак нельзя с грузом перебираться. Покрутились они и назад уехали.

А на следующий день, смотрю, строители мост через траншею строят. А я поздно вечером, как строители ушли, через траншею по мостику перебрался, полил ту сторону из бутылки керосином и поджег, а сам вернулся и лег спать. Утром просыпаюсь от крика. Выхожу на крыльцо, смотрю – стоит на той стороне траншеи та же самая компания, а мостик до половины обгорел и в траншею свалился.

– Зубов, – кричат, – не знаешь, кто поджег?

– Мальчишки, наверное. Они тут костер на пустыре жгли.

– Ты бы в милицию позвонил!

– Здравствуйте! – отвечаю. – У меня же телефон оборван!

– Покрутились они и уехали ни с чем. Они думают, что я здесь как в осаде живу.

Дудки! Я потайной ход через забор на задах сделал, где детский сад. Раз в неделю выхожу в магазин за продуктами и в сберкасса за деньгами – туда мне пенсию перечисляют...

...В начале осени я опять наведаясь к Платону Григорьевичу и опять застал разительные перемены. На домике рядом с телевизионной антенной гордо реял триколор. Над крыльцом был прибит российский герб, а пониже его герб Нижегородской области и личный герб Зубова. Этот последний представлял собой варяжский щит, разделенный Андреевским крестом на четыре багряных поля. На верхнем поле под пятиконечной звездой была изображена Дмитриевская башня Нижегородского кремля, на нижнем поле – восходящее солнце, на боковых полях – скрещенные шпаги и развернутая книга. Под щитом девиз – «Честь – Родине!» Тут же на отделанной под мрамор доске красовалась выведенная золотом надпись, из коей следовало, что владельцем дома является потомственный русский дворянин, российской гвардии полковник и кавалер П.Г.Зубов.

Я крикнул хозяина, и вот он в сопровождении двух четвероногих питомцев подошел ко мне.

– Да вы что, не знаете, разве, что моя усадьба теперь памятник культуры – «Классическая городская дворянская усадьба начала XX века»?! Теперь она под охраной местных властей находится. О ней еще доклад на краеведческих чтениях делали.

Я вошел вслед за хозяином в дом и поразился переменам. В зальце, где раньше стояла мебель из пресловутой ДВП, теперь был старинный огромный круглый стол, бюро, десяток венских стульев; в одном углу стояла этажерка, на которой я заметил комплект журнала «Нива» за 1912 год, а в другом углу на столике помещался несколько помятый, но начищенный до блеска огромный медный самовар.

Со стены строго и вместе с тем благожелательно на меня смотрел государь император Николай Александрович в скромном мундире армейского полковника.

– Помилуйте, Платон Григорьевич! – возопил я. – Вы что, на старости лет монархистом сделались?! Я, конечно, поздравляю вас, усадьбу вы отстояли, но изменить своим убеждениям...Вы же сами говорили мне, что всю войну комиссарили и демобилизовались в пятьдесят шестом году с должности начальника политотдела корпуса...

– Не торопитесь, не торопитесь, дорогой Илья Львович, осуждать старика. Вы лучше послушайте, что я вам расскажу. Дом соседний еще не достроили, жильцов из других

домов я еще не всех уговорил окружить меня гаражами, как вдруг является ко мне очень прилично одетый молодой человек с белым эмалевым крестиком в лацкане пиджака и спрашивает:

– Вы будете потомственный русский дворянин Платон Григорьевич Зубов?

– Я, – отвечаю, – а в чем дело?

А он мне объясняет, что у нас в Нижнем Новгороде организовалось соответствующее местное общество и оно разыскивает потомков нижегородских дворян.

Разговорились мы с ним, и он посетовал, что помещение они никак не найдут. Всего, говорит, пятнадцать человек, а собраться негде. Я ему и предложил: собирайтесь мол, у меня. Послезавтра, говорю, пусть правление общества приходит и осмотрит помещение.

Обещал он правление привести, а я за работу принялся. Всю старую мебель из сараев и других помещений в залу затащил, самовар до блеска натер, портрет царя с чердака достал, обтер и лаком покрыл.

Пришло через два дня правление этого общества, на портрет посмотрело и умилилось аж до слез! Так что выходит, я портрет этот по примеру брата моего деда вывесил. Он им свой старый дом на Солдатской улице от черносотенцев прикрывал, когда в девятьсот пятом году после побоища на Острожной площади у нас молодежь пряталась. Идемте, я вас в свой кабинет провожу, там у меня другой портрет висит. Своих новых знакомцев я туда, понятное дело, не пускаю...

Кабинет Платона Григорьевича был небольшой, но уютный. Стоял там прямо перед окном огромный двухтумбовый письменный стол, а на нем пишущая машинка «Олимпия» с очередным листом мемуаров. Справа от стола располагался диван, слева – шифоньер и книжный шкаф. Сквозь стеклянные дверцы шкафа виднелись корешки сочинений классиков марксизма-ленинизма, среди которых позолотой выделялось роскошное издание «Вопросов ленинизма» И.В.Сталина. Сам же генералиссимус в парадном мундире и лакированных сапогах, скрестив руки на животе, сурово и хмуро глядел на меня с портрета над письменным столом.

– Ну, Платон Григорьевич, ну вы и даете! – только и мог выговорить я от изумления.

– Не считите за грубый каламбур, но вы – настоящий зуб мудрости!

– На сравнение не обижаюсь. Зуб – я и есть зуб! Пусть попробуют меня с насиженного места вырвать – себе дороже обойдется! Верно, приятели? – обратился он к коту и собаке.

При этих словах хозяина Рыська прыгнул ему на подставленные руки, а Сеня, зайдя сзади, встал на дыбы во весь свой богатырский рост и положил голову и лапы на плечи отставного полковника.

Я пожал Зубову руку, пожал Рыське и Сене лапы, тепло попрощался и отправился восвояси.

IV. НА КОНФЕРЕНЦИЯХ И СОВЕЩАНИЯХ

О многих таинственных историях, связанных с природой и природопользованием, я узнал от других наших натуралистов, бывая на многочисленных в последние годы совещаниях и конференциях. И это понятно: будь хоть семи пядей во лбу, все не осмотришь и всюду не побываешь. В отличие от очерков предыдущих серий, здесь я вынужден целиком полагаться на научную честность моих информаторов, имена которых я, по понятным причинам, зашифровал.

МУТАНТ

...Стылым осенним вечером 198...года, перед самым окончанием рабочего дня, когда начальник отдела кадров крупного радиозавода, где в то время работал механиком известный в нашем городе натуралист и краевед Иван Леонидович М., рассказавший мне эту историю на конференции по геологии города, уже начал потихоньку собираться домой, в дверь его кабинета постучали.

– Войдите! – недовольно крикнул завкадрами.

Дверь открылась, и на пороге появился молодой человек огромного роста и атлетического сложения.

– Вам такелажники нужны? – спросил он.

– Конечно! – обрадовался завкадрами. – Давайте ваши документы поскорее!

Но, бегло просмотрев документы, он с сожалением вернул их владельцу.

– Извини дорогой, но оформить тебя не могу – тебе нет еще восемнадцати лет, по закону не положено...

В ту же минуту он почувствовал, что вознесен в воздух: парень схватил одной рукой ножку его кресла, а другой – ножку массивного двухтумбового письменного стола и поднял их к потолку. С грохотом свалились со стола оба телефона.

– Немедленно опусти меня! – завизжал кадровик.

– Опущу, когда оформишь на работу, – ответил кандидат в такелажники.

В семнадцатом цеху, в кабинете его начальника потолки были низкими и поэтому Михаил (так звали нашего героя), чтобы доказать свою способность к этой профессии, вопреки КЗОТу, просто сорвал со стены трубу из нержавеющей стали со стенкой десятимиллиметровой толщины, заменявшей гардину, и завязал ее узлом.

В бригаде такелажников не могли нарадоваться на нового работника: он был послушен, трудолюбив и невероятно силен. Одна странность замечалась за ним: он никогда не пользовался никакими машинами и механизмами; учиться управлять электрокарой и электроталью он отказался наотрез! Не раз изумленные рабочие видели, как он с легкостью тащил за собой на стальном тросе электрокар, доверху груженный стальным литьем. Не раз наблюдали, как он вручную поднимал на тросе с первого этажа на второй через колодец электротали тяжелый железный ящик, наполненный деталями, причем свидетели клялись и божились, что масса груза превышала предел грузоподъемности электротали!

Наступил для Михаила вождеденный день получки. Вслед за товарищами, он просунул голову в окошечко цеховой кассы и, получив кипу ассигнаций, расписался за них. Но тут же с недовольным видом подошел к бригадиру.

– Ты почему, Василий Иванович, выписал мне меньше всех?

– Молод ты еще, Миша! Вот поработаешь побольше, и будешь получать, как все.

– Да ведь я работал больше всех вас, вместе взятых, а работали мы на один наряд! Заплати мне, хоть из собственного кармана! – заревел такелажник.

Бригадир такелажников Василий Иванович Гаврилов свернул из трех пальцев известную фигуру, но только поднес ее к носу Михаила, как тот, подняв одной рукой за ногу своего бригадира, перевернул его вниз лицом, а другой рукой прехладнокровно достал из кармана его брюк кошелек.

Такелажники сначала остолбенели от изумления, но потом – дружные ребята – бросились на грабителя. Михаил лишь слегка повел плечами, и такелажники отлетели в стороны как резиновые мячики. У одного оказалось сломано предплечье, трое других отделались ушибами.

...Через пять минут сквозь толпу рабочих, почтительно окружавших пустое пространство, в центре которого стоял Михаил, спокойно пересчитывавший деньги, протиснулся начальник цеха Исаак Исаевич Р.

– Немедленно верни деньги по-хорошему, извинись перед товарищами и пиши заявление об уходе по собственному желанию, или я вызову милицию!

– Вызывай, – спокойно ответил такелажник.

Народ начал расходиться по своим местам, но через десять минут собрался снова: в пролет цеха вошли три милиционера. Вначале они попытались вывести Михаила из цеха: с таким же успехом им удалось бы сдвинуть с места токарный станок. Стальные браслеты, надетые Михаилу на руки (по оплошности он заложил их за спину) разлетелись на куски как стеклянные от неуловимого движения такелажника.

В толпе, окружившей эту живописную группу, раздались возгласы восхищения, но они сразу смолкли, а народ начал разбегаться кто куда, когда милиционеры выхватили пистолеты, а один из них сделал предупредительный выстрел вверх. Впоследствии очевидцы, а в их числе был и сам рассказчик, Иван Леонидович, уверяли, что видели своими глазами, как пули, выпущенные в упор в Михаила, не причинили ему ни малейшего вреда. Добавляли также, что Мишка бросился на милиционеров, вырвал из их рук пистолеты и смял их в бесформенные куски железа.

Впрочем, рабочих тут же спровадили по домам, и не только в цеху, но и по всему заводу, объявив по радио, что произошла авария на подстанции. Завод и цех были оцеплены ротой внутренних войск; солдаты были в касках и бронежилетах и вооружены автоматами и ручными пулеметами.

Через час на завод прибыл батальон шумиловской бригады. По команде БТР и БМП один за другим ворвались через распахнутые ворота цеха, за ними просочились гранатометчики. На заводском дворе наготове стояли танки.

Глазам военных представилась необыкновенная картина. Со своих мест были сорваны токарные станки и сложенные один на другой, образовали в углу цеха баррикаду. Через мегафон прозвучало предложение сдаться, ответа на него не последовало. Тогда раздались очереди крупнокалиберных пулеметов с бронетранспортеров, которым вторили залпы автоматических пушек боевых машин пехоты. В воздухе высветились шлейфы ракет РПГ. Затем все смолкло.

Солдаты, держа наготове вновь заряженные гранатометы, перебрались через баррикаду. Надо вам сказать, добавил Иван Леонидович, что в цеху бетонный пол покоился на песчаной подушке. Так вот, в полу было вырезано идеально круглое отверстие диаметром метра полтора; железобетонная пробка была отброшена в сторону. Приникшие к отверстию солдаты увидели шевеление песка и едва слышный голос, не то стонавший, не то распевавший песню: Михаил, никем не побежденный, уходил вглубь земли...

– Послушайте, Иван Леонидович, – возмутился я, – что вы мне рассказываете?! Ведь это просто бред! Ведь в описываемое вами время я работал слесарем на заводе «Орбита» рядом с вашим заводом! Мои товарищи по работе и работники вашего завода жили в одном поселке и случись нечто подобное, все бы об этом знали и я в том числе!

– Не торопитесь, дорогой Илья Львович, не торопитесь делать заключения! Ведь я же сказал вам, что на время операции все рабочие были распущены по домам. Солдаты же, участвовавшие в деле, были из шумиловской бригады, и после выполнения задания, уехали к месту дислокации.

– А как же сорванные с места и прошитые бронебойно-зажигательными пулями, кумулятивными гранатами и снарядами токарные станки, а как же разбитые стекла? – не сдавался я.

– Да вы что, забыли, что ли, что в наступившую ночь над Горьким разразился сильнейший ураган?! Все газеты были заполнены сообщениями о порванных проводах, разбитых окнах, сорванных крышах. К тому же это событие случилось в пятницу. Всю субботу и воскресенье в цеху работала ремонтная бригада с Автозавода. Из наших были только Исаак Исаевич и я – начальник цеха и цеховой механик. В понедельник пришедшие на работу если и заметили что, то отнесли на счет урагана.

– Ну, хорошо, – нехотя согласился я, – так кто же был этот ваш Мишка? Робот, инопланетянин?

– Ха, видели бы вы этого робота в заводской столовой! Меньше чем по шесть порций не съедал!

– А знаете что, – перешел Иван Леонидович на шепот и доверительно наклонился ко мне, – не являлся ли такелажник мутантом? Мне Сергей Иванович Родин, ну, тот самый, которого Мишка в отделе кадров под потолок вознес, сообщил мне по секрету, что родился наш герой в том самом уральском городе, где в шестидесятые годы произошел выброс радиоактивных веществ. И, кстати, история эта имела неожиданное продолжение. Мне известный наш гидролог Александр Петрович К-н., имевший сад в овраге неподалеку от нашего завода сказал, что, приехав в субботу в сад, обнаружил, что в овраге вдруг забил родник из неизвестно кем выкопанной в склоне шахты. По его словам, создалось впечатление, будто из склона выполз гигантский крот. Я то знаю, что это был за крот...

Я хотел еще расспросить Ивана Леонидовича об этом необыкновенном происшествии, но раздался звук председательского колокольчика, и мы поспешили в зал заседаний.

СЛУЧАЙ НА БИОСТАНЦИИ

Кафедра экологии нашего университета раз в два года устраивает научно-практическую конференцию по экологическому образованию. А надо вам сказать, что подобные конференции ценны не столько своими докладами, сколько возможностью пообщаться с коллегами, многих из которых только на подобных конференциях и встретишь. Вот и я в кулуарах повстречал своего хорошего знакомого, старшего преподавателя пединститута Алексея Михайловича Е. Он делал доклад по положительному влиянию эмоциональной компоненты на улучшение успеваемости по

экологическим дисциплинам студентов естественно-географического факультета педагогического института и привел пример с одной из студенток, которая не только преодолела отставание в учебе, но и исправила свое поведение к лучшему.

Доклад этот, как и большинство докладов вообще, были выслушаны довольно равнодушно, ибо рабочий день подходил к концу и все мечтали лишь поскорее добраться домой, поужинать и отдохнуть. Нам, однако, было по пути и я попросил моего собеседника рассказать о случае с этой студенткой подробнее, ибо совершенно излишней казалась мне, старому педагогу, вся эта новомодная затея с «эмоциональной компонентой».

– Ты прав, – сказал мне Алексей Михайлович. – Этот доклад мне нужен только для диссертации. В действительности все было и проще и трагичнее. Так и быть, расскажу тебе все.

– Ты ведь преподавал у нас на факультете, – начал он, – и знаешь, что у нас за публика – девчонки-первокурсницы, особенно когда мы вывозим их на нашу биостанцию в Дмитриевское. Спасу с ними нет, хуже, чем школьники! Их ничем не испугаешь, даже угрозой отчисления за нарушение дисциплины. А все потому, что они прекрасно знают, что наш ректор – добряк и на шалости «милых барышень» смотрит сквозь пальцы. Вот и с этой девушкой, о которой я упоминал в своем докладе, Наташей Горошкиной, все обошлось.

– Ты бы взглянул на нее, – продолжал он. – Небольшая, ладненькая, очень скромно одетая, через плечо перекинута коса – сама невинность! Но недаром говорят, что в тихом омуте черти водятся. Так и Наташа: такое на биостанции натворила, что мы, преподаватели, собрали педагогический совет и единогласно решили немедленно удалить девушку с биостанции. Одновременно ректору были представлены документы на ее отчисление из института.

Ректор, однако, взяв в расчет юный возраст нарушительницы (ей еще не исполнилось 18 лет) и заверения родителей, что они накажут ее сами (на нашем естественно-географическом факультете каждый год происходят три-четыре случая порки первокурсниц родителями), решил ограничиться вынесением строгого выговора. И как же мы негодовали на гнилой либерализм нашего ректора, его показную доброту и т.д. и т.п.!

Но совсем недавно, через год после описываемых событий, неожиданно обнаружились обстоятельства, позволившие взглянуть на поступок Наташи с совершенно другой стороны.

Но расскажу по порядку.

В тот злополучный день, после ужина, когда из столовой биостанции выходили последние ее обитатели, мы неожиданно услышали разухабистую песню, а вскоре из-за окружающих территорию елей показался и сам певец. Это была Горошкина, пьяная вдрызг.

Начальник практики Анна Николаевна велела девочкам немедленно уложить Наташу в постель, пригрозив, что в противном случае она запрет ее в изолятор, игравший у нас роль карцера.

На следующий день перед началом занятий Наташа, зареванная, стояла перед нами, преподавателями, и только повторяла, что ни в чем не виновата.

– Как же вы говорите, что ни в чем не виноваты, когда явились пьяная?! – возмущалась Анна Николаевна.

– Да, я выпила, но я не виновата! – всхлипывая отвечала Горошкина.

Это уже было слишком, и мы дружно проголосовали за удаление с практики этой дерзкой особы.

Прошел год. Горошкина, как я уже говорил, отделалась строгим выговором и, по слухам, домашней поркой. Училась она на втором курсе намного лучше, чем на первом и вела себя тише воды, ниже травы.

– Надо тебе сказать, – продолжал старший преподаватель, – что в селе Безглядове по соседству с биостанцией у меня дача. Село это вообще дачное, публика там самая разная и, между прочим, имеет там дачу и один из следователей райотдела милиции. Я с ним как-то разговорился об охране природы. Тут как раз новый закон на этот счет подоспел, но следователь отнесся к законодательным мерам весьма скептически и заявил, что более на случай уповаешь, так сказать, на суд божий, особенно если дело касается браконьерства.

– И как часто вам приходится убеждаться, что господь карает браконьеров? – с ехидцей спросил я его.

– Часто не часто, а вот, например, прошлым годом трое браконьеров, что систематически разбойничали у нас на Ветлуге у Дмитриевского, были найдены на берегу без сознания, а рядом – бутылка из-под водки. Один умер, а двоих удалось спасти. Так они незаконную ловлю бросили, и пить тоже бросили.

– Кто же это осуществил суд божий? И чем? – спросил я у следователя.

– На последний вопрос ответ оказалось найти несложно – водка была настояна на корневище веха ядовитого, а вот кто это сделал – установить невозможно. На бутылке оказались помимо всего, пальчики молодой женщины, или девушки. Продавщица в сельском магазине подтвердила, что одну из бутылок брала девушка, вроде бы студентка с вашей биостанции.

Я похолодел от ужаса. Кажется, я начал догадываться, кто была эта девушка, но вида не подал и спросил, стараясь казаться равнодушным:

– И что же, нашли эту девушку?

– А как ее найдешь? Эдак нужно брать отпечатки пальцев у всех ваших студенток, а их чуть не сотня. Делать нам больше нечего, как только выяснять причины отравления троих алкоголиков!

Я постарался под благовидным предлогом закончить беседу и уйти восвояси.

Я знал, что Наташа Горошкина была одной из активисток дружины охраны природы. Знал я также, что темой своей учебно-исследовательской работы на биостанции она избрала изучение ядовитых растений окрестностей. Для меня было несомненным, что девушка настояла водку на ядовитой траве и подсунула бутылку с дурманом браконьерам; лодку их она давно приметила на деревенской пристани. Я был более чем уверен, что она не собиралась убивать их, а хотела только временно вывести из строя. В процессе приготовления настоя она не удержалась и хлебнула сама...

...В самом начале нового учебного года мы с Горошкиной заперлись в маленькой комнатке институтского гербария, куда я вызвал ее на беседу. Я сообщил ей о своей беседе со следователем милиции и дал слово, что никому не расскажу об этом, и Наташа сообщила мне все подробности этого дела. Все произошло совершенно так, как я и предполагал. Я еще раз поклялся, что никому ничего не скажу, но взамен потребовал от нее, чтобы она бросила эту самодеятельность.

Выдержка у Наташи оказалась отменной, во все время моей тирады лицо ее было совершенно спокойно. Лишь после моих последних слов она вдруг бурно, по-детски расплакалась. Я постарался утешить ее, вытер ей слезы платочком, приласкал...

Она также быстро успокоилась и неожиданно, со словами «Спасибо вам за все!» поцеловала меня и выбежала из комнаты.

ЛЕШИЙ

Долгое время Арзамасский пединститут, как, впрочем, все так называемые вторые пединституты, влачил самое жалкое существование. Но в последнее двадцатилетие его руководство сумело раздобыть новые источники финансирования, привлечь высококвалифицированные научные кадры, открыть новые специальности – и вот результат: прекрасно изданные учебные пособия и даже добротные монографии, профессора во главе всех кафедр и регулярно созываемые научные конференции. На одной из таких конференций я с удовольствием прослушал доклад старшего

преподавателя кафедры ботаники Александра Александровича З., рассказавшего об исследовании флоры междуречья Тешы и Серези в окрестностях озера Хохлово, что к юго-западу от нашей пустынской биостанции. Доклад этот, однако, оставил во мне двойственные чувства: с одной стороны, возглавляемая старшим преподавателем маленькая экспедиция обнаружила новые местообитания пятнадцати редких для области видов растений, и могла бы и дальше исследовать это место, благо возможности были; с другой стороны, докладчик обмолвился, что им пришлось спешно покинуть это место «ввиду некоторых обстоятельств».

В кулуарах я подошел к Александру Александровичу и осведомился у него, что же это были за непредвиденные обстоятельства.

– Простите, Илья Львович, но я не могу вам об этом рассказать.

– А что я должен сделать, чтобы вы могли мне об этом рассказать? – спросил я его с самой циничной откровенностью, всегда мне помогавшей.

– А ничего вы не сможете сделать! – с усмешкой ответил мне старший преподаватель.

Тут уж я рассердился не на шутку!

– Я должен вас понимать так, что либо я законченный негодяй и вы не хотите иметь со мной дело, либо совсем беспомощен и ничего для вас сделать не могу! Так, что ли?! – прорычал я (заметьте себе: это тоже безотказно действующий прием!).

– Ну что вы, что вы, – пошел на попятную молодой ботаник. – Я готов вам открыть секрет, но, видите ли, мои мысли сейчас приняли иной оборот. У нас в Арзамасе очень плохо с научной литературой. Появился, говорят, новый определитель под редакцией Тихомирова, очень мне нужен, а где достать? (вот ловчила! Как говорится, из молодых, да ранний!)...

Этот определитель был со мной, ибо конференция состоялась в мае и я приехал в Арзамас и погербаризировать и потому взял определитель. Ни слова не говоря, я надписал книгу и протянул ее старшему преподавателю.

Тот ошарашено посмотрел на меня, потом молча достал кошелек и протянул сотенную ассигнацию. Я взял ее, сунул в свой кошелек (стоимость книги была ровно вдвое меньше, но я и не подумал сдать сдачу, пусть знает, наглец, как вести себя в разговоре с ветеранами ботаники!) и промолвил:

– Теперь, надеюсь, вы расскажете мне, что у вас там случилось.

Мы отошли в сторону, уселись в кресла и Александр Александрович начал:

– В позапрошлом году местные толстосумы отвалили нашему пединституту миллион. Конечно, до нашего факультета, а тем более до нашей кафедры ботаники дошли

крохи, но главное что дошли, да притом персонально мне! Дело в том, что я уже давно носился с идеей организовать для студентов помимо практики на биостанции еще экспедицию. И эта моя идея даже вошла в план кафедры и факультета. А тут получил деньги и экспедицию сформировал сразу же – из единственных троих юношей второго курса, учившихся у нас на факультете.

Выехав из Арзамаса, мы уже через два дня разбивали наш лагерь на берегу озера Хохлово. Я поставил для себя малую палатку, а студенты поселились в большой. Приготовили на костре ужин. Дежурных на ночь решили не выставлять, благо место было глухое, до ближайшей деревни двенадцать километров.

Утром я проснулся от крика мальчиков:

– Александр Александрович, нас ограбили!

Я выскочил из палатки и увидел, что студенты столпились у двух больших рюкзаков, где помещались все наши продукты. Рюкзаки были раскрыты, причем шнуры, стягивающие горловины, были не развязаны и даже не обрезаны, а как будто перегрызены. Пропали буханка хлеба, круг копченой колбасы и банка тушенки. На отмели у озера отчетливо отпечатались следы огромных ступней. Были они раза в полтора больше моих и пальцы на ногах оттопыривались во все стороны. Мы столпились вокруг следов и гадали, кто мог их оставить.

К общему мнению не пришли и решили впредь на ночь разводить костер и по очереди, по два человека у костра дежурить. На всякий случай ребята срубили четыре молодых вяза, сделали из них рогатины, обожгли концы на костре, чтобы придать твердость дереву, заострили зубья ножами. Оружие, доложу вам, получилось на славу!

Весь день мы гербаризировали и только к вечеру, поужинав, позволили себе расслабиться. Миша и я заступили на дежурство первые, а Ванечка и Сергей легли спать. Мы сидели у костра, беседуя о всяких пустяках. Скоро я почувствовал, что веки мои слипаются. Миша тоже начал что-то чересчур часто тереть глаза. Я взглянул на часы: светящийся циферблат показывал половину первого. До конца смены оставалось еще полтора часа.

Чтобы разогнать сон, я принялся бродить по берегу озера, любуясь ночным небом с крупными звездами, бликами лунной дорожки на воде. Было полнолуние и озеро и обширная поляна на берегу, где мы расположились, смотрелись превосходно. Внезапно от кустов на краю поляны отделилась тень, и я остолбенел от ужаса: коренастое волосатое существо с поблескивающей в лунном свете шерстью бесшумно кралось к палатке.

Однако мгновение спустя мой испуг прошел, ко мне вернулся инстинкт исследователя и, сжимая в руке рогатину, я стал наблюдать за неведомым существом.

Косолапо переваливаясь, оно подошло к моей палатке, потом направилось к костру, около которого дремал Миша. Внезапно проснувшись, он вскочил, как подброшенный пружиной и, размахивая рогатиной, устремился к пришельцу. При этом он почему-то кричал «Ура!».

Из палатки выскочил Сергей и, схватив рогатину, тоже бросился на неведомое существо. Оно стояло совершенно спокойно, скрестив руки на груди, и это-то напугало нас еще больше. Я, Миша и Сергей с трех сторон начали медленно подступать к непрошенному гостю. Был он ростом с обычного человека, покрыт шерстью. Лицо напоминало маску – полное отсутствие мимики. Внезапно он повернулся и, издав какой-то нечленораздельный звук, скрылся в лесу.

Мы облегченно вздохнули, и тут-то я вспомнил про Ванечку. Заглянув в палатку мальчиков, я увидел его лежащим в глубине и укутавшимся с головой в куртку и одеяло. Я с облегчением вздохнул.

Уснуть в ту ночь мы так и не смогли, все сидели у костра и гадали, кто мог быть этот волосатый человек. Вспоминали нашумевшие в свое время публикации в «Комсомольской правде» о диких людях в Карелии.

Уже под утро усталость все же взяла свое, и мы проспали чуть не до полудня

Ванечка слушал нас недоверчиво, качая головой, и даже предположил, что этот феномен не что иное, как коллективная галлюцинация.

Весь световой день мы интенсивно гербаризировали, стремясь наверстать упущенное, а после ужина решили поспать, чтобы ночью в самое глухое время быть наготове. В час ночи мы проснулись, заново разожгли потухший было костер и уселись у него спинами к огню, сжимая рогаины. Прошел час, Ванечка начал подозрительно часто кивать головой, тер глаза и, наконец, смущаясь, попросил разрешения пойти в палатку поспать. Мы снисходительно согласились.

Я подбросил в костер охапку хвороста, сухие сучья ярко вспыхнули и на минуту ослепили меня, а когда я вновь обрел дар зрения, то увидел, что на поляну из-за кустов, издавая всхлипы и бормотания, робко вступил леший. На сей раз мы не бросились на него с рогатинами, а напротив, сделали приглашающие жесты. Миша даже протянул ему бутерброд с колбасой.

К нашему удивлению, леший вдруг глухо зарычал, а потом, расставив руки, пошел на нас. В два прыжка Миша подскочил к лешему и уперся рогатиной ему в горло. С другой стороны к нему подскочил Сергей и, отбросив рогатину, занес над ним топор. Я почувал, что дело может закончиться кровопролитием и рывкнул: «Стоять!». Ребята замерли, а леший, повернувшись, с радостным повизгиванием метнулся в кусты и пропал.

Оба студента вернулись к костру и долгое время мы сидели молча, не зная, что сказать и что делать...

...Неожиданно вблизи нас раздался треск сучьев. Мы вздрогнули и как по команде обернулись на звук. При свете нарождающегося утра мы увидели выбирающегося из зарослей орешника Ванечку. Боже, в каком он был виде: весь ободранный, в ссадинах! По его словам в начале схватки он испугался и убежал в лес; пробираться к нашему лагерю ему пришлось с другой стороны и он здорово ободрался о сучья.

После завтрака мы устроили нечто вроде военного совета. Миша и Сергей настаивали на том, чтобы пойти по следам чудовища и изловить его. Ванечка же, напротив, настаивал на немедленном отъезде. Я решительно поддержал его:

– Во-первых, мы не зоологи, а ботаники и у нас нет соответствующего снаряжения для поимки крупных зверей, да и транспортировать добычу до Наумовки, от которой идет асфальтированная трасса и где есть телефон, чтобы вызвать подмогу, мы не в состоянии. Во-вторых, мы больше не можем в таких условиях нормально работать. Запомните, друзья мои, приключения и опасности годятся для туристов, а не для натуралистов – профессионалов. В конце-концов, водную и прибрежно-водную флору мы обследовали полностью, болота тоже изучили. Что касается остепненного соснового бора, то не думаю, что здесь мы найдем что-либо более интересное по сравнению с таковым у турбазы «Горизонт». Как руководитель экспедиции, отвечающий за ваши жизни, приказываю: немедленно уходить!

...Через два дня по прибытии в Арзамас, меня вызвала замдекана по учебно-воспитательной работе и устроила мне скандал. Оказывается, парни рассказали обо всем родителям. Те приняли сообщение сыновей за бред больных, помчались в деканат и стали возмущаться, что это за экспедиция такая, после которой мальчикам понадобилось лечение у невропатолога. По настоянию родителей все трое юношей перевелись на факультет, готовящий учителей начальных классов.

– Это все вы! – кричала на меня замдекана. – Вы с вашей дурацкой экспедицией! Завели мальчиков черт знает куда, довели их до нервного расстройства! Из-за вас факультет лучших наших парней потерял, опору курса!..

Возражать замдекана я не посмел. Вот такая случилась с нами история, из-за которой пришлось спешно свернуть экспедицию.

– Так кто же это вас посетил? – спросил я Александра Александровича.

– Сам не знаю, – ответил тот. – Может и вправду кто-то в этих лесах одичал и шерстью оброс, а может первобытные люди откуда-то в наши мета пожаловали... А вы как думаете?

– А я думаю, что это Ванечка над вами пошутил. Привез с собой театральную маску, костюм медведя, вырезал из фанеры ступни и приклеил к тапочкам. Посудите сами, – продолжал я. – Ведь из вашего же рассказа следует, что в то время, как появлялся леший, Ванечки с вами не было. И еще: зачем лешему красть консервы? У него что, с собой был консервный нож и он мог вскрыть банку?

– Да вы что?! – задохнулся старший преподаватель. – Ванечку я знал с детства. У них в школе я кружок юных натуралистов вел. Неспособен он на такое.

Я не стал возражать старшему преподавателю, тепло попрощался с ним и пошел в гостиницу, отведенную приезжим от щедрот ректора Арзамасского пединститута.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Лет десять тому назад меня неожиданно пригласил к себе руководитель одной из экспертных экологических комиссий он же – заведующий кафедрой, близкой мне по моему научному профилю.

Когда я вошел в кабинет профессора, тот положил передо мной несколько листов компьютерной распечатки и попросил внимательно ознакомиться с текстом.

– Перед вами, – сказал он, – проект концепции экологического развития нашего региона. Составлен проект хотя и не экологами, но людьми высоко авторитетными в научных и властных кругах. В следующую пятницу в шесть вечера на заседании нашей комиссии в помещении горкомприроды состоится общественная экспертиза этого проекта. Ждем вашего заключения. Смотрите, не опаздывайте!

– Но почему именно мне нужно давать заключение?! – изумился я. – Ведь формально я – никто, а у нас в городе есть свыше десятка доцентов и два профессора экологии, в том числе один на нашем биофаке!

– Ну, видите-ли... – промямлил мой собеседник, – как бы вам сказать... Ну, в общем, по ряду причин нам не вполне удобно делать заключение. Я посоветовался со специалистами, и они все дружно указали на вас. А ваш начальник вообще заявил, что вы – очень знающий природу региона и к тому же весьма начитанный. Надеемся, что вы осознаете свою ответственность и дадите положительное заключение. От вас зависит очень многое!..

Я подивился, но ничего не сказал, забрал документы и вышел.

В пятницу, к указанному часу я подходил к уютному особняку, где и должно было состояться заседание общественной экспертной комиссии.

Небольшой зал, где за столом президиума уже сидело пять человек, а у стены налаживал аппаратуру оператор телевидения, был полон народа. Я сел, по своему обыкновению, на крайнее левое кресло в среднем ряду и стал осматривать публику. К своему удивлению я не увидел ни одного знакомого лица, хотя всех профессиональных натуралистов Нижнего знаю лично.

Меж тем из президиума пустили по рядам большой разграфленный лист бумаги, где присутствующие должны были отмечать свое ФИО и место работы. Увидев это, я пробрался в задний ряд и сел там с краю, рассчитывая, что в списке буду последним человеком, и смогу заранее познакомиться с членами этой доселе мне неведомой общественной комиссии. Расчет мой оправдался и через пять минут сосед передал мне лист, заполненный с обеих сторон.

Как я и предполагал, в этой общественной комиссии по экологии не было ни одного профессионального биолога, или географа, зато в ней значились краеведы, писатели, артисты, музыканты, художники, журналисты, бизнесмены, депутаты, председатели региональных отделений различных политических партий и даже один из руководителей СОЦПРОФа.

Меж тем председательствующий открыл заседание.

– Вашему вниманию предлагается концепция экологического развития нашего региона, разработанная под руководством нашего уважаемого кандидата в депутаты регионального совещательного органа Корнилова. Большинству из вас тексты были розданы заранее. Наверное, у вас возникли вопросы. Прошу задавать их авторам.

И он кивком головы указал на своих соседей в президиуме.

Вопросов было задано немного. Присутствующих интересовало, кто из крупных нижегородских ученых привлекался к работе над концепцией, кто финансировал эту работу и насколько предлагаемая концепция соответствует изменившейся социально-экономической ситуации.

Корнилов и его коллеги ответили, что в разработку концепции немалый вклад внесли специалист в области теории управления профессор Ноймар, крупный микробиолог профессор Добрыкина и известный борец за радиационную безопасность академик Троцкий, что работа над проектом велась в рамках фонда Фороса, а изменившейся социально-экономической ситуации соответствует вполне, поскольку ставит экологию на прочные рыночные отношения.

Председатель попросил присутствующих высказать свое мнение о концепции.

Выступило пять человек: художник Аскеази, поэт Арианов, профсоюзный деятель Смирин, бизнесмен Седин и депутат Люлов. Все они сокрушались по поводу бедственного

состояния природы, винили во всем чиновников и руководителей предприятий и сходились во мнении, что предложенный проект концепции надо принять за основу.

Сам я, видя, что в зале собрались одни дилетанты, выступать не собирался, но после безграмотно-самоуверенных декламаций последнего докладчика не выдержал и попросил слова.

– Дорогие земляки! Меня попросили как эксперта-эколога подготовить заключение по проекту. Это заключение я передаю нашему уважаемому председателю.

И я подал профессору пять листов машинописного текста, скрепленного степлером.

– Я не хочу повторять сейчас свое заключение, – продолжал я, – скажу лишь то, что проект неквалифицированный, раз в его разработке не принял участие никто из профессиональных зоологов, ботаников, географов. Некоторые тезисы, например, что природа региона гибнет, или что все зло – в источниках радиации в наших лабораториях и на предприятиях – просто смехотворны!

А что касается основного принципа, по которому платежи с предприятий-нарушителей пойдут в единый экологический фонд региона, откуда и будут черпаться средства на строительство очистных сооружений и финансирование научных исследований по экологии, то этот принцип – порочен! Из него получается, что чем больше загрязнений, тем больше средств будет в экологическом фонде, совершенно неподконтрольном тем, кто вносит туда средства. Этот фонд – просто кормушка, к которой присосутся...

Но договорить мне не дали. Послышался возмущенный гул, раздались выкрики.

Спорить с людьми некомпетентными я не собирался, пожал плечами и под направленным на меня объективом кинокамеры сошел с трибуны.

– Товарищи! Господа! Успокойтесь! – повысил голос председатель. – Мы обязаны выслушать разные мнения, пусть даже и не совсем нам приятные! Я думаю, что обсуждение на этом нужно прекратить и приступить к голосованию.

Результат голосования можно было угадать заранее.

Эпизод этот был для меня весьма неприятен, но все же это был лишь один из многочисленных эпизодов моей бурной жизни натуралиста. Признаться, я не придавал ему особого значения. Как же я ошибался!

Когда на следующий день я зашел к нам на биофак, меня тут же ухватил профессор и завел к себе в кабинет.

– Что же вы натворили!? – чуть не заорал он. – Как можно было делать подобные заявления в присутствии телевидения!? Из-за вас мы теперь не получим дотаций на научные исследования!

– Так шли бы сами, Андрей Георгиевич, на заседание этой общественной комиссии и писали бы отзыв сами! Зачем меня посылали!? – возмутился я.

Тут профессор сменил гнев на милость, умерил пыл и проворковал извиняющимся голосом:

– Дорогой мой! Я прекрасно знаю, что проект чепуховый, но ведь по нему нам всем будут перепадать денежки! Поймите, что наше достаточно высокое научное положение не дает нам возможности положительно оценить этот вздор. А у вас – ни степени, ни звания; вы что угодно можете сказать и написать! – с подкупающим цинизмом произнес профессор.

Я не стал продолжать разговор и ушел в комнату для гербария.

О том, что было дальше, я до сих пор вспоминаю с содроганием. До той поры я понятия не имел, сколько разных людей может объединиться в борьбе за кормушку и на что способны мирные научные работники, когда кто-то посягает на их материальный интерес...

Впрочем, для меня самого это существенного значения не имело. Образ жизни я, как всякий полевой натуралист веду скромный, потребности имею минимальные...

В этом, кстати сказать, и заключается причина моей «принципиальности», ставшей в тот год притчей во языцех.

Что касается общественного мнения, то я к нему достаточно равнодушен, ибо всецело погружен в науку и с людьми общаюсь мало. Кроме этого я вообще негативно отношусь к «обсуждению широкой общественностью научных проектов» и «доступности экологической информации для рядовых граждан». Я считаю, что сто дилетантов не заменят одного специалиста и что решения нужно согласовывать не с общественностью вообще, а со специалистами, предупредив их, как это делается в следственной практике, об ответственности за свои рекомендации. Что касается доступности информации для населения, то квалифицированно оценить экологическую информацию все равно смогут лишь квалифицированные специалисты. Я даже не поинтересовался, была ли эта концепция принята целиком, или частично.

Вторично с руководителем разработки этой концепции я встретился в разгар предвыборной кампании, когда почтовые ящики были завалены предвыборными плакатиками. На одном из них я узрел портрет Корнилова, а ниже перечислялись его заслуги в деле охраны природы родного края. Полиграфическое исполнение плаката было превосходным, сразу становилось ясным, что денежки в экологическом фонде водились и немалые.

А в прошлом году, когда отмечался юбилей одной из наших самодеятельных экологических организаций, и мне кое-что перепало от щедрот эконофонда: шикарная Почетная Грамота от имени Корнилова, теперь уже руководителя крупного депутатского объединения. Конечно, к Почетной Грамоте неплохо было бы прибавить и кое-что повесомее, что прибавили другим награжденным, но, как говорится, и на том спасибо!

Учитывая мой скепсис по отношению к фонду, могли и вовсе ничего не дать.

И очень даже просто!

ВОЛНА ЧИСЛЕННОСТИ

Среди нас, профессиональных натуралистов, считается не вполне этичным залезать в смежные области знаний. Так, например, я, ботаник и географ, не рискую обсуждать проблемы зоологии. Поэтому когда в августе позапрошлого года меня попросили высказаться по вопросу о массовом исходе лягушек из известного Воронцовского озера, что огибает дугой крупный завод и два поселка в заречной части города, я предпочел свести все к шутке. Тем не менее, меня в покое не оставили, и через две недели я получил приглашение на научно-практическую конференцию по животному миру города. Делать было нечего, и я побрел на конференцию, успев только почитать кое-что по экологии животных вообще и лягушек в частности.

Конференция проходила в уютном зальце на третьем этаже старого здания на Покровке, занимаемого известным экологическим учреждением.

Когда я пришел, конференция уже началась, но свободных мест было достаточно и это меня не удивило: профессиональных натуралистов в нашем городе совсем немного. Удивило меня другое: в президиуме сидели два человека, никакого отношения к экологии не имевшие, – один из комитета по финансам, а другой – специалист по связям с иностранными инвесторами.

Выступил известный в городе молодой зоолог Бакин и сразу же развернул перед присутствующими картину ужасного экологического бедствия:

– Месяц назад пост детского экологического клуба «Зеленый вымпел» сообщил, что на берегах озера Воронцовского наблюдается массовый исход лягушек. Целыми десятками они покидают озеро, устремляясь через насыпь шоссейной дороги к болотам у поселка Кировского, и гибнут под колесами автомобилей. Я сразу же поспешил на место и установил, что все это – истинная правда! Амфибии, можно сказать, в панике покидают озеро! По моей просьбе специалисты провели анализ воды и обнаружили, что в озере концентрации хрома и никеля в несколько раз превышают предельно допустимые! Вывод

совершенно ясен: расположенный рядом завод «Красный такелажник» производит массовый сброс промстоков в озеро. Завод этот и ранее отмечался, как пренебрегающий технологией водоочистки. Более того, завод этот несостоятелен не только с экологической, но и с экономической стороны! Присутствующие здесь уважаемые экономисты, – докладчик кивнул головой в сторону президиума, – могут подтвердить, что заказы заводу не дают и зарплату его работникам уже полгода не платят.

– Я, как курирующий животный мир города, – продолжал Бакин, – буду ставить вопрос о приватизации этого госпредприятия и продаже его другому собственнику, который обеспечит лучшее соблюдение экологических норм...

Сидевшие в президиуме «уважаемые экономисты» одобрительно закивали головами.

Выступило еще несколько человек. Все они сокрушались об исходе амфибий, приводили аналогичные примеры из других регионов России, я же слушал их вполуха, ибо дело касалось специальных вопросов зоологии, в которых я полный профан.

Но вот слово взял профессор Хапкин и я сразу насторожился.

– В Воронцовском озере, – вещал профессор, – гибнут не только представители животного мира, но и вся биота в целом. Вся экосистема озера – в опасности...

Тут уж я не выдержал и попросил слова:

– Зоологического обследования этого озера я не проводил, но флору его изучаю систематически; недавно я в очередной раз посетил озеро и обнаружил там такое редкое для города растение, как ежеголовник малый. Другие редкие для города растения, обнаруженные мною в прошлые годы, как то уруть, сыть и повойничек не только не исчезли, а напротив, распространяются все более. Никакого оскудения флоры озера я не зарегистрировал.

Осмелюсь утверждать, что исход лягушек может быть объяснен естественными причинами, в частности, популяционной волной численности. Вам, как зоологам это явление хорошо известно. Очень многие виды животных периодически то сильно возрастают в числе, то убывают. Вспомните шумиху, которую подняла «Комсомольская правда» несколько лет назад по поводу массовой гибели морских звезд в Белом море! Какие только предположения не высказывались – и об отравлении моря ядовитыми отходами, и о выбросе радионуклидов! И чем же закончилась эта шумная кампания? – Скромненькой замечочкой, что перед нами – банальная волна численности морских звезд. Не кажется ли вам, уважаемые, что шумиха, которую здесь раздувают – такого же сорта?

Кстати о повышенной концентрации металлов: норма их определена только для людей, да и то весьма приблизительно; какова она для лягушек – никто не знает...

...Реакцию на свое выступление я ждал какую угодно: ехидные замечания, снисходительные пояснения, резкие напоминания о моей некомпетентности, но только не гробовое молчание.

А оно наступило и длилось целых две минуты, после чего конференция как ни в чем не бывало продолжила свою работу и вынесла резолюцию, в которой Комитету по управлению госимуществом рекомендовалось «...обратить самое серьезное внимание на экологическую и экономическую дееспособность завода «Красный такелажник»...

...Время шло, и события развивались стремительно. О заводе-отравителе и бегущих от него лягушках писала уже не только местная, но и столичная пресса. В экономическом еженедельнике была опубликована статья, из которой следовало, что завод необходимо передать в надежные руки и руки эти были названы: западногерманский концерн «Эко-Шмидт», который имеет в земле Гессен – Кассель два аналогичных предприятия, славящихся своей экологией.

А весной прошлого года по телевидению сообщили, что завод приватизирован, и контрольный пакет акций продан «Эко-Шмидт». Тут же сообщалось, что экологический фонд концерна выделил крупную сумму на развитие экологической науки в Нижнем Новгороде. Впрочем, меня самого это уже касалось мало, ибо наступил полевой сезон, и я дни целые проводил на природе, будучи целиком погружен в мир растений. В тот год, кстати, я основное внимание уделил нагорной части города и к Воронцовскому озеру пришел лишь в августе.

Как я упоминал выше, нас, профессиональных натуралистов в Нижнем так мало, что на полевых поездках мы практически не встречаемся. А тут, можете себе представить, я увидел сразу пятерых моих знакомцев по конференции: двух профессоров, доцента Бакина и двух аспирантов.

– Вот, наконец-то смогли организовать экспедицию по изучению животного мира водоемов города, – торжественно провозгласил Бакин. – Наш спонсор, экологический фонд «Эко-Шмидт», еще год назад организовал для нас закупку и доставку из ФРГ уникального оборудования для изучения зоо и фито планктона, а также амфибий. И он указал на крупную прудовую лягушку, которая, зажмурив глаза, блаженно грелась на солнышке на песчаном берегу.

– Ну вот видите, я оказался прав! – сказал я Бакину. – Экологическое бедствие тут ни при чем, обычная волна численности! Лягушек то мало, то они так расплодятся, что уходят из озера на новые места! А вы еще мне обструкцию устроили...

– Да ведь мы и сами прекрасно знали, что и такой случай возможен, но ведь дорогой мой, нужно быть немного дипломатом, если хочешь добиться успехов в науке, – цинично заявил Бакин. – А самое главное – нужно следить за тенденциями в экономике!

– То есть? – в недоумении спросил я.

– То есть! – ответил он. – Ты кроме своего «Ботанического журнала» ничего не читаешь, а я, например, всю нашу прессу внимательно прорабатываю! – менторским тоном пояснил он. – Как только я увидел, что к «Красному такелажнику» подбираются, сразу понял – надо ловить момент! Заводу все равно капут, так пусть хоть науке послужит. Когда эти простачки из «Зеленого вымпела» обнаружили бегство лягушек, мы сразу с Денисом Бенциановичем, – кивнул он в сторону одного из профессоров, – смекнули в чем дело, мобилизовали прессу, общественность и столкнулись с концерном «Эко-Шмидт». В накладе, как видишь, не остались, самодовольно усмехнувшись, закончил Бакин.

– Ну и как, заботятся новые хозяева об экологии? – спросил я его.

– А как же! – не моргнув глазом, ответил доцент. – Завод ведь они закрыли, и вредных выбросов от него в озеро больше нет!

Я хотел возмутиться, напомнить о научной этике, но потом подумал, что не все натуралисты как я имеют минимальные потребности, что людям с положением в науке нужно и денег много больше чем лаборанту, да и вообще избранные по конкурсу дрожат за свои места и махнул рукой. Бог им судья!

V. В ШКОЛЕ, В УНИВЕРСИТЕТЕ, В РЕСТОРАНЕ...

На приключения мне, можно сказать, везет. Не только на полевой поездке, но и на отдыхе, в тиши лаборатории, в школьном классе и во многих других местах, далеких от природы, со мной постоянно происходят весьма любопытные случаи, часть из которых я и предоставляю вашему вниманию. Как и в прочих очерках, мною изменены имена ряда действующих лиц, а также наименования мест событий

ТАРАКАН

Хотя в университете по зоологии беспозвоночных у меня были одни пятерки, и на биостанции насекомыми я занимался добросовестно, все же к осам, тараканам, мухам и т.п. я отношусь весьма неприязненно. Я считаю даже, что ненависть к насекомым должна быть в крови у каждого млекопитающего, будь то крот, кошка, или человек!

Насекомые – наша полная противоположность. Судите сами: у нас скелет внутри, а у них – снаружи; у нас кровеносная система замкнутая, а у них – нет; мы дышим легкими, а они – трахеями, трубочки которых пронизывают поверхность тела и т.д. и т.п.

Более того: мы чувствительны к радиации, а они – нет, ибо защищены хитиновой броней. Если, боже упаси, разразится атомная война, и мы все погибнем, эти твари уцелеют, за счет мутаций увеличатся в размерах, создадут новую цивилизацию и через десяток миллионов лет какой-нибудь шестиногий прохвост напишет в учебнике зоологии, что млекопитающие – несовершенная форма жизни, по заслугам вымершая, а они, насекомые – венец творения! Проклятие им!!!

Поэтому когда мой сын-студент, подрабатывающий в ресторане охранником, как-то принес мне коробочку «Мальборо» и сказал, что там сидит пойманный им огромный таракан, я потерял не только самообладание, но и последние остатки интеллекта и буквально забился в истерике, требуя, чтобы коробочка была немедленно уничтожена вместе с содержимым.

Еле-еле сыну удалось отстоять пленника. Я согласился передать таракана специалистам при условии, что насекомое будет заключено в более надежную тюрьму, ибо картон и бумагу тараканы прогрызают.

Сын посадил таракана в баночку из-под сметаны, закупорив ее полиэтиленовой крышечкой с мелкими дырочками. Пленнику были предложены кусочек сыра и крошки хлеба, помоченные в воде. Таракан не заставил себя долго ждать и всю дорогу до университета чинно грыз сыр, шевеля усами.

Мне повезло: на кафедре я застал самого профессора. Находке тот обрадовался; таракан был посажен в морилку и тихо уснул – навсегда. Мне же профессор сказал, что это, несомненно, тропический вид, точное определение которого затруднительно.

Через неделю у меня в квартире раздался телефонный звонок, и я поднял трубку.

– Поздравляю вас! – услышал я голос профессора. – Вы нашли редкий вид таракана, водящегося в Венесуэле; очень прошу приехать на кафедру!

Я собрался и поехал. На кафедре почтенный профессор тотчас же повел меня у шкафу, где хранились насекомые отряда Прямокрылых и достал с полки коробку со стеклянной крышкой и надписью «Тропические виды тараканов». В центре ее, пригвожденный булавкой к днищу, помещался мой знакомец; под ним был маленький прямоугольничек бумажки, где были написаны по-латыни название вида и семейства, а по-русски – дата и место сбора и фамилия коллектора, т.е. моего сына.

– Илья Львович, я вас очень прошу немедленно поехать со мной в этот ресторан. Возможно, мы найдем еще несколько экземпляров этого вида, или других, не менее интересных!

Через час мы входили в уютный зал этого ресторана, размещавшегося на первом этаже старинного здания на Покровке. По сравнению с завсегдатаями этого ресторана мы выглядели весьма непрезентабельно (натуралисты всегда небрежны в одежде), а у Григория Алексеевича в руках был толстенный том «Американской фауны» и из кармана пиджака выглядывала морилка. К нам подошел величественного вида мужчина средних лет, и изящно поклонившись, отрекомендовался метрдотелем. Профессор, в свою очередь подал ему свою визитную карточку.

– Представители мира науки у нас редкие гости! Прошу занять вот этот столик, здесь самое тихое место. Позвольте, уважаемые, лично обслужить вас! Чего изволите?

И он подал карту ресторана.

– Нет, вы нас не поняли! Мы пришли сюда, так сказать, по делам научным, – начал профессор, – дело в том, что вот его сын...

Тут я перебил профессора:

– Дело в том, что неделю назад мы с сыном были у вас, и сын обратил внимание на крупного таракана, пробегавшего под столиком. Я поймал его и представил Григорию Алексеевичу. Оказалось – редчайший вид...

Лицо «метра» приняло серьезно-озабоченное выражение.

– Одну минуту, уважаемые, ввиду экстраординарности случая, я доложу нашему директору, – сказал он и удалился.

– Не вздумайте говорить, что таракана нашел здесь мой сын! Ведь он работает в этом ресторане! Узнают – уволят! – прошипел я профессору.

Не успел я это сказать, как подошел «метр» и попросил пожаловать в кабинет директора. Там за столом под большой репродукцией картины Перова «Чаепитие в Мытищах близ Москвы» сидел вальяжного вида мужчина.

– Глеб Яковлевич, оставьте, пожалуйста, нас одних! – промолвил он, а когда «метр» вышел, обратился к нам:

– Слушаю вас! Чем могу?

Георгий Алексеевич объяснил цель нашего прихода и, развернув том, показал цветной рисунок таракана, пояснив, что, так сказать, оригинал находится в музее кафедры. Коммерческий директор выслушал все это с непроницаемым лицом.

– Скажите, каковы ваши месячные оклады? – вдруг спросил он.

Мы опешили, удивленно переглянулись и назвали их.

Директор поднялся. Подошел к сейфу и стал копаться в нем, загороженный от нас массивной дверцей. Наконец он запер сейф, подошел к нам и подал два конверта.

– Что это? – чуть не в унисон спросили мы.

– Ваши гонорары.

– Какие гонорары?!

– Гонорары за проведение энтомологических исследований в нашем ресторане на предмет поимки тараканов. Впрочем, можете считать это благотворительным взносом в фонд вашей кафедры зоологии беспозвоночных.

– Я понимаю, – продолжал он, – что теперь людям науки приходится несладко. Жизнь заставляет изворачиваться, исхитряться, добывать деньги любыми путями, вплоть до посещения ресторанов с целью обнаружить антисанитарию в виде тараканов с возможным написанием доноса в СЭС. Но я на вас не в обиде. Все же это лучше, чем откровенный рэкет. Да, кстати, во сколько вы оцениваете экземпляр таракана, хранящийся в вашем музее? Мы готовы приобрести его за разумную цену.

Григорий Алексеевич побагровел:

– Послушайте, вы что же, принимаете нас за шантажистов?! Уверяем вас, мы честные люди! Мы даем вам слово, что сохраним факт поимки таракана в тайне! Мы лишь просим разрешения провести исследования в подсобных помещениях и на кухне.

И он положил конверт на стол. Я последовал его примеру.

Директор встал. Лицо его сделалось непроницаемым.

– К сожалению, уважаемые, я не могу допустить вас в святая святых нашего заведения. Технология приготовления блюд – коммерческая тайна! А я не уверен, не подкуплены ли вы конкурентами! А теперь, простите, я вынужден покинуть вас!..

Мы ретировались, что называется, не солоно хлебавши. Выйдя из ресторана, профессор громко возмущался нравами коммерсантов, везде видящих происки конкурентов и злоумышленников. А через три дня он позвонил мне и сообщил, что на музей кафедры был налет, шкаф с отрядом Прямокрылых был вскрыт и все коробки с тараканами похищены.

Следователь дело к производству принял, но вскоре прекратил, ибо отпечатков пальцев разных людей было столько, что они налегали друг на друга, и идентифицировать их было невозможно. В ответ на наши заявления, что налет был организован по заказу директора ресторана, он попросту усмехнулся и заявил, что это – вещь принципиально недоказуемая.

Несколько дней мой сын жил в тревоге: а ну как директор ресторана вызовет его и, указывая на этикетку, где в качестве коллектора указана его фамилия, выставит вон.

Но все обошлось: по-видимому, налетчики получили задание похитить и уничтожить всех тараканов, что и исполнили, выбросив этикетки и коробки.

ЭКЗАМЕН ПО МАТЕМАТИКЕ

На выпускных экзаменах по математике в качестве ассистентов, естественно, привлекают учителей математики же. Поэтому я был несказанно удивлен, когда однажды в начале июня мне домой позвонила завуч школы, где я преподавал географию, Вера Васильевна П. и попросила быть завтра на выпускных экзаменах по математике в 9 а классе в качестве ассистента.

– На вас последняя надежда! – кричала она в трубку. – Обе наши математички заболели: у одной сердечный приступ и она в больнице, а у другой высокая температура. Уж вы выручите нас!

Я осведомился, что мне нужно делать.

– Ровным счетом ничего! – заверила меня Вера Васильевна. – Вы просто будете сидеть и смотреть на детей!

Я согласился.

На завтра в приличном костюме, в белой рубашке с галстуком – ибо раз в год и пугало можно одеть поприличнее! – я отправился в школу, где работал по совместительству. Ученики, разумеется, тоже прибыли в парадной форме: мальчики – одетые как я, девочки – в белых блузках, темных юбках и белых ажурных колготках; имевшие длинные локоны заплели косы и перевязали их белыми бантами.

Стол, предназначенный для экзаменационной комиссии, утопал в цветах.

Я сел на предназначенное мне место и, пока экзаменующий учитель, она же зам директора по воспитательной работе Татьяна Юрьевна Б. писала на доске варианты экзаменационных заданий, по профессиональной привычке ботаника присмотрелся к цветам.

Среди тривиальных сиреней, нарциссов и гвоздик мое внимание сразу же привлекли четыре букета доселе мне неизвестных цветов, издававших тонкий, но в то же время весьма сильный аромат. Сам я считаюсь очень хорошим знатоком культурной флоры, но тут стал в тупик: не только вид или род растения, но даже принадлежность к семейству я определить не мог. Я наклонился к своей соседке, учительнице литературы Елене Николаевне, тоже, как и я, мобилизованной на экзамен в пожарном порядке:

– Вы не знаете, кто принес эти цветы?

– Это папа нашего Кирилла расстарался, – ответила она мне. – Достал в какой-то оранжерее за валюту.

Кирилла Ш-ова я знал хорошо. Его папа, довольно известный предприниматель, был владельцем четырех магазинов и небольшой частной школы. Сына своего, однако, в свою школу поместить не решился: учился он кое-как, да и поведением отнюдь не блистал.

И вот теперь этот Кирилл сидел передо мной на первой парте и даже здесь, на экзамене, то и дело оборачивался и делал своим одноклассникам какие-то знаки.

Меж тем волнение постепенно улеглось и наступила та торжественная и тревожная тишина, которая обыкновенно бывает в первой половине любого выпускного экзамена.

Прошло полчаса. В классе стало душновато, и председатель экзаменационной комиссии Вера Васильевна распахнула настежь форточку. Тотчас раздался возглас Кирилла:

– Вера Васильевна, закройте, пожалуйста, форточку – сквозит!

Вслед за ним как по команде раздались такие же возгласы и других учеников. Вера Васильевна пожала плечами и закрыла форточку.

Прошло еще полчаса. Аромат неведомых мне цветов достиг, казалось, самой высокой степени и сделался совершенно пронзительным. Вместе с тем ощущение духоты совершенно исчезло. Напротив, по классной комнате, казалось, проносятся освежающие волны!

Я почувствовал какую-то приятную истоми и блаженно откинулся на спинку кресла, впадая в какое-то оцепенение.

И тут Кирилл поднял руку.

К моему удивлению никто из экзаменационной комиссии на поднятие его руки никак не отреагировал!

Прошла минута, Кирилл так и тянул руку. Я хотел спросить его, в чем дело, но с ужасом обнаружил, что язык мне не повинуется!

По-видимому поняв это, Кирилл поднялся со своего места, подошел к сидевшим на задних партах нашим отличницам Анечке, Марьяне и Ларисе и о чем-то шепотом стал с ними советоваться, время от времени оглядываясь на нас, учителей. Вслед за ним еще несколько человек повскакали со своего места и также начали консультироваться у девочек. Наконец, все, кто хотел, проконсультировались и расселись по своим местам. Кирилл подошел к окну и распахнул его настежь. В классную комнату ворвался вместе с ветерком шум городской площади, куда окнами выходил класс.

Я собрался было потребовать у Кирилла ответа, но тут ко мне подошла Вера Васильевна и прошептала:

– Ради бога, молчите и ничего не делайте!

Прошел еще час и ученики один за другим начали сдавать листки с решениями. Еще через полчаса экзамен закончился и Вера Васильевна попросила нас остаться.

– У меня нет сомнения, что все это подстроил Кирилл, вернее, его папаша! Раздобыл где-то цветы, одурманившие нас всех – вот результат!

– Позвольте, Вера Васильевна! – вступился я. – Если эти цветы привели нас в оцепенение, то почему они не действовали на детей?!

– Ну, я не знаю, – нервно проговорила она. – Вы, как ботаник, наверное, сможете это выяснить. Вас же всех я попрошу: молчать! Если только в РУНО узнают про этот случай – беды не миновать! Ведь это же скандал неслыханный!..

...Схватив в охапку один из букетов цветов, я помчался к себе в Ботанический сад. Цветы увядали с неслыханной быстротой. Когда я вбежал к себе в комнату, они окончательно поблекли. Положив пять экземпляров в ботаническую сетку, я принялся исследовать остальные, но безрезультатно. Лепестки сморщились и опали, тычиночные нити и столбики скрутились и распались, листья побурели. С трудом я смог установить общую формулу цветка, да и то приблизительно.

Две недели ушло на попытку определить растение, но безрезультатно. Мои коллеги в университете, пединституте, сельхозакадемии, в совхозе «Цветы» только качали головами. Ничем не могли мне помочь и лучшие наши знатоки тропической флоры и декоративных травянистых ветераны ботаники Софья Ефимовна А. и Надежда Ивановна Н. Оставалась одна надежда – на Ботанический институт, куда собирался мой хороший знакомый Александр Игоревич Ш. Однако, когда я вынул из ботанической сетки растения, чтобы смонтировать их для передачи в БИН, они все буквально рассыпались в прах!

...Прошло три года.

Как-то раз в вестибюле университета, куда я пришел прямо с ботанической экскурсии, чтобы взять на кафедре пачку монтажных листов, я столкнулся в вестибюле с Кириллом и его папой. В руках последнего я увидел три огромных букета этих же цветов.

Мы поздоровались, и я осведомился, по какому случаю цветы.

– Через полчаса у Кирилла экзамен. Он и его четверо одноклассников поступают на экономфак, вот я и расстарался с букетами. Не знаю только, выйдет ли что, ведь аудитория там большая...

Я буквально оцепенел от подобной смеси наглости и цинизма, а отец Кирилла с подкупающей доверчивостью взял меня за руку и продолжал:

– Я думаю, вы на меня не в обиде за ту давнюю историю. Вы же сами отец двух сыновей и меня поймете: чтобы такого балбеса, как мой Кирилл до ума довести, никаких денег не хватит. Дешевле оказалось такие цветы раздобыть!..

Первой моей мыслью было бежать в аудиторию, где должен был состояться экзамен и все рассказать преподавателям, но уже через полминуты я понял нелепость своей затеи. Во-первых, где гарантия, что меня не примут за помешанного, тем более, что вид у меня был непритязательный: драная рубашка и поношенные джинсы, кроссовки, заляпанные грязью, полевая сумка и ботаническая папка. Во-вторых, на четвертый этаж, где должен был состояться экзамен, меня попросту бы не пустили.

Поэтому я попрощался с ними, пожелав Кириллу ни пуха, ни пера и побрел на кафедру...

...Через некоторое время стороной я узнал, что Кирилл блестяще провалился на вступительном экзамене и его папаша вынужден был купить ему место в престижном колледже.

А еще через полгода, перелистывая реферативный журнал, я наткнулся на сообщение о результатах исследования водных и спиртовых вытяжек из цветов некоторых растений семейства Ризоцениевых. Вытяжки эти обладали любопытным свойством: детей и подростков они возбуждали, а на взрослых людей наоборот, оказывали сильное тормозящее влияние.

К своему стыду должен вам признаться, дорогие читатели, что реферативный журнал этот вышел за три(!) года до описываемых мною событий и раздел, где было опубликовано это сообщение, я прежде просматривал очень внимательно! Правда, из-за сильной загруженности в школе я реферативные журналы просматривать бросил, ограничившись только «Ботаническим журналом». Папаша же Кирилла, будучи фармацевтом и фармакогнозом по образованию, как видно связи с наукой не терял и опередил меня, профессионала...

Недаром говорится, что петух просыпается рано, а злодей – еще раньше!

КОТ И ЛИСА

О том, что в нашем университете помимо биостанции в Пустыни есть еще не то биостанция, не то научная база в окрестностях села Богоявление Семеновского района я знал давно, но случая съездить туда все не представлялось. И только лет пять назад, когда прихотливая судьба натуралиста забросила меня на берега озера Юрьевское, этой

жемчужины семеновских лесов, я решил сходить на эту таинственную базу, благо, судя по топографической карте, до нее было неподалеку...

И вот я, свернув с оживленного шоссе Семенов – Ильино-Заборское на лесную дорогу, уперся в массивные ворота, увенчанные надписью «База ГГУ «Красная Горка».

Пройдя через ворота, я очутился на уходящей вдаль лесной прогалине, по обе стороны которой тянулся ряд уютных домиков. Я понял, что это никакая не биостанция и не база для научных исследований, а просто база отдыха сотрудников университета. Разочарованный, я хотел повернуть обратно, но тут услышал, как меня окликают.

Из распахнутого окна ближайшего домика, высунувшись наполовину, выглядывал и приветливо махал мне рукой мой хороший знакомый, доцент нашего университета Лев Иосифович.

– Заходи, гостем будешь! Жена сейчас грибков принесет, угостимся!

Я не заставил себя долго ждать и через пять минут, умытый и причесанный сидел в небольшой комнатке коттеджа за столом в ожидании угощения.

Дверь открылась и на пороге показалась молодая женщина с копной светло-рыжих волос и с востреньким носиком, похожая на лису. В руках она держала жаровню, полную жаренных в сметане грибов. При виде этого блюда Лев Иосифович потер руки, плотоядно улыбнулся, издал довольное урчание и усы его даже встали несколько дыбом. Похож он был в эту минуту на сказочного кота.

– А где же жена твоя? – спросил я Льва Иосифовича и тут только понял, что допустил промашку.

«Кот» поперхнулся грибом, закашлялся, побагровел, «Лиса», напротив, побледнела, отодвинула рюмку, и привстала с места; рыжие глаза ее злобно сверкнули. Впрочем, как люди интеллигентные, они быстро пришли в себя и где намеками, где прямо дали мне понять, что с прежней женой, Юлией Моисеевной, Лев Иосифович расстался, а эта особа с востреньким носиком и копной волос, похожая на лису, недавно защитившаяся кандидат наук Елена Семеновна и есть новая жена...

Через два месяца, в сентябре уже, я встретил их на университетском философском семинаре. Сидели они неподалеку от меня, на два ряда ниже (семинар был в аудитории-амфитеатре) и я мог наблюдать их беспрепятственно. Лев Иосифович, уже несколько пополневший, прилежно записывал что-то в блокнот, а Елена Семеновна, тоже делая записи, успевала меж тем и дотронуться лапкой до широкой длани мужа, и поправить прядку его волос, и сдуть невидимую пушинку с пиджака.

– Действительно, кот и лиса! – подумал я.

Председательствующий объявил перерыв, я встал со скамьи и направился к супругам. Встретили они меня радушно и пригласили на новоселье.

Справляли его в квартире матери Елены Семеновны, куда съехались счастливые супруги. Мать и дочь оказались настоящими мастерицами по части кулинарии. На столе возвышались традиционные блюда русской кухни: горка блинов, утка с яблоками, гусь с капустой (не было только поросенка с гречневой кашей!) и – дань мужу и мне – такое традиционное блюдо еврейской кухни, как фаршированная рыба.

Я сидел напротив счастливых «молодоженов» и с умилением наблюдал, как Елена Семеновна подкладывала Льву Иосифовичу куски пожирнее, как заботливо предупреждала, чтобы не пил он холодные лимонад и сок после гусятины и т.д. и т.п. При этом она хвалила мужа за аппетит и, победно поглядывая по сторонам, громко провозглашала, что жареное мясо – это и есть настоящая мужская еда! Сама же она в видах сохранения фигуры, налегала на рыбу и тушеные овощи...

Лев Иосифович и Елена Семеновна становились в университете людьми влиятельными, и им не составляло особого труда организовать для меня на «Красной горке» раз в сезон стол и дом на два дня.

Каюсь: приезжал я туда не как натуралист, даже гербария не собирал, а просто отъесться за год и отдохнуть в безделье и бездумье! Вечером я приходил к супругам на грибы. Грибы Елена Семеновна готовила превосходно, или туша в сметане, которую покупала в Богоявлении, или фаршируя ими рыбу, выловленную Львом Иосифовичем, или выпекая с грибами пироги (супруги взяли с собой небольшую электрическую духовку). Все это поглощалось Львом Иосифовичем в невероятных количествах, ибо по мере того, как он толстел, рос и его аппетит.

И всякий раз я наблюдал одну и ту же сцену, как Елена Семеновна подкладывала мужу куски пожирнее, а тот, блаженно жмурясь как кот и поводя усами, уписывал пирог или жаркое за обе щеки, запивая их зверобойной настойкой или травяным чаем. И Елена Семеновна, гордо вскидывала голову, отчего ее грива напоминала лисий хвост, и не уставала приводить всем приглашенным в пример своего мужа как настоящего мужчину, который и едок отменный, и добытчик, и в науке преуспевает (докторская диссертация его была уже принята к защите).

Как-то раз после такого ужина пошли мы прогуляться вдвоем по берегу Керженца и Лев Иосифович признался мне, что никогда еще не испытывал он такого блаженства и комфорта, как теперь.

– Теперь только жить да жить! – приговаривал он. – Всем меня Лена утешает, ни о чем не беспокоюсь, вот только здоровье...

– Что здоровье? – спросил я его.

– Да понимаешь, три недели назад наведалься я к терапевту, чтобы справку взять, ну, как обычно, перед отъездом на базу, а он прослушал меня, помял, посмотрел анализы и сказал, что у меня предсклеротическое состояние, да и почки...

– А ты не ешь такой пищи! – посоветовал я ему.

– Сам знаю, что вредна мне такая еда, да ничего поделать с собой не могу, уж больно вкусно Лена готовит. Да и случись что – вылечат! Связи у нее в мире медицины большие! Да и в конце-концов, – продолжал он, – в жизни живем только раз! Сын и дочь у меня от первого брака уже большие, семьи имеют, доктором я уже в следующем году буду, и кафедру мне предлагают. Ну что еще человеку нужно от жизни на шестом десятке? – Только любовь и комфорт! Так вот моя Лена мне все это доставляет! И как доставляет!..

...Через год я был у него на «Красной горке» на банкете по поводу утверждения ВАКом его докторской диссертации и присвоении ему звания профессора. Сильно располневший, лоснящийся от жира и самодовольства как раскормленный стерилизованный кот, он поедал все, что подносила ему «лиса». На фоне своего супруга она выглядела еще стройнее, чем раньше и легкая седина, пробивавшаяся через прядки рыжих волос, делала ее, сорокадвухлетнюю женщину, еще привлекательнее...

...Были тосты за новоиспеченного доктора и профессора, за его очаровательную супругу, за науку и биофак, за «Красную горку», где так хорошо живется...

...А через полгода, зайдя на факультет, я увидел портрет Льва Иосифовича, обрамленный в траурную рамку и, побывав на его кафедре, узнал, что умер Лев Иосифович на операционном столе престижной клиники, куда был помещен стараниями Елены Семеновны по поводу камней в почках.

– Сердце у него было склеротическое, не выдержало, – сказали мне.

Я поспешил в знакомый мне дом-башню. Лев Иосифович, убранный, лежал в гробу довольный, умиротворенный и почти не тронутый серой пеленой смерти. Елена Семеновна, в изящной креповой накидке, которая чрезвычайно шла ей, сидела у изголовья и время от времени смахивала слезу с пушистых ресниц...

Через девять дней я явился на поминки и застал сцену не совсем хорошую: представители кафедры убеждали вдову передать в университет научную библиотеку покойного. Елена же Семеновна в деликатных, но решительных выражениях заявила, что, поскольку похороны были связаны со значительными издержками, научная библиотека Льва Иосифовича будет продана. Покупатель, американский профессор российского происхождения, приехавший в Медицинскую академию читать лекции, уже внес задаток в размере двух тысяч долларов.

Всех пригласили за стол, над которым в траурном обрамлении висел большой фотопортрет Льва Иосифовича.

подавали его любимые блюда; приготовлены они были вдовой превосходно, но ни мне, ни другим гостям кусок не лез в горло. Уныло сидели мы, ковыряя вилками в тарелках, боясь встретиться глазами друг с другом и с портретом.

Уже через десять минут мы под благовидным предлогом один за другим начали расходиться.

– Да, – подумал я, – укорила кота лисонька, укорила...

СЛУЧАЙ В ГЕРБАРИИ

Хотя в моем распоряжении имеется большой личный гербарий, насчитывающий уже свыше семи тысяч листов, все же, время от времени я работаю в гербарии кафедры ботаники нашего биофака, считающегося центральным гербарием не только города, но и области.

Расположен этот гербарий в двух комнатах на третьем этаже биофака, откуда открывается неприглядный вид на территорию университетского городка с ободранными зданиями общежитий, вивариумом, гаражом и т.д.

Сотрудники и студенты нашей кафедры ботаники шутят даже, что именно это обстоятельство и не позволяет отвлекаться в гербарии от занятий ботаникой. В прочем, в тот декабрьский вечер мне было не до рассматривания из окна окрестностей. За день до того куратор гербария, милейший Александр Иванович Ш. позвонил мне и попросил помочь в обработке коллекций недавно скончавшегося ветерана ботаники Валентина Дмитриевича А.

Итак, я сидел за рабочим столом в гербарии, передо мной лежала толстенная пачка газет, в каждую из которых было вложено засушенное растение, и лежала полевая этикетка с датой и местом сбора. Был как раз тот самый тихий и удобный для работы час, когда занятия на дневном отделении уже закончились, а занятия на вечернем отделении еще не начались.

В тот день, помнится, работа шла у меня туго. Растения, которые собрал Валентин Дмитриевич, относились к роду Манжетка, считающемуся одним из самых сложных. Одно и то же растение я определял дважды – по определителю Маевского и по десятому тому «Флоры СССР», поэтому за три часа интенсивной работы я смог с достоверностью определить только десять экземпляров.

Гербарий во время работы никогда не запирается, поэтому я был удивлен, когда услышал громкий стук в дверь.

Удивляясь, я обернулся к двери и крикнул:

– Входите, не заперто!

Дверь отворилась, и в него вошли трое парней, остановились на пороге и начали оглядываться.

– Вам кого, молодые люди? – спросил я их.

– Здравствуйте, вы будете здесь начальник? – ответил один из них.

Я улыбнулся:

– Здесь нет ни начальников, ни подчиненных, – сказал я. – Рад оказать вам помощь.

Чем могу?

– Видите ли, нам нужен гербарий Валентина Дмитриевича А. – заявил парень. – Нам прислали из пединститута!

Я внимательно посмотрел на них и тут только заметил, что обличьем своим они ни на студентов, ни на научных сотрудников не походят: кряжистые, коротко стриженные, в дорогих кожаных куртках, с золотыми цепочками на шеях; у одного из них я заметил на руке замысловатую татуировку.

Какое то смутное подозрение шевельнулось во мне, но виду я не подал и со словами: «Сейчас я подам вам его!» я взял переносную лесенку, забрался на самый верх ее и снял со шкафа так называемый анонимный гербарий, т.е. гербарий, собранный неизвестно кем и когда. Научную ценность такой гербарий не представляет, и его используют лишь в учебных целях.

Молодые люди взяли пачку, сунули ее в сумку, поблагодарили и удалились.

Я вытер вспотевший от волнения лоб, слез с лестницы и выглянул в коридор. Он был совершенно пуст. На этаже стояла тишина и мне, помнится, подумалось даже, не привидилось ли мне все это...

От нервной встряски я, что называется, обалдел, и, потому, перевернув газетный лист и увидев вместе с высушенным растением и этикеткой зеленую бумажку с портретом благообразного старичка, не сразу догадался, что передо мной банковский билет США в сто долларов.

Машинально я взял ассигнацию, отложил ее в сторону и взял следующий газетный лист. В нем оказалась такая же стодолларовая купюра! Тут уж меня охватила настоящая «золотая лихорадка». Я стал разворачивать один газетный лист за другим, и скоро на моем столе лежала толстая пачка банкнот.

Не скрою! Первой моей мыслью было взять деньги себе и, обменяв их на российские ассигнации, купить то, о чем я давно мечтал! Но, по зрелому размышлению, я отказался от этого.

Во-первых, где гарантия, что доллары не фальшивые, или что срок их годности не истек? Во-вторых, не исключалось ограбление, или крупная кража: сумма была по моим понятиям огромная, около пятидесяти тысяч долларов! И вообще, маленьким людям, вроде меня, лучше дел с иностранной валютой не иметь!

Эти-то соображения и привели меня через час в райотдел милиции, где я рассказал, что покойный Валентин Дмитриевич прекратил свои ботанические экскурсии еще в 1986 году, и что в начале следующего года слег, и более не поднимался, и что жил он с незамужней дочерью, старшим лаборантом сельхозинститута, существом пугливым и необщительным, и, следовательно, доллары в гербарий кто-то подложил, и сделано это было после похорон, когда дочь поселила у себя племянницу с мужем, и часть мебели, в том числе тумбочка с гербарием, была на время ремонта выставлена на лестничную клетку.

Выслушав все это, капитан милиции с моими доводами согласился и предупредил меня, что трое молодцев могут опять пожаловать в гербарий и что, следовательно, я подвергаюсь большой опасности.

– Сделаем так! – сказал капитан. – Гербарий ваш завтра же с раннего утра опечатает пожарная охрана. Вас же я попрошу немедленно вернуться в университет и наклеить на дверь гербарной комнаты записку, что второй гербарий Валентина Дмитриевича находится на обработке. Внизу напишите для справок вот этот телефон.

И он подал мне листок бумаги с шестью цифрами.

– А вас я прошу об этом никому не говорить и никакой самодеятельности не предпринимать! Лучше всего вам скрыться на время из города. Вы можете сделать это сами, или вам помочь?

Я уверил капитана, что скрыться я смогу сам и даже мне уведомлять начальство Ботанического сада не нужно: поскольку я, в отличие от прочих сотрудников, ничего не выращиваю, то числюсь отщепенцем, и на меня махнули рукой, предоставив делать то, что заблагорассудится. Поэтому завтра же я уеду на три дня на дачу к младшему сыну, жене же скажу, что уезжаю на Вахтан к ее родственнице.

И я продиктовал капитану адрес.

– Очень хорошо! – просиял он. – Устроим ловушку в двух местах сразу! Итак, повторяю: никакой самодеятельности и ждите моей телеграммы! Вернуться в Горький сможете только по ее получении!

...Через три дня меня отыскал на даче сельский участковый и вручил телеграмму. Содержание ее было благоприятным, и я спокойно вернулся домой. А через четыре месяца, развернув одну из городских газет, я наткнулся на судебный очерк, который и расставил все по своим местам.

...Года три до описываемых событий с телевизионных экранов, с рекламных полос газет не сходила информация о строительном банке «Народная стройка». Банк этот был подан рекламой как панацея от жилищного кризиса, в котором оказались малообеспеченные семьи, живущие в ветхом фонде. Предлагалось купить акции этого банка (минимальная стоимость была всего десять тысяч рублей), которые затем каждый год разыгрывались в лотерею. Выигрыш – двухкомнатная квартира. «Каждый год за десять тысяч пять квартир!» – утверждала реклама.

Банк обещал, что те акционеры, кому не повезет в лотерею, через пять лет получат такие же двухкомнатные квартиры с выплатой в рассрочку на двадцать пять лет.

Прошел год. Пять человек из числа акционеров действительно получили квартиры, и торжественная церемония вручения им ордеров в офисе банка была показана по телевидению. Это вызвало огромный наплыв новых акционеров.

А еще через год банк – исчез! То есть акционеры, придя к зданию, где размещался офис банка, обнаружили, что комнаты заперты! Подняли тревогу, вызвали милицию и обнаружили, что они совершенно пусты! Исчезли сотрудники, дорогая оргтехника, кассовая наличность и абсолютно все документы! Оказалось, что учредители дали тягу, превратив перед этим все рубли в доллары и продав всю оргтехнику. Доллары они решили спрятать у родителей одного из учредителей.

Те, поначалу, соблазненные солидной премией, согласились, а затем, когда до них дошло сообщение о крахе банка и всероссийском розыске учредителей, в том числе и их собственного сына, запаниковали. На счастье, умер сосед по лестничной клетке, тот самый Валентин Дмитриевич и они спрятали доллары в гербарий, находившийся в выставленной на лестничную площадку тумбочке. За гербарием этим они установили негласный надзор...

Прошел год, и к родителям явились доверенные лица от их сына с запиской от него, что с ним все в порядке, он живет в одной из соседних стран и просит отдать доллары минус премию посланцу. Родители объяснили, где находятся доллары и вот трое молодцев явились ко мне в гербарий. Не найдя там валюты, они явились на следующий день и обнаружили гербарий запертым. На их «счастье» висело объявление, где указывался телефон. Один из них позвонил по этому телефону и от собеседницы, чей голосок так приятно ласкал ухо, узнал, что за гербарием можно приехать немедленно. Тут их взяло

сомнение. Один поехал по указанному адресу, а двое других позвонили ко мне домой, и жена сообщила, где я нахожусь, и дала адрес. Все трое визитеров по прибытии по указанным адресам были схвачены, оказались в камере предварительного заключения, и, вскорости, начали давать показания...

...Итак, все произошло, как нельзя лучше! Порок был наказан, а добродетель восторжествовала. Деньги акционерам вернули (в пропорции один к пятидесяти) а я получил премию за сданную валюту. На эту премию я купил армейские ботинки, компас и атлас топографических карт области. Ну что еще нужно бедному натуралисту?..

ВИВАРИЙ

В нашем городе при всех научно-исследовательских институтах медицинского профиля и кафедрах физиологии животных вузов есть виварии. В благословенные времена «застоя» держали там кошек и собак, кроликов, белых мышей и крыс, лягушек, а теперь остались там только три последних вида – денег на содержание нет!

Вот и Владимир Никанорович Р., мой однокурсник, профессор и заведующий кафедрой физиологии животных, все время жаловался на бедность вивария.

– Ну, животных мы кое-как прокормим, – рассуждал он, – и сотрудники, и студенты каждый день приносят то корки хлеба, то капустные кочерыжки, то еще что, а где лаборанта взять?

– Но у вас, кажется, доплачивают двадцать процентов за вредность? – спросил я его.

– О, господи! Да кто же ради зарплаты придет сюда работать!? Сюда идут либо энтузиасты-подвижники, либо ловкачи, чтобы поживиться кормом – а ведь у нас даже мясо и отруби выписывали! Опять же, можно было кролика сактировать, получить плату за пойманную кошку и собаку... А теперь кормов не выписывают, деньги за поимку животных не выделяют...

Я попытался утешить профессора, но он только махнул рукой и побрел к себе на кафедру.

Но в прошлом году, когда мы, выпускники, собрались на тридцатилетний юбилей окончания университета, Владимир на удивление выглядел бодро и оптимистически.

– Ну, теперь все в порядке! Нашли-таки толкового и искренне любящего животных лаборанта в виварий!

Завтра приходи туда часам к одиннадцати, у меня как раз лекция кончается.

Назавтра, в указанное время я подходил к флигелю белого кирпича во дворе факультета. В прежние времена оттуда уже за полсотни шагов шибало в нос

специфическим запахом зверей, теперь же, даже подойдя вплотную, я не смог бы определить, что это за учреждение, если бы не табличка рядом с дверью.

Войдя внутрь, я поразился переменам. Все было не только чисто выметено, но и вымыто, через надраенные окошки врвался солнечный свет, прежде редкий гость в виварии. Даже мыши и крысы, казалось, повеселели и с энтузиазмом грызли березовые прутики, подтачивая зубы.

Тут же в уголке, за письменным столом, сидела новая сотрудница, полноватая средних лет женщина с темно-каштановой шевелюрой и читала журнал «Домашнее звероводство». Над столом красовалась вырезанная из этого же журнала цветная фотография: кот, пес и кролик подают друг другу лапы.

– Вот, знакомьтесь, – сказал мне профессор, – наш добрый гений Елена Викторовна Медуницына. Ранее в школе-интернате учителем биологии работала, потом разными питомниками и благоустройством заведовала, а теперь к нам перешла. Настоящий энтузиаст своего дела!

– Ну, Владимир Никанорович, вы явно преувеличиваете! Просто я очень люблю животных, вот и все! Я сюда из дома даже своих хомячков перевезла, чтобы мне без них не скучно было!

И она указала на большой аквариум, на дне которого среди кусочков бумаги и прутиков копошилась пара сирийских хомячков редкой тигровой окраски.

Разговор профессора и лаборанта принял специальный характер, и я поспешил откланяться, пожелав им успехов в содержании вивария. По пути домой я все вспоминал, где я мог видеть эту Медуницыну и вспомнил: весной этого года на Канавинском рынке, где она продавала своих редкостных хомячков!..

...Прошел год. Возвращаясь с ботанической экскурсии с окских берегов, я заглянул в виварий. Подойдя к дверям, я чуть не нос к носу столкнулся с парнем в синем халате, выносящем мусорное ведро. Войдя внутрь, я обнаружил перемены. На просторных стеллажах, где когда-то стояли клетки для собак и кошек, в мое первое посещение пустовавшие, теперь расположились клетки с морскими свинками и хомячками. Сама Елена Викторовна сидела за столом и считала на большом бухгалтерском калькуляторе «Ситизен».

– Вот, потихоньку разворачиваю свое хозяйство, – пояснила она мне. – С разрешения Владимира Никаноровича развожу морских свинок и хомячков. Часть отдаю на кафедру, а часть продаю на Канавинском рынке и через зоомагазины по сходной цене. Вот студента подрядила за плату помогать. Собираюсь в скором времени нутрий разводить. Садово-огородный участок у меня рядом, через проспект, так что кормами обеспечена. Опять-таки

навоз из-под зверей себе отношу, в компостную кучу, а потом в свою тепличку – я цветы на продажу выращиваю.

– А почему же не кроликов? – спросил я

– Кролики очень нежны и капризны, подвержены инфекциям, а нутрии неприхотливы. Планирую на основе вивария организовать малое предприятие по выращиванию и сбыту декоративных животных. Хотите войти в долю? Обещаю пятьдесят процентов прибыли ежемесячно на вложенную сумму.

– Господь с вами, Елена Викторовна! Откуда у меня, скромного лаборанта Ботанического сада лишние деньги? – ответил я.

– Жаль, жаль! А вот Владимир Никанорович и еще два профессора: Антон Петрович Е. и Алексей Герасимович Х. вложили крупные суммы, и теперь будут получать дивиденды, – сказала предприимчивая лаборантка.

...А совсем недавно, зайдя на факультет, чтобы уточнить в гербарии некоторые экземпляры собранных мной растений, я встретил Владимира, еще более бодро и оптимистически настроенного.

– Ну, как ваша фирма – виварий? – спросил я его.

– Фирма веников не вяжет! – бодро ответил мне профессор. Елена – настоящий клад! И кафедре поставляет животных, и нас, акционеров, подкармливает, и студентам дает подзаработать, и себя не забывает. Правда, у нас она теперь не числится. Как свою фирму организовала, и виварий взяла в аренду, там одни студенты крутятся. Только вот... – и профессор внезапно помрачнел.

– Что «только»? – спросил я его.

– Да понимаешь, она, когда договор на аренду помещения составляла, метраж арендуемой площади указала. Я, когда подписывал, особо над цифрами не раздумывал, а теперь всмотрелся и ахнул – там в аккурат вся площадь вивария указана, метр в метр!

– Ну, так и что же? – спросил я в недоумении. – Что ты беспокоишься? Ведь согласно договору, вам обязаны поставлять лабораторных животных.

– Да понимаешь, обязаны то обязаны, да ведь число их в договоре не указано, только ассортимент! Фирма эта, может раз в год выдавать нам по мышке, крысе и лягушке, а мы и претензий предъявить не сможем! Эх, дал я маху...

– Конечно, через год можно договор перезаключить, указать там точное количество животных, которые они нам обязаны ежегодно предоставлять, – продолжал профессор, да только боюсь, Медуница хлопнет дверью и уйдет вместе со всеми своими зверями. Она теперь в своем садоводческом товариществе пустующий участок приобрела и строит там оранжерею и рядом помещение для зверей. Не очень-то мы ей теперь и нужны.

– Да и не скрою, дивиденды нам выплачиваются исправно, – продолжал профессор. – Недавно Елена выгодно партию цветов и нутрий продала, так мне сразу два моих профессорских оклада перепало! Это ты у нас бессребренник такой, кроме камуфляжа и солдатских ботинок тебе ничего не нужно, а я ведь на научные конференции езжу, статьи в дорогостоящие сборники даю...

...Я слушал своего однокурсника, а в памяти моей всплывали строчки из одного рассказа позапрошлого века, герой которого страстно желал устроиться в царский дворец на какую-нибудь должность, пусть самую ничтожную, низко оплачиваемую, хоть смотрителем при канарейке.

– При этой маленькой птичке, – говорил он, – и я, и моя семья отлично прокормимся!

Когда я впервые прочитал этот рассказ, герой его казался мне гением плутовства, а теперь я вижу, что Медуницына любого канареечника николаевских времен за пояс заткнет!

И все по закону! И все по закону!

VI. ЗАГАДКИ ПРОШЛОГО

Занимаясь в течение свыше тридцати лет историей Нижегородского края, я накопил в своем архиве немало загадочных, а подчас просто криминальных историй, связанных с природопользованием и экологией. Отчасти разгадка этих историй – заслуга моих коллег-краеведов, отчасти – результат моих экскурсий, касательно некоторых из них можно даже и теперь высказать лишь более-менее вероятные предположения. Судить об их обоснованности предоставляю читателю.

ДЕЛО КУПЦА МАСЛОВА

История эта началась в октябре 1855 г. Крестьянин села Богоявление Семеновского уезда Викул Прохоров ехал на телеге в уездный город, как сказано в полицейском документе, «...имея намерение заняться в сем городе извозом, и был остановлен у буерака, что прозывается Волчьей Шохрой, неизвестными людьми, кои понудили его взять лежащее в сем буераке мертвое тело, погрузить оное на телегу и везть в город, где сдать в полицию». Злоумышленники сообщили Прохорову, что «...имеют сведения о месте жительства семейства последнего и что члены оногo семейства ответят головами за неисполнение им, Прохоровым, сего поручения».

Перепуганный мужик не осмелился послушаться злодеев и сдал мертвое тело в уездную полицию. Полиция, естественно, ему не поверила, и Викула посадили в

холодную, где целую неделю допрашивали под розгами. В то же время в полицию явилась жена купца Маслова и попросила помочь в розыске мужа, который неделю назад исчез. По ее словам, муж, третьей гильдии купец Егор Тимофеев Маслов, арендовал казенную лесную дачу, где собирался вырубить лес на продажу. Он уплатил попенные, гербовый сбор и, взяв значительную сумму денег, выехал из Семенова в дальнюю деревню, где собирался нанять мужиков для рубки леса. Когда купчихе предъявили для опознания мертвое тело, привезенное Прохоровым, она опознала своего мужа.

Но на очной ставке с Викулом Прохоровым купчиха заявила, что видит его впервые. Это несколько смягчило отношение к мужику полицейского следователя, тем более, что денег при нем найдено не было. В освобождении Прохорова из-под стражи сыграло роль и категорическое требование управляющего удельной конторой (Прохоров был удельным крестьянином, т.е. крепостным царской фамилии) немедленно отпустить Викула по отсутствию прямых улик.

Тогда полицейский чиновник стал выяснять, кому была выгодна смерть Маслова, и обнаружил, что на торгах по аренде леса у него был конкурент – купец Сабровин, после объявления о смерти Маслова подозрительно быстро выправивший все бумаги. В доме Сабровина был сделан обыск, и за киотом действительно обнаружили документы покойного Маслова и пук кредиток! Напрасно Сабровин клялся и божился, что Маслова он не убивал, а бумаги ему подложили. Вина купца была очевидна, и его приговорили к кнуту и ссылке в Сибирь.

Право на аренду перешло к купчихе Масловой, и она энергично взялась за дело. К апрелю следующего, 1856 года мачтовые сосны были срублены, очищены от сучьев и подвезены к Керженцу. Искусные плотогоны под руководством приказчика Масловой провели плоты аж до Астрахани, где и продали их с большой выгодой. Через год после описываемых событий Маслова переехала в Нижний, где сделалась владелицей парохода; в ее семеновском доме остался жить сын. Родину она не забывала, ежегодно жертвуя крупные суммы кафедральному собору на помин души ее мужа...

... Так бы эта история и осталась неким курьезом прошлых времен, если бы не наша эпоха, возродившая купечество со всеми его характерными атрибутами. А в мае нынешнего года я совершенно случайно оказался причастен к делу, которое явилось прямым продолжением той давней истории и позволило взглянуть на нее с совершенно иной стороны...

На последних краеведческих чтениях оказался я сидящим рядом с молодым человеком, судя по внешнему виду, принадлежащим к провинциальной интеллигенции: институтский значок на лацкане пиджака, галстук на резинке, старомодный костюм.

Действительно, мой сосед оказался учителем истории семеновской средней школы, а приехал он на краеведческие чтения с одной целью: познакомиться с работниками архива и выяснить у них, нельзя ли получить копии документов, неоспоримо свидетельствующие о праве его на кирпичный особняк прапрадеда, купца третьей гильдии. Теперь в этом особняке располагается детский сад и он, мой собеседник, хотел бы получить на особняк права собственности по новому закону.

– Понимаете, живу я в двухкомнатной квартире, а через дорогу стоит фактически мой дом! – плакался мне учитель. – А я бы в одной половине жил, а другую бы сдавал в аренду!..

Я внутренне подивился на моего собеседника, считающего себя интеллигентом и педагогом и хладнокровно рассуждавшего о способах вытурить на улицу детский сад. Но еще больше изумился я, узнав, что фамилия учителя – Сабровин и что он прямой потомок того самого купца Сабровина, о котором и шла речь в начале моего повествования.

– Я не верю, что мой предок был убийцей! – сказал учитель. – Отбыв срок каторжных работ и выйдя на поселение, он в Сибири занялся лесоразработками, первый организовал посадки кедров, учредил лесной заказник. К тому же он был известным благотворителем, жертвовавшим крупные суммы Восточно-Сибирскому отделу Императорского Русского Географического общества, избравшего его своим членом-соревнователем.

– А между тем, – продолжал мой собеседник, – репутация прапрадеда как убийцы конкурента и мешает мне заявить права на особняк. Я просто боюсь декларировать свою связь с ним, тем более что потомки купца Маслова живут со мной по соседству. Знаете, в таком маленьком городке, как Семенов, все знают всё друг о друге...

...В августе, возвращаясь с университетской базы отдыха «Красная горка», я почувствовал себя плохо и был вынужден сойти с электрички в Семенове. К счастью, в привокзальном буфете оказался крепкий горячий чай, а в хлебном ларьке – свежие сухари. Выпив три стакана чая с сухариками, я почувствовал себя много бодрее и, поскольку до прихода следующей электрички оставалось два часа, решил зайти к учителю Сабровину, тем более что его дом был как раз на вокзальной площади.

– Слава богу, слава богу! Справедливость восторжествовала! Честное имя предка восстановлено! – как заклинание повторял он, усаживая меня за круглый стол, весь усеянный ксерокопиями документов из Государственного архива Нижегородской области.

Чем больше я углублялся в чтение документов, тем более дивился хитрости и вероломству этих, казалось бы, степенных, богобоязненных представителей нижегородского торгового капитала...

...Через десять лет после печальных событий, приведших к смерти одного купца, и ссылке в Сибирь другого, младший священник Благовещенского собора отец Геннадий донес архиерею, что один из его прихожан, бывший приказчик купчихи Масловой, ставший владельцем постоялого двора Степан Луков, сообщил в предсмертной исповеди, что по приказу своей хозяйки организовал убийство ее супруга, а затем, подкупив прислугу Сабровина, подсунул ему документы и деньги покойного. Избавившись от мужа, Маслова приобрела сразу три выгоды: стала безраздельно распоряжаться имуществом, уничтожила конкурента и обзавелась надежным любовником – Степаном Луковым.

Отец Геннадий предлагал довести эти сведения до светских властей с тем, чтобы обвиненный в убийстве Сабровин был возвращен с каторги, а купчиха Маслова понесла бы заслуженное наказание. На доношении отца Геннадия рукою архиерея была начертана резолюция: «Отец настоятель! Напомни сему дураку, что строительство теплого пристроя и ремонт кровли храма были произведены иждивением благоверной вдовы Олимпиады Петровны Масловой! Сабровин же, яко склонный к расколу с молодых лет, не может рассчитывать на попечение истинной церкви!»

– Как видите, мой предок реабилитирован полностью! Теперь я могу со спокойной душой начать процесс о возвращении мне особняка! Как я вам говорил при первой нашей встрече, часть дома сдам в аренду.

– И кому же, если не секрет?

– Секрета тут никакого нет. У нас в Семенове организуется акционерное общество по изготовлению экологически чистой посуды. Арендуем осинник неподалеку от города, будем из дерева точить чашки, ложки и покрывать натуральной олифой и красками из растений наших лесов. Одно плохо: в вашем Горьком конкурент имеется, тоже на этот осинник нацелился.

– А вы, Иван Семенович, по примеру этой купчихи Масловой конкурента-то уберите! – шутливо посоветовал я учителю.

– Помилуйте, зачем я буду на себя уголовщину брать! – рассмеялся мой собеседник.
– Теперь есть иные, вполне легальные способы избавиться от конкурентов.

Сейчас по нашей просьбе две студентки – выпускницы моей школы сидят в архиве и собирают материалы на горьковчан. Оказывается, у троих деда проводили раскулачивание в нашем уезде, а у четвертого отец, землеустроитель в областном управлении сельского хозяйства, завизировал своей подписью документ об уничтожении болота с редкой растительностью. Дадим по ним залп в областной и местной печати – никто с ними дела иметь не захочет!

Я выразил свое восхищение предприимчивостью этого потомка семеновского купца и, выйдя из гостеприимного дома, поспешил на вокзал.

ДОРОГА НИКУДА

Пятнадцать лет тому назад деловые круги Нижнего были потрясены внезапным исчезновением предпринимателя, осуществлявшего крупные спекуляции в области продовольственных закупок, Оскара Михайловича З. На поиски его машины, «Вольво» черного цвета, где находился он сам, его секретарь-референт, кандидат экономических наук Галий Афанасьевич К. и шофер, он же телохранитель, были брошены силы не только милиции, но и ФСБ, ибо предприниматель был тесно связан с зарубежными партнерами.

Торгово-промышленная палата выделила 10000 долларов в награду тому, кто обнаружит бизнесмена живым, или мертвым.

Но все попытки отыскать предпринимателя и его спутников, или хоть обнаружить их мертвые тела, не увенчались успехом. Через два года поиски были прекращены и лишь в местной прессе время от времени появлялись версии этого загадочного происшествия. Со временем прекратились и газетные публикации. Дело это было отнесено к разряду безнадежных.

Однако летом прошлого года на ботанико-географической экскурсии в окрестностях деревни Найденово Богородского района я неожиданно наткнулся на следы весьма оригинальной лесохозяйственной деятельности, и это дает мне смелость вполне обоснованно, как мне кажется, выдвинуть свою версию произошедшего.

Но сначала обратимся к опубликованным в газетах фактам.

28 мая 1993 года Оскар Михайлович был приглашен в числе прочих бизнесменов на загородную дачу своего коллеги Лазаря Исааковича Э., где в узком кругу деловых людей, занимающихся продовольственными спекуляциями, должен был произойти раздел сфер деятельности. К тому времени конкуренция между ними стала уже опасной, ибо не только усложняла финансовое положение их, но грозила вообще выйти за рамки цивилизованных форм.

Дача Лазаря Исааковича находилась в окрестностях деревни Найденово, в лесу, недалеко от шоссе. Это была бывшая загородная дача оборонного предприятия, находившегося в тяжелом финансовом положении и спешно распродававшего все, что можно. Дача эта представляла собой двухэтажный кирпичный дом с хозяйственными постройками и была обнесена забором, захватывающим и изрядный кусок леса. От шоссе туда вела накатанная грунтовая дорога, обсаженная березками.

Никто из партнеров Лазаря Исааковича ранее на этой даче не бывал, тем не менее, получив подробное описание маршрута и встреченные на шоссе сотрудниками службы безопасности фирмы-хозяина, все бизнесмены и сопровождавшие их лица благополучно добрались, несмотря на сгушавшуюся темноту.

Была пятница, конец рабочей недели, дел было невпроворот, и поэтому все условились прибыть к десяти часам вечера. На следующий день помимо деловых переговоров, планировался отдых, в том числе и рыбалка на находящихся поблизости карстовых озерах.

Итак, все бизнесмены съехались один за другим, не было только Оскара Михайловича. Через пятнадцать минут Лазарь Исаакович позвонил в офис опаздывающего бизнесмена и дежурный ответил, что в 21.00 Оскар Михайлович и сопровождавшие его лица выехали из Нижнего на «известное собрание». Прошло еще полчаса, Оскар Михайлович не появлялся.

Обеспокоенный хозяин послал своего помощника, ведавшего службой безопасности на трассу. В пяти километрах ближе к Нижнему Новгороду находился пост ГАИ и дежуривший там старший лейтенант подтвердил, что действительно, примерно в половине десятого мимо поста в сторону, противоположную Нижнему медленно проехал «Вольво» цвета «антрацит». Помощник развернулся и погнал машину в обратную сторону. Там, неподалеку от Ворсмы тоже был пост ГАИ. Но дежурившие там, черного «Вольво» не видели.

Обменявшись мнениями, участники совещания решили отложить его на неделю. Весь следующий день они чудесно провели время, купаясь и рыбача, и к вечеру стали разъезжаться.

В воскресенье днем Лазарю Исааковичу позвонила жена Оскара Михайловича и осведомилась, как ее муж проводит на даче время. Удивленный хозяин ответил, что супруг собеседницы и не приезжал...

Состоялся интенсивный обмен предположениями, в том числе и достаточно мрачного характера и было решено объединить усилия служб безопасности обеих фирм и разыскать пропавшего бизнесмена. Все воскресенье шла интенсивная розыскная работа, не приведшая, впрочем, ни к каким результатам: машина с тремя людьми как в воду канула. О пропаже было заявлено в милицию, потом делом занялась ФСБ.

Следователи преуспели не больше: было лишь установлено, что ни в каких близлежащих селениях «Вольво» и три его пассажира не появлялись, а на самой даче Леонида Исааковича никаких их следов тоже не было найдено.

В лес с трассы на отрезке между двумя постами ГАИ (а лес тянулся лишь по одну сторону шоссе) вело две дороги: одна к даче Лазаря Исааковича, а другая – заброшенная, неезженная и вся заваленная сухостоем и березами от проведенных недавно рубок ухода. Проехать по ней было никак нельзя.

Заподозрили было, что Оскар Михайлович попросту скрылся, прихватив деньги, но финансовая проверка отвергла эту версию. На деле пришлось поставить крест.

Но, как я упоминал выше, будучи на экскурсии в окрестностях Теряева поблизости от бывшей детской дачи, а теперь виллы Лазаря Исааковича, я наткнулся на старые, но довольно отчетливые следы трагедии и могу, как мне кажется, вполне обосновано сделать свое заключение; впрочем, судить об этом я предлагаю читателям...

...Возникновение экспортно-импортной продовольственной компании, возглавляемой Оскаром Михайловичем, прошло поначалу незамеченным: подобные компании появлялись в те времена как поганые грибы после дождя. Но вскоре о фирме Оскара Михайловича заговорили, как об организации ответственной, идущей даже на убытки, чтобы выполнить данное ранее обещание. Это привлекло внимание к фирме местных властей, заключивших с ней договор на поставку продовольствия, а потом еще один и еще, все более крупными партиями. Фирма провела поставки качественно и в срок, причем по своей инициативе снизив цену. Вскоре она стала основным поставщиком по социальным программам.

Успех Оскара Михайловича вызвал тихую ненависть конкурентов, и те решили всеми способами вредить счастливицу. В ход пошли двусмысленные статьи в экономических газетах, сплетни; была даже попытка расстроить одну из сделок, послав телеграмму о разрыве контракта за подписью Оскара Михайловича.

Глава фирмы, потомок прибалтийского купца, издавна ведший дело с нижегородцами, был по-немецки честен и пунктуален, а по-русски наивен и простодушен. Решив – что все это не более как досадное недоразумение между «братьями по классу», которое должно быть улажено так, как это принято на исторической родине Оскара Михайловича, он принялся хлопотать о созыве совещания своих коллег.

Те положительно восприняли эту идею, но Лазарь Исаакович решил идти дальше и совсем избавиться от конкурента. Но как это сделать? Подослать наемных убийц – дело опасное и ненадежное; сговориться, и ударить по Оскару Михайловичу демпингом – самим может выйти дороже; распускать и далее порочащие конкурента слухи – можно угодить под суд за клевету.

Делу помог случай: помощник Лазаря Исааковича по безопасности, изучая ближние окрестности виллы, обнаружил в лесу и даже на заброшенной лесной дороге неподалеку

свежие карстовые провалы. Под почвой здесь залегают легко размываемые породы: гипсы, доломиты, известняки, образовались подземные пустоты, а на поверхности – проседания почвы. На упомянутой заброшенной лесной дороге блюдцеобразная котловина медленно оседала чуть не на глазах день за днем. Когда Лазарь Исаакович узнал об этом, у него созрел дьявольский план: заманить конкурента на лесную дорогу и сбросить в карстовую воронку.

Практическое выполнение операции было возложено на помощника по безопасности и четырех охранников. В их умении молчать Лазарь Исаакович не сомневался: помощник по безопасности, бывший офицер КГБ знал, что у хозяина есть документик о связях его с иностранными спецслужбами, а охранники жили под чужими документами и были объявлены во всероссийском розыске за разбой.

Дорога была расчищена вплоть до карстового блюдца, по обеим сторонам выкопаны ямки и в них воткнуты березки. Въезд на дорогу со стороны шоссе был до поры до времени завален сухостоем.

...О том, что совещание назначено на пятницу, участникам было сообщено за три дня; единственное, чего они не знали – где оно будет. Сделано это было якобы из соображений безопасности и чтобы скрыть сам факт совещания от вездесущих журналистов. О том, что совещание должно состояться на загородной вилле Лазаря Исааковича, участники узнали только утром, в пятницу. Маршрут им был указан приблизительный – по Павловскому шоссе между двумя постами ГАИ, один из которых, дальний, расположен у въезда в Ворсму. На обочине шоссе в нужном месте был выставлен пост охраны фирмы с ее штандартом: на зеленом поле пшеничный каравай и бутылка водки, увенчанная изображением Дмитровской башни Нижегородского кремля. Но никто кроме Лазаря Исааковича не знал, что в том месте, где от шоссе отходит в лес заброшенная грунтовая дорога, в кустах прячется еще один охранник фирмы, вооруженный мощным биноклем.

Как только вдали показался черный «Вольво» и охранник узрел на машине сообщенный ему номер, он вышел из-за кустов на шоссе, держа в руке штандарт фирмы, и, улыбаясь, показал рукой в сторону дороги, обсаженной березками.

– Господа, милости просим! Шеф ждет вас! – торжественно провозгласил он.

– Кроме нас кто-нибудь еще проехал? – спросил Оскар Михайлович, открыв дверцу автомашины.

– Конечно! Две машины проехали, вот и ваша, ждем еще троих! – не моргнув глазом, ответил статный молодец.

– А далеко ехать? – спросил шофер, он же телохранитель, подозрительно вглядываясь в темнеющий уже вечерний лес.

– С километр, – ответил встречающий. – Да вы не бойтесь, дорога хотя и не асфальтированная, но накатанная и сухая, и к тому же прямая как стрела. Так что жми на газ!

...О том, что было дальше, можно только гадать. Вероятнее всего, шофер на полном ходу въехал в карстовую воронку, и это вызвало мгновенный обвал, так что все трое, не успев ничего понять, оказались погребены под многометровым слоем грунта.

А может быть, шофер успел заметить опасность и затормозил перед блюдцем, может быть он и его спутники выскочили из машины, но раздались негромкие хлопки пистолетов с глушителями и машину и мертвые тела сбросили в воронку...

...Убедившись, что Оскар Михайлович и его спутники погребены на дне провала, помощник Лазаря Исааковича распорядился вытащить из ямок воткнутые туда березки и разбросать их по дороге, а саму дорогу завалить сушняком.

...Прошло несколько лет. Неумолимое время, казалось бы, смело все следы трагедии. Дорога заросла кустарником, карстовая воронка постепенно наполнилась водой и стала озерцом.

Но следы остались.

В ямки по обе стороны дороги ветром набросало шишки ольхи, и теперь там поднялись молодые деревца с черной корой и темнозеленой листвой, образуя как бы погребальный кортеж к месту гибели предпринимателя.

На обнажившихся же известняковых стенках карстовой воронки в массе разросся папоротник Цистоптерис фрагилис. Узкие темнозеленые листья его сплошной траурной лентой спускаются к самому дну – вечному пристанищу Оскара Михайловича и двух его спутников.

...In pace requiscat!

...Да починут в мире!

ГИБЕЛЬ ПАРКА

Одним из самых загадочных событий в экологической истории Нижегородского края является беспощадная вырубка старинного парка в с. Богородском (теперь город и райцентр Богородск) в 1890 г. Бывший владелец этого села граф Шереметев, нуждаясь в деньгах, продал парк на дрова лесопромышленникам.

Дело это кажется совершенно банальным для тех времен, если не брать в расчет двух обстоятельств. Во-первых, жители Богородского собрали сумму, с лихвой перекрывавшую ту, что просили лесопромышленники, но граф не захотел брать денег с потомков его крепостных, желавших и дальше наслаждаться этим прекрасным творением безвестных садовников далекого прошлого. Во-вторых, через год после указанных событий, граф выстроил в Москве особняк, потратив на это сумму, по меньшей мере в пять раз большую, чем вырученная за продажу парка. Все это заставляет думать, что истинная цель вырубки парка была иная, чем официально заявленная.

Знакомясь с этим делом, я еще в шестидесятые годы проштудировал имевшуюся в одной из богородских библиотек монографию Александра Барсукова «Род Шереметевых»; тогда же мне довелось встретиться с почтенным Ефремом Михайловичем К-ниным., 87-летним богородским старожилом. Как рассказывал мне ветеран, его дед (в честь которого он и получил свое имя) умер тотчас же после получения вольной от своего барина. Вольную же он получил в награду за выполнение поручения – зачем-то слазить на один из кедров, что рос в парке. Ефрем Михайлович познакомил меня с любопытным преданием, хранившимся в его семье: оказывается, в то время, когда вырубали парк, граф, обрядившись в поддевку и смазные сапоги, «как купчишка» бегал по парку, ругался с лесопромышленниками и добился, что десять больших деревьев, очистив от сучьев, закатали на барский двор.

Постепенно в моем сознании начала выстраиваться достаточно достоверная версия происшедшего. Окончательно же она оформилась в 1999 г. в беседе с моей любимой ученицей Ингой Киселевой, теперь выпускницей Архитектурно-строительного университета и дипломированной специалисткой, а тогда юной десятиклассницей, под моим руководством писавшей исследовательскую работу по истории парков. Версию эту я и предлагаю вниманию читателей.

...Граф Шереметев, блестящий кавалергард, двадцатилетний красавец, умел сочетать в себе, казалось бы, совершенно несовместимые качества. Он был одновременно бесшабашный кутила и ловкий царедворец. Один из самых преуспевающих флигель-адъютантов Николая Павловича, он был отчаянный ловелас и примерный служака; одни из современников аттестовали его как мота, другие как стяжателя. По-видимому, граф знал, кому с какой стороны выгоднее показаться.

Когда в 1830 году в Польше вспыхнуло восстание, молодой ротмистр был послан с самыми широкими полномочиями в Брест–Литовск. Не довольствуясь ролью правительственного комиссара, граф лично разъезжал по уезду с отрядом казаков, гоняясь за повстанцами.

Как-то раз один из его шпионов донес графу, что в свой замок вблизи Бреста вернулся его владелец, недавно раненный в сражении с русскими войсками. Шереметев с двумя сотнями казаков внезапно появился перед замком, оцепил его со всех сторон, а затем учинил обыск. Бродя по замку, ротмистр случайно обнаружил потайную дверь, выстрелом из пистолета разбил внутренний замок и вошел в каморку. Глазам его предстал владелец замка, которого перевязывала жена. Разыгралась сцена, впоследствии описанная Герценом в «Былом и думах». После того как под убийственным взглядом ослепительной красавицы Шереметев исчерпал обыкновенные аргументы о присяге, долге верноподданного и т.д. и т.п. и пробормотал, что же ему делать, очаровательная панна промолвила:

– Взять небольшой подарок и уйти!

С этими словами она протянула ему, по-видимому, приготовленную заранее золотую, усыпанную бриллиантами шкатулку и вытолкнула ротмистра вон.

Шереметев объявил своим казакам, уже обыскавшимся флигель-адъютанта, что донос оказался ложным, в каморке находится не владелец замка, а раненый бунтовщиком домашний учитель, русский дворянин и верноподданный государя.

Прибыв в свою штаб-квартиру, граф заперся в кабинете, открыл шкатулку и увидел внутри сверкавшую алыми рубинами и зелеными изумрудами диадему прекрасной работы...

...Шло время; в чине генерал-майора Шереметев вышел в отставку и поселился в своем имении в селе Богородском. В 1855 г. император Николай Павлович скончался; в воздухе повеяло переменами, казалось, вся Россия воспрянула духом... Увы, далеко не вся!

К числу недовольных принадлежал и старый граф. Человек он был дальновидный и понимал, что дело идет к освобождению крестьян, причем не исключалось, что крестьяне освободят себя сами и тогда он и его семейство лишится всего... Нужно было понадежнее спрятать, прежде всего, драгоценную шкатулку с диадемой... И тут старый граф вспомнил, что лет сорок тому назад, когда он приехал как-то в свое село, мальчишки, в его присутствии забравшись на один из кедров, росших в парке, обнаружили там большое дупло. Память у графа была отменная, помнил он не только этот кедр, но и мальчишек, из которых к этому времени остался в живых лишь один Ефрем К-нин.

И вот как-то раз поздним вечером граф призвал его к себе в кабинет. Когда крестьянин вошел, граф протянул ему гербовую бумагу.

– Знаешь ли ты, что это за бумага?

– Не могу знать, ваше сиятельство, – пролепетал испуганный мужик.

– Это вольная для тебя и для твоей семьи. Осталось лишь вписать имена. Но для этого ты прямо сейчас должен оказать мне небольшую услугу.

– Благодетель, отец родной!.. – Ефрем бухнулся на колени. – Все сделаю, только прикажи!..

...Через полчаса барин и мужик, крадучись, как воры, вышли с заднего крыльца уже заснувшего барского дома и крылись в парке. Бала глухая полночь, но полная луна на безоблачном небе светила ярко и кедр с дуплом был найден быстро. Ефрем с помощью кошек забрался на дерево, спустил сверху веревку и поднял небольшой сверток промасленной кожи, поданный ему барином. Он запихал сверток в дупло и замазал его смесью опилок со смолой; ведро с этим составом ему также приготовил барин. Через полчаса оба они опять оказались в знакомом кабинете.

Шереметев обмакнул перо в чернильницу, вписал в бумагу имена и подал ее мужику. Ефрем стал на колени и поцеловал барину руку.

– Ну-ну, – снисходительно промолвил граф. – Теперь этого не требуется, ведь вы, почтеннейший Ефрем Лукич – свободный гражданин! Давайте выпьем по русскому обычаю!

С этими словами граф подошел к буфету, наполнил вином бокал и граненый стакан и чокнулся с Ефремом. Выпили еще и еще раз, закусывая бисквитами.

– Забористое у вас вино, ваше сиятельство, аж огонь по жилам идет, и голова кружится, – бормотал заплетающимся голосом мужик.

– Это у вас от волнения, мой друг, – пояснил граф, осторожно, под ручку, выводя свободного гражданина с крыльца.

...Как сумел добраться Ефрем до своей избы и при этом не потерять зажатую в кулаке вольную, жена и дети так понять не могли. Рано утром нашли его у крыльца, уже умиравшего.

– Залез на дерево – вольная, да не про меня видно писана... – только и сумел промолвить он коснеющим языком.

А, вскорости, и сам граф занемог: видно и в бокал попало немного того черного порошка, что отсыпал он в граненый стакан. Когда, получив депешу, сын примчался в имение, старый граф уже терял сознание, язык уже с трудом повиновался ему.

– В дупле кедра наследство... Господь покарал меня... – только и смог разобрать молодой граф.

Сначала наследник, вспоминая эти слова, считал их бредом умиравшего. Но шло время, капиталистские мужики богородские, освободившиеся от крепостной зависимости, постепенно богатели, а молодой граф беднел. И тут-то он вспомнил о предсмертных

словах покойного отца и понял, что в одном из кедров и в самом деле наследство. Да только в каком? И как достать его?

Спилить все кедровые подряд и осматривать их в поисках дупла? Опасно! А ну как крестьяне догадаются в чем дело, раньше барина обнаружат заветное да и утащат?!

И тут граф нашел гениальный ход: спилить вообще все деревья, чтобы никто не догадался и в суматохе лесоповала самому осмотреть их. Так он и сделал: сторговал парк лесопромышленникам за сходную цену, выговорив условие, чтобы десять деревьев по его указанию, были доставлены на барскую усадьбу.

И вот настал день побоища. Один за другим рушились деревья редких пород. Граф был тут как тут, дуплистый кедр обнаружил быстро и по его указанию еще девять деревьев разных пород, обрубив вершины и сучья, доставили на усадьбу. Дупло в кедре было малозаметным да и вообще в горячке на него никто не обратил внимание. Ночью граф прокрался к кедровому, вскрыл дупло и, запустив внутрь руку, вытащил сверток со шкатулкой. Остальное известно: граф обратил драгоценности в деньги, и выстроил прекрасный дом в центре Москвы, который и сдавал с большой для себя выгодой. Перед революцией в нем размещались несколько купеческих контор, две редакции, клуб и апартаменты самого графа.

По иронии судьбы какое-то время в одной из комнат этого здания располагался офис Союза ландшафтных архитекторов России, члены коего неустанно пекутся о сохранении старинных парков.

ПРОИСШЕСТВИЕ В АРЗАМАСЕ

В архивах каждой прокуратуры имеются так называемые «безнадежные дела» об убийствах. В делах этих содержатся немногочисленные материалы о гибели людей, по которым самые тщательные розыски не дали никаких результатов. Приходило время, и дела эти сдавались в архив. Крайне редко рука человека касалась их, разве что историк-криминалист использовал их в своих штудиях. Нечто подобное имеется и в моем архиве, где сосредоточены криминальные истории прошлого, связанные с изучением природы. Одна из таких неразгаданных тайн – гибель в Арзамасе в 1842 г. молодого натуралиста Ивана Кирилова и пропажа всех бывших при нем бумаг. Впервые я познакомился с этой историей свыше четверти века тому назад и стал собирать материалы и об Иване Кирилове, и о его научном руководителе Григории Силыче Карелине. Тогда-то передо мной в этой давней темной истории и забрезжил луч света...Окончательную же уверенность в правоте своей версии я обрел на уроке географии в моем любимом 8 «д»

классе весной 1998 года, когда мы обсуждали перипетии несчастного похода Бековича-Черкасского. Позднее эта версия окрепла в беседах с моими любимыми ученицами этого класса, а теперь выпускницами нашего университета Ирой Краевой, Ренатой Майоровой и Машей Малкиной. Эту свою версию я и предлагаю вниманию читателей.

...С 1823 года офицер Корпуса военных топографов Григорий Силыч Карелин начал систематические исследования сначала южного Урала, затем территории Киргиз-кайсацкой орды, как именовали в ту пору Казахстан. В 1840 году его отряд проник в сердце Средней Азии и достиг Семиречья. Удобные пути в Хиву, Бухару и Коканд, тамошняя флора и фауна, геология местности, месторождения полезных ископаемых – все оказалось в центре внимания неутомимого ученого и его верного помощника и ученика студента Ивана Кирилова.

В июле 1842 года Григорий Силыч отправил Кирилова с научными материалами и депешей на имя тогдашнего министра иностранных дел графа Карла Васильевича Нессельроде (ибо экспедиция Карелина работала вне пределов российских) в Петербург. В те времена путь из Средней Азии в Россию вел через небольшой городок Арзамас. Это был, однако, важный транспортный узел, ибо через него шла дорога на Муром и далее на Москву, а также на Нижний Новгород и через него на Кострому, Ярославль и далее на Петербург. Недаром впоследствии через Арзамас прошли две крупных железных дороги.

В Арзамасе Иван Кирилов остановился в гостинице, где стал приводить в порядок свои материалы перед отъездом в столицу. На третий день его пребывания, вечером, как свидетельствовал рапорт полицмейстера городничему «...трактирный слуга Осип Романов, поднявшись в номер господина Кирилова, имея при себе поднос с ужином, усмотрел дверь приоткрытую и постучал, и не получив ответа, вошел в номер. Глазам его предстало распростертое на полу тело господина Кирилова. Вызванный содержателем гостиницы частный пристав К...нашел, что при покойном оказались только паспорт и дорожная и никаких более бумаг. Осмотром тела уездным лекарем коллежским советником и медицины доктором Б...доподлинно выяснено, что смерть господина Кирилова не от чего иного произойти имела, как от внезапной остановки сердца, из чего Ваше Высокоблагородие изволите усмотреть, что дело это есть несчастной случай, соединенный с воровством, кои обыкновенно в наших гостиницах происходят. О розыске бумаг покойного, особливо депеши Его Сиятельству Господину Министру Нессельроду взяты самые строгие меры».

Однако усердие уездной, а затем и губернской полиции никаких результатов не дало. Масла в огонь подлил рапорт уездного лекаря, утверждавшего, что «...господин Кирилов

точно умер от остановки сердца, но исследование органов покойного оставляет в подозрении вероятие отравления малой толикой яда, однако ж весьма сильного...».

Дело это велено было предать забвению, с тех пор числится оно в безнадежных.

Действительно, убийцу спустя свыше полутора года лет, мы установить не сможем.

Но мы, как кажется, вполне сможем сделать обоснованный вывод, кому была выгодна и смерть Кирилова, и пропажа бумаг экспедиции, как и удаление в 1845 году из Азии и самого Карелина, и хищение из кладовой храма Христа Спасителя коллекций Григория Силыча и поджог в 1872 году его дома со всеми картами, дневниками и записными книжками...

...Январь 1841 года был в Петербурге на редкость холодным, но в кабинете хозяина обширного здания английского посольства было жарко: в камине весело трещали огромные лиственничные поленья. В кресле напротив хозяина сидел человек, к услугам которого посол прибегал изредка и неохотно. Собеседник посла имел весьма скромный чин в дипломатической иерархии, но знал себе цену и держался независимо.

Посол был хмур.

– Я вызвал вас, мой друг, для того, чтобы познакомить с депешей виконта Пальмерстона. Правительство ее величества весьма озабочено активным проникновением русских в Азию. Они уже на пути в Индию, причем идут туда с двух сторон – и со стороны Тегерана на Кабул и со стороны Оренбурга на Хиву...

– Вы драматизируете ситуацию, дорогой сэръ. Осада Герата персидской армией, которой руководил сам российский посол, генерал Симонич, снята еще в тридцать восьмом году. Что касается пути из Оренбурга в Хиву, то вы прекрасно знаете, какая сокрушительная неудача постигла на этом пути экспедицию губернатора Оренбурга генерала Василия Перовского через год после гератских событий...

Посол внутренне содрогнулся: как аристократ, он питал снисходительное презрение к своему собеседнику, сыну лондонского констебля, с невероятным упорством выбившемуся в люди. То, что этот сноб имел наглость перебить его, коробило баронета.

– Вы забыли, мой друг, что у России есть не только неудачливые генералы. В этой стране почему-то всегда находится немало волонтеров, готовых лечь костьми, как они говорят, «за святую Русь», хотя их отечество весьма скуп на награды...

– Вы имеете в виду Ивана Виткевича, их агента в Кабуле? Но ведь он...хм...нейтрализован! Притом в самый год гибели экспедиции Перовского!

– Да, Виткевич нейтрализован и правительство ее величества, и мы лично высоко оценили ваше усердие в этой операции, но ведь остаются другие волонтеры.

– Кто же именно вас беспокоит, милорд?

– Я имею в виду полковника Карелина. Его руки дотянулись уже до Иртыша и Семиречья. Имейте в виду, что последний пункт – развилка дорог и в Индию, и в Китай. Болтливая «Северная пчела» уже прожужжала про успехи его экспедиций: положенные на карту дороги и даже караванные тропы, разведанные месторождения золота и драгоценных камней, обширный местный рынок для русских товаров. Само собой разумеется, что чисто научные его успехи в зоологии и ботанике нас не беспокоят.

– Я напоминаю вам, мой друг, – продолжал посол, – что джентльмены Сити отнюдь не заинтересованы в том, чтобы богатства природы этого уголка Татарии попали в руки русских. Их беспокоит также опасность потери тамошнего рынка для английских товаров. Что касается правительства ее величества, то оно раз и навсегда заявило, что не потерпит проникновения кого бы то ни было на путях в Индию со стороны центра Азии!

– Мне все ясно, милорд, но осмелюсь напомнить, что вряд ли во второй раз нам удастся инсценировать самоубийство, как в случае с Иваном Виткевичем...

– Посол замахал руками:

– Нет, нет, мой друг, не нужно обсуждать со мной техническую сторону операции! Вы же знаете, я в этих делах профан, и вполне доверяю вам...

...Собеседник посла был, как истинный англичанин, человек флегматичный и основательный. Два месяца он потратил на сбор всей информации, еще и еще раз перепроверяя добытые сведения, и только потом начал действовать. Еще два месяца спустя из Петербурга с интервалом с неделю каждый выехали четыре человека.

Отлично говорившие по-русски, с великолепно изготовленными бумагами, они разными маршрутами добрались до Арзамаса и поселились в разных гостиницах и постоялых дворах. Только специально установленное за ними наблюдение смогло бы выявить, что они ежедневно встречаются в торговых рядах. Но кому же из служителей арзамасской полиции придет в голову следить за купцом третьей гильдии, ремесленником, недоучившимся студентом и отставным чиновником?!

Но если эти четыре человека и не привлекали к себе внимания, то прибытие в сентябре Ивана Кирилова, везущего важные бумаги самому Нессельроде, сразу стало известно всем. После того, как Кирилов побывал у городничего сначала с официальным визитом, а потом и на званом обеде, не только местные чиновники, но и постояльцы гостиниц почли за честь засвидетельствовать свое почтение молодому натуралисту. Среди них был отставной петербургский чиновник Степан Евлампиевич, приехавший в Арзамас присмотреть себе в уезде деревеньку.

У Ивана и Степана Евлампиевича оказались общие знакомые – офицеры оренбургского гарнизона, где когда-то служил племянник Степана Евлампиевича.

На следующий день отставной чиновник, досконально уже изучивший распорядок дня ученого гостя, явился к нему с бутылкой кларета как раз после того, как трактирный слуга вынес из номера Кирилова остатки обеда.

Гость предложил распить бутылку, попросив только Ивана сходить в соседний номер еще за одним стаканом.

Когда тот вернулся, один стакан был уже наполнен. Степан Евлампиевич налил себе в принесенный и, чокнувшись с Иваном, выпил.

Заели бисквитами, и выпили еще и еще.

Расстались они друзьями.

Кирилов, поспав, по обыкновению, часок после обеда, принялся за завершение составления отчета, но вдруг почувствовал странную истому и жжение в сердце...

Теряя сознание, он повалился на пол и в зрачках его невидящих уже глаз отразился силуэт Степана Евлампиевича, деловито засовывающего в саквояж бумаги Ивана Кирилова...

ПРОПАВШАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Еще студентом университета, просматривая тома «Курса русской истории» В.О.Ключевского, наткнулся я на упоминание невероятного случая, происшедшего во времена николаевские. Московские судебные власти начали дело о некоем откупщике. Дело это тянулось несколько лет и составило десятки огромных томов. Велено было его препроводить в Петербург. Наняли подводы, приставили охрану – и дело пропало неизвестно куда! Из Москвы оно выехало, в Петербург не прибыло. Исчезло всё – подводы, лошади, возчики, бумаги, сопровождающие чиновники и солдаты охраны! Несмотря на строжайшее распоряжение самого Николая Павловича все исчезло совершенно без следа!

Случай этот напомнил мне историю, случившуюся в 1858 г. в Варнавинском уезде, числившемся тогда в Костромской губернии.

В то время Военно-топографическое управление Генерального Штаба разслало по губерниям офицеров и нижних чинов для составления подробных карт и сбора статистических сведений. В Костромской губернии этим руководил Генерального Штаба полковник Крживоблоцкий, написавший по материалам своих изысканий книгу, хорошо известную и костромским, и нижегородским краеведам. В Варнавинский уезд им был послан Генерального Штаба поручик Михайлов, а также Корпуса военных топографов прапорщик Малышев и унтер-офицеры Кошенков и Зайцев.

Прошел месяц, другой, но экспедиция поручика Михайлова не возвращалась и вестей о себе не подавала. На запрос полковника из варнавинской уездной полиции поступила депеша, что «...сведений о партии г-на Порутчика Михайлова в уездную полицию не явлено».

Спешно посланный Крживоблоцким его помощник, Генерального Штаба капитан Кокурошников донес рапортом, что встретили его в уезде неприветливо, от помощи уклонились, и ему пришлось самому с двумя унтер-офицерами ехать по следам поручика.

Путь его закончился в деревне Якутино, из которой, по сообщению местных жителей, партия поручика Михайлова двинулась на кордон Медвежий по гати через болото Гнилая Шохра, ведомая местным крестьянином Антоном Степановым.

«По строжайшему расспросу Степанова и прочих жителей деревни, выяснилось, что означенный Степанов страдал расстройством живота, и смог довести партию г-на Михайлова лишь до гати, с которой шла прямая дорога на кордон. Сам же Степанов спешно воротился домой и слег, изнуренный болезнью, от коей оправился лишь через неделю. Сии сведения подтверждаются и показаниями добрых мужиков оной деревни. По расспросу же обитающих на кордоне работников Степанова, о партии поручика Михайлова они и не слыхивали, и самый тщательный обыск никаких результатов не дал».

Между тем срок командировки полковника и его людей истек, надо было возвращаться в Петербург. Перед отъездом Крживоблоцкий посетил костромского губернатора и попросил помочь в розыске пропавшей экспедиции.

Через месяц Военно-топографическое управление получило отписку из Костромы, что в связи с бунтами крестьян, местные полиция и жандармерия не имеют возможности заняться розысками пропавшей партии поручика Михайлова.

Тон и само содержание отписки были настолько равнодушно-возмутительными, что Крживоблоцкий добился аудиенции у курировавшего военных топографов Президента Императорского Русского Географического общества Великого Князя Константина Николаевича, младшего сына покойного государя Николая Павловича, и попросил его скорейшего вмешательства.

Но тем он только испортил дело!

Константин Николаевич, человек демократических убеждений и противник крепостного права, был на ножах с придворной камарильей, и министр внутренних дел, и шеф корпуса жандармов сделали все, чтобы саботировать поиски.

Уже в советское время, во время торфоразработок на Гнилой Шохре, которая узкой полосой тянется чуть не на десять километров, в свежем торфе нашли истлевшие останки

четыре человек в военной амуниции. Несомненно, то были останки Михайлова и его спутников.

Но тогда встает вопрос, как они оказались на болоте вдали от гати?

Ответа на этот вопрос мы, разумеется, никогда не получим, можно лишь выдвигать различные версии. Одну из них я предлагаю вниманию читателей.

...Весть о том, что в Варнавинский уезд прибыли офицеры и нижние чины для производства топографического и статистического описания очень быстро достигла самых отдаленных деревень и починков. Большинство крестьян по старой привычке не ждали от «землемеров» ничего хорошего. Боялся их и житель деревни Якутино Антон Степанов. Был он богат и имел полтора десятка работников, которые курили смолу, драли и вымачивали лыки и ходили за пчелами, коих было у него тридцать колод.

Со своими товарами ездил Антон не только в Варнавин, но и в Нижний (заметьте себе, что уже в те времена этот уезд тяготел не к Костроме, а к Нижнему Новгороду, что и повлияло, уже при советской власти, на переподчинение его!). Уездные чины знали Антона хорошо, ибо в праздники получали от него по туесу меда. Знал его и архиерей, поскольку воск для свечей и прочей надобности причта жертвовал Степанов отменный. Был он к тому же человеком грамотным и усердно читал Библию, Жития святых и другие душевспасительные книги.

Так чего же боялся этот тароватый, смиренный, богобоязненный мужик?

Верстах в шести от деревни, за болотом Гнилая Шохра был у него маленький починок, отмеченный в лесной карте как кордон Медвежий, где стояла большая часть ульев, и где жили два его работника. Место было глухое, и его односельчане туда не заглядывали.

Как-то, лет за десять до описываемых событий, арендовал Антон казенный лес в округе починка. Плату с него взяли самую малую, ибо лес тот был худосочный сосняк с березняком по песку. С тех пор каждую весну Степанов с работниками потихоньку расчищали поляны, год от году ширились прогалины, пораставшие Иван-чаем, лучшим медоносом тех мест. Как сказали бы мы теперь, расширялась база для пчеловодства, и вместе с тем рос доход мужика.

К описываемому нами времени казенного леса фактически уже не было, а была лишь декорация леса: сплошная густая стена деревьев, а за ней обширные прогалины, перемежающиеся порослью деревьев и кустарников. Лесного смотрителя, время от времени наезжавшего сюда, Степанов умасливал, а как быть с дотошными офицерами-топографами?

Слухи о них ходили один ужаснее другого: то новоросчисть обнаружат, то починок, то сожженный лес и обо всем пишут в бумагах, а вяток не берут вовсе!

Меж тем партия поручика Михайлова прибыла в волость и волостной старшина, кое-как разобрав бумагу с двуглавым орлом, решил определить гостей в Якутино:

– Определяю я вас, ваше благородие, и всю вашу команду к доброму мужику Степанову Антону. Первый он, значит, хозяин по округе, во всей нашей волости, мужик справный. Лесом кормится и около себя людям работу и хлеб дает. Я его сейчас извещу, и вы завтра к нему в деревню с богом!

На другой день поручик, прапорщик и двое унтеров на подводах прибыли в деревню. Антон, предупрежденный посыльным, угодливо кланялся господам офицерам и отвел всем место наверху, а сам со своей семьей перебрался в подклеть.

Через неделю, произведя съемки ближней округи, Михайлов попросил Антона проводить партию к кордону Медвежьему, известному ему ранее по лесной карте. Лесная карта тех времен была очень схематичной и приблизительной, и ориентироваться по ней было затруднительно.

Услышав просьбу поручика, Степанов похолодел от ужаса, но виду не подал и попросил только два дня отсрочки, ибо наступала суббота, надобно было попариться в баньке, а в воскресенье сам господь бог велел отдыхать от трудов праведных. Михайлов охотно согласился на отсрочку, ибо в баньку пригласили его и спутников, а услужливая работница забрала у «господ землемеров» грязное белье для стирки.

На следующий день Антон встал рано, чуть свет и направился на кордон, где долго совещался со своими работниками. Привезены они были Степановым три года назад из Макарья, и никто не знал, что были они беглыми каторжниками. К их услугам хозяин прибегал лишь в крайних случаях и вот теперь такой случай наступил...

...В понедельник партия, ведомая Антоном, пошла на кордон. Унтера несли геодезические приборы, а поручик с прапорщиком при планшетах шагали налегке. Вооружены все они были пистолетами, унтера сверх того – артиллерийскими тесаками, а офицеры – саблями.

Накануне Антон почувствовал себя плохо, всю ночь маялся животом, и теперь шагал кое-как, опираясь на клюку, и то и дело командирясь в кусты. Наконец он остановился, чтобы перевести дух, и сообщил поручику, что торной тропой он их вести не может, ибо она петляет, сил же идти у него, Антона, более нет, и поведет он их напрямик через лес. Скрепя сердце, поручик согласился, ибо не просто шел по дороге, но отмечал азимуты и отмерял длины ее, чтобы положить на карту.

Через полчаса, поминутно хватавшийся за живот Степан вывел их к болоту; было оно не особо широко, но уходило вправо-влево насколько хватало глаз. Через болото тянулась гать, то есть набросанные продольные жердины, на которые были уложены поперечные. Всмотревшись, поручик увидел, что она не доходит до противоположного края болота.

– И, ваше благородие! – проговорил Антон, – мы люди простые и торной дороги нам не надобно! Где топко, там и стелем, а где место посуше, да покрепче – так обходимся! Вы, когда до конца гати дойдете, ступайте прямо на сосну-двойняшку, вон она виднеется. Там и тропа начинается, прямо на кордон выведет, до него рукой достать! Вы не сумлевайтесь, тот край болота много суше.

– Ну, спасибо, Антон, – проговорил поручик. – Ступай домой, а мы уж сами дойдем. Да лечись хорошенько.

Беспреданно стонавший Антон скрылся за кустами, а четверо топографов, вооружившись жердинами, пошли через болото.

Вначале они ступали с опаской, но затем осмелели, пошли уверенней. На середине болота остановились, сделали засечки, отметили в планшетах и пошли дальше.

Между тем характер болота менялся. Исчезли чахлые сосенки и березки, кусты багульника и голубики, высокие кочки, поросшие клюквой и морошкой. Болото стало заметно зеленее, на кочках росли теперь сабельник и осока, да и само кочки стали меньше. Но вот гать кончилась и поручик, а за ним и остальные двинулись, прыгая с кочки на кочку, к противоположному берегу, до которого оставалось полтора десятка саженей. Неожиданно, шедший впереди поручик поскользнулся, плюхнулся на зеленую лужайку и тут же погрузился по пояс. К счастью, в руке у него была жердина, которой он оперся на две кочки, правда, тут же погрузившиеся в жижу.

Но тут же рядом с собой Михайлов услышал крик и, обернувшись, увидел, как Кошенков, по-видимому попав в окно, стремительно ушел в трясину, воздев над головой руки. На поверхности плавала только его измаранная бескозырка.

Малышев и Зайцев бросились на помощь поручику, протянули ему жерди и тут же сами провалились сначала по колено, а затем все глубже и глубже...

Все трое, протянув друг другу жерди и ухватившись за них, медленно погружались в трясину и долго еще их крики разносились в окрестном лесу...

Наконец они смолкли. Антон Степанов, наблюдавший из-за кустов агонию топографов и непрерывно читавший по книге отходные молитвы, встал, отложил в сторону припрятанное заранее и ставшее ненужным ружье и ступил на гать. Приблизившись, насколько можно, к месту гибели топографов, он выловил жердиной их

фуражки и бескозырки и вернулся назад. На противоположном краю гати из-за кустов показались два его работника с заряженными ружьями и, увидев, что они не понадобились, махнули рукой хозяину и пошли восвояси.

На следующий день работники унесли с болота жерди, имитировавшие гать, и разбросали их по лесу.

Другая, настоящая гать была в полуверсте. По ней работники воротились на кордон и принялись за свои обычные дела.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ИСТОРИЯ ОДНОГО БРАКОНЬЕРА

В предыдущих разделах наших очерков мы рассказывали о событиях, случившихся в самых разных местах и с самыми разными людьми в прошлом и настоящем. Естественно, что в заключение надлежит рассказать историю, которая, так сказать, объединила бы разнокачественные события. Расскажу-ка я историю про знакомого мне браконьера, в которой задействовано множество самых разных лиц в самых разных местах в самое разное время и последствия которой можно видеть до сих пор...

...Что ни говори, а улицы в центре Нижнего за последние десятилетия стали намного оживленнее и веселее. Проойдитесь по ним в летний день, даже в будни и вы увидите магазинчики, кафе, клубы, рестораны, переполненные праздной публикой. По улицам фланируют толпы беспечной молодежи в самых оригинальных нарядах; здесь же пони, уличные музыканты, хироманты, зазывалы и т.д. и т.п.

Веселье, беспечность кажутся разлитыми в самой атмосфере Покровки, Рождественской, Алексеевской улиц...

А теперь вообразите себе мое состояние, когда я, обследуя липы на Покровке, шел, совершенно уже наполненный ее беспечным и бездумным весельем и вдруг в уши мои ударил мрачный грохот похоронного марша!

Из дверей одного из самых фешенебельных ресторанов выплывал гроб, а за ним с черными траурными повязками на рукавах показались известные мне завсегдатаи этого заведения: богатенькие беспечные студенты, удачливые молодые скоробогачи, коренастые наголо бритые полууголовные молодчики и божемного вида парни и девушки.

– Кого хоронят? – спросил я у одного из шедших за гробом.

– Нашего старикана, папашу Клеклина.

– Как?! Того самого Клеклина?! – изумился я и, вперив очи в покойника, убедился, что так оно и есть!

Клеклин! Легендарная личность, последний могикан из числа профессиональных нижегородских городских браконьеров! Он был знаком мне с тех времен, когда верстаки наши в цеху стояли бок об бок. Отдавая долг памяти, расскажу все о нем без утайки!

В те времена, когда я работал на заводе «Орбита», работал там среди прочих слесарь-механик Клеклин. Был он, что называется, мастер-золотые руки. И, как большинство людей этой категории, он был склонен к употреблению спиртных напитков. Спустя какое-то время он стал склонен уже к злоупотреблению оными, а потом вовсе стал запойным пьяницей. В конце-концов жена добилась его водворения в ЛТП. Вышел он оттуда через год и был окончательно утвержден в звании алкоголика: зарплату ему на руки не выплачивали, ее получала жена, выдавая ему 50 коп. на комплексный обед в заводской столовой и 12 коп. на проезд на работу и обратно. А меж тем не только брненное его тело, но и душа жаждали спиртного! Конечно, товарищи по работе время от времени угощали его, поднося стопку-другую, но для нашего героя это были воробьиные дозы! Много же употреблять Клеклин не решался, боясь гнева своей супруги: его жена была здоровенная бабища без комплексов, виртуозно владевшая солдатским ремнем с тяжелой пряжкой.

Товарищи по работе жалели его, и некоторые даже пытались как-то отвлечь Клеклина от водки; в числе их был председатель цеховой ячейки заводского общества рыболовов Самодлин. Как-то раз он пригласил его с собой на рыбалку в выходной, пообещав, что удочки и все прочее даст сам. Жена Клеклина сначала не хотела его пускать, но потом смиростивилась. Каково же было ее удивление, когда в воскресенье вечером он вернулся с рыбалки на заводском автобусе посвежевшим, трезвым и вдобавок с двумя окуньками!

На следующий день мадам Клеклина купила своему мужу удочку со всеми принадлежностями, термос, рюкзак и книжку «Любитель-рыболов». С тех пор Клеклин сделался заядлым рыболовом, и, как положено настоящему рыбаку стал терпелив, осторожен и стал упорно обдумывать способы как следует напиться. Как-то раз, возвращаясь домой в очередное воскресенье, он, проходя мимо магазина «Таран» что на Сенной, увидел у его дверей свою соседку по подъезду старушку Макарову по прозвищу Божий Одуванчик. Она продавала речную рыбу и по очень хорошей цене! Тут в голове нашего героя созрел план, и Божий Одуванчик его план поддержала!

С тех пор Клеклин стал часть рыбы отдавать старушке и получать деньги. Через полгода в его заначке скопилось уже 200 рублей. Это была сумма! Наконец-то Клеклин смог осуществить свою мечту и напился до бесчувствия!

Позднее он рассказывал мне, что не помнит, как он добрался домой, как жестоко драла его жена (только спина и то, что пониже нестерпимо болели два дня). Помнил он по его словам только одно – блаженное ощущение кайфа, после того, как выкушал бутылку «Столичной».

Через месяц эта история повторилась, и жена выгнала его из дому.

Но Клеклина эта история несколько не смутила! Он заранее договорился с Божьим Одуванчиком и перебрался к ней на квартиру.хлопот с ним было немного: два раза в день накормить, раз в неделю постирать и два раза в месяц потерпеть его пьяную рожу, тем более, что во хмелю он был тих.

Зато доход старушки Макаровой возрос ровно вдвое!

На завод он ходить перестал и дни целые пропадал у острова Печерские Пески, орудя уже не только удочками и спиннингом, но и запрещенными снастями.

Через две недели к нему явился профорг участка электромонтажник Гаврилов и передал ему требование начальства: либо явиться на работу, либо написать заявление об увольнении.

Выслушав профорга, Клеклин вытащил из чемодана свой паспорт, профсоюзный билет, военный билет и заводской пропуск, на глазах остолбеневшего профорга разорвал их на мелкие клочки, а затем вытолкал Гаврилова на лестничную клетку и на прощание крикнул ему:

– Больше ко мне не ходите! ... я вас всех!

Отсутствие документов было ему на руку. «Нет документа – нет и протокола!» – говорил он мне.

Так бы жил он да жил у старушки Макаровой, но случилось неизбежное: старушка умерла, а его племянница, прописанная у нее в квартире, вытурила Клеклина на улицу.

К счастью, за полгода до того, Клеклин отыскал на окраине слободы Печеры врезанный в береговую кручу сарай, оставшийся на месте снесенной усадьбы. Фактически это была просторная пещера, обшитая изнутри просмоленными корабельными досками. Клеклин навесил две двери, сложил печку, благо кирпичей, досок и железяк в поселке было полно, перенес туда свой немудреный скарб и зажил совершенным уже отшельником. Замерзнуть он не боялся, ибо сухих сучьев в нагорной дубраве, рядом с его пещерой было полно.

Круглый год, разве что за исключением очень сильных морозов, проводил он на Волге, орудя запрещенными снастями. Рыбу он продавал сам у того же магазина «Таран». На вырученные деньги он покупал соль, спички, мыло, свечи и кое-какую еду.

Все остальное – одежду, обувь, кухонную утварь он собирал на помойках. Как ни странно, но от спиртного он постепенно совершенно отвык.

Я скоро узнал об этом и по просьбе своей жены, женщины сердобольной, наладил с ним прямой товарообмен. Раз в неделю я приносил ему свечи, кое-какие продукты, иногда – поношенные, но чисто выстиранное белье и одежду и забирал у него часть рыбы. Как сейчас помню свое посещение его в начале зимы 1999 года.

Каким уютным показалось мне это жилище отшельника с весело гудящим огнем в печке, с котелком, из которого доносился аромат ухи!

И сам отшельник – заросший волосами, обветренный, с заскорузлыми руками, в которых он держал подаренную ему в Печерской церкви Библию!

Простуженным сипловатым голосом читал он мне Книгу пророка Иеремии и сам казался мне одним из тех пророков, что выходили из потаенных пещер по-над Иорданом проповедовать слово божие по городкам Иудеи, Самарии и Галилеи...

...Но всему приходит конец. О необычном отшельнике узнала милиция. Сама по себе она, конечно, не тронула бы Клеклина – он был существом безобидным, но в дело включился городской комитет по природопользованию и охране среды, не пожелавший терпеть браконьера в черте города. Клеклина увезли в милицейском УАЗе, позволив взять с собой только Библию, а, поскольку документов у него не было никаких, и назвать себя он отказался, его поместили в приемник-распределитель.

На его счастье, через неделю это учреждение посетил благотворитель, владелец одного из ресторанчиков на Покровке. Он привез в подарок обитателям сего заведения импортные подарочные наборы, в которых были крем для загара, пакетики со жвачками и презервативами, гребешок и зеркальце, на обороте коего красовался портрет Его Высокого Святейшества Папы римского Иоанна Павла II.

Благообразное, окаймленное чудесной бородой лицо Клеклина, его плавная, тихая речь, перемежаемая цитатами из Библии, произвели неотразимое впечатление на владельца ресторанчика, который забрал его с собой, определив швейцаром. Жить Клеклин стал там же, в маленькой комнатке рядом с черным ходом.

И как же импозантно выглядел наш герой, одетый в шитый серебром мундир швейцара! С какой величавой снисходительностью принимал он чаевые у посетителей!

Скоро Клеклин сделался кумиром всей нижегородской золотой молодежи, валом повалившей в это доселе малопосещаемое учреждение общепита; за какой-нибудь год доход владельца ресторана увеличился более чем в пять раз!

К сожалению, счастье Клеклина длилось недолго. Через три года он заболел: сказались годы лишений и его собственная мягкость, не позволявшая ему отказаться

выпить стопку-другую с посетителями за свое здоровье. С диагнозом цирроза печени он был определен в 1 городскую клиническую больницу. И хотя владелец ресторана, пытаясь спасти своего протеже, закупил дорогостоящие импортные лекарства, спасти бедолагу не удалось.

Скромный памятник его на Канавинском кладбище украшает изображение рыбы – символа его занятий и вместе с тем символа христианства, к таинствам коего он приобщился под конец жизни.